DOI: 10.21209/2227-9245
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10

ISSN 2227-9245
eISSN 2500-1728

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА 2020

Том 26. № 10

TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY JOURNAL

Bulletin of ZabGU

Чита
Забайкальский государственный университет
2020

ISSN 2227-9245
eISSN 2500-1728
DOI: 10.21209/2227-9245
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10

Основан в 1995 г.

Учредитель и издатель: **ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»**

Юридический адрес: 672039, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Адрес редакции: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, каб. 320

Тел.: +7 (3022) 21-88-73
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web-сайт: http://zabvestnik.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-71265 от 17.10.2017 г.

Периодичность издания: 10 номеров в год

Журнал «Вестник Забайкальского государственного университета» до № 8 (87) 2012 г. выходил под названием «Вестник Читинского государственного университета»

Журнал «Вестник Забайкальского государственного университета» имеет отдельно издаваемое приложение – журнал "Аспирант" (ISSN 2074-9155), периодичность издания: 2 номера в год

Журнал рекомендован ВАК РФ для публикации результатов исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук
Научные направления журнала:
– науки о Земле;
– политология;
– экономические науки
Журнал включен в:
– систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
– базу данных ВИНИТИ РАН;
– НЭБ «Киберленинка» ;
– каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory

Подписку на журнал «Вестник ЗабГУ» можно оформить в любом почтовом отделении. Подписной индекс по федеральному почтовому Объединенному каталогу «Пресса России» и интернет-каталогу «Российская периодика» – www.arpk.org: 82102. Подписка осуществляется и через редакцию. Цена свободная.

Все материалы, опубликованные в научном журнале «Вестник ЗабГУ», являются авторскими и защищены авторскими правами. Перевод материалов и их переиздание в любой форме, включая электронную, возможны только с письменного разрешения редакционной коллегии.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях, высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Фотографии предоставлены авторами и опубликованы с их согласия

Вестник ЗабГУ
теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

Главный редактор – Романова Н. П., д-р социол. наук, профессор;
Ответственный секретарь – Пешкова Н. Г.;
Редактор перевода – Каплина С. Е., д-р пед. наук, профессор; Кучинская Т. Н., д-р филос. наук, доцент;
Литературный редактор – Шевчук Т. Р.;
Технический редактор – Петрова И. В., канд. социол. наук

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: С. А. Иванов, д-р техн. наук, профессор, ректор Забайкальского государственного университета;
Зам. председателя редакционного совета: А. Н. Хатькова, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе Забайкальского государственного университета

Члены редакционного совета

Науки о Земле
25.00.11 – Геология, поиски и разведка твердых полезных ископаемых, минерагения – И. В. Бычков, д-р техн. наук, профессор, академик РАН (Иркутск); А. А. Кирдяшкин, д-р геол.-минер. наук, профессор РАН (Новосибирск); В. Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск); Ю. В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); Г. В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. НАН КР (Хабаровск); С. М. Синица, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита); Г. А. Юргенсон, д-р геол.-минер. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита);
25.00.13 – Обогащение полезных ископаемых (технические науки) – В. Р. Алексеев, д-р геогр. наук, профессор, член-корр. Академии водного хозяйства, почетный член Русского географического общества (Якутск); А. Г. Кирдяшкин, д-р техн. наук, профессор РАН, заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии РФ (Новосибирск); Н. Н. Орехова, д-р техн. наук, доцент (Магнитогорск); В. И. Ростовцев, д-р техн. наук (Новосибирск); А. Г. Секисов, д-р техн. наук, профессор, ИГД СО РАН (Хабаровск); В. П. Мязин, д-р техн. наук, Заслуженный профессор ЗабГУ (Чита); В. Я. Потапов, д-р техн. наук, профессор кафедры горной механики (Екатеринбург); И. В. Шадрунова, д-р техн. наук, профессор (Москва);
25.00.36 – Геоэкология (по отраслям) (геолого-минералогические науки) – В. Н. Заслоновский, д-р техн. наук, профессор (Чита); Е. В. Зелинская, д-р техн. наук, профессор кафедры обогащения полезных ископаемых и охраны окружающей среды (Иргутск); В. Н. Макаров, д-р геол.-минер. наук, профессор (Якутск); Л. В. Шумилова, д-р техн. наук, профессор (Чита)

Политология
23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии – Т. Е. Бейдина, д-р полит. наук, профессор (Чита); О. В. Омеличкин, д-р полит. наук, профессор (Кемерово); Т. Б. Цыренова, д-р полит. наук, доцент (Улан-Удэ);
23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития – В. В. Гриб, д-р юрид. наук, доцент (Москва); А. В. Жуков, д-р филос. наук, профессор (Чита); Е. В. Матвеева, д-р полит. наук, Заслуженный деятель науки и образования РАЕ (Кемерово); В. Ф. Печерица, д-р ист. наук, профессор (Владивосток);
23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика – А. Д. Воскресенский, д-р полит. наук, профессор (Москва); Ю. А. Зуляр, д-р ист. наук, профессор (Иркутск); А. А. Протасевич, д-р юрид. наук, профессор (Иркутск); И. В. Романова, д-р социол. наук, профессор (Чита); Ю. Н. Туганов, д-р юрид. наук, профессор (Москва); А. С. Чесноков, д-р полит. наук, доцент, Первый секретарь Посольства РФ в Республике Кении (Екатеринбург)

Экономические науки
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям м сферам деятельности) – С. А. Городкова, д-р экон. наук, профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета (Чита); Е. А. Малышев, д-р экон. наук, профессор (Санкт-Петербург); М. С. Оборин, д-р экон. наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики (Пермь); О. П. Санжина, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ); С. А. Шелковников, д-р экон. наук, профессор (Новосибирск);
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит – Е. С. Вылкова, д-р экон. наук, профессор (Санкт-Петербург); И. П. Глазырина, д-р экон. наук, профессор (Чита); Л. В. Кох, д-р экон. наук, профессор (Санкт-Петербург);
08.00.14 – Мировая экономика – Н. И. Атанов, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ); В. Ю. Буров, д-р экон. наук, доцент (Чита); Е. Л. Дугина, д-р экон. наук, профессор (Улан-Удэ)

Члены международного редакционного совета

Науки о Земле: В. Р. Алабьев, д-р техн. наук (Украина); О. Баастын, д-р геогр. наук (Монголия); В. С. Волошин, д-р техн. наук, профессор (Украина); Б. Ж. Жумабаев, д-р техн. наук (Кыргызская Республика); К. Ч. Кожогулов, д-р техн. наук, профессор (Кыргызская Республика); Ч. В. Колев, профессор (Болгария); Нгуен Хоай Тьяу, д-р, профессор (Вьетнам); Н. Б. Рыспанов, д-р техн. наук (Республика Казахстан)
Политология: Ан Сен Ир, профессор (Китай); Ван Чжи Хуа, д-р юрид. наук, профессор (Китай); З. Шмыт, профессор (Польша); Т. Т. Шоболотов, д-р полит. наук (Кыргызская Республика)
Экономические науки: Mayu Michigami, д-р экон. наук, профессор (Япония); L. G. Hassel, д-р экон. наук, профессор (Швеция); Л. Оюунцэцэг, д-р экон. наук, профессор (Монголия)

© Забайкальский государственный университет, 2020

Transbaikal State University Journal (Bulletin of ZabGU)
theoretical, scientific and practical journal

Drafting committee

Editor-in-chief – Romanova N. P., scientific editor, doctor of sociological sciences, professor;
Assistant editor – Peshkova N. G.;
Editor of translation – Kaplina S. E., doctor of pedagogical sciences, professor;
Kuchinskaya T. N., doctor of philosophical sciences, associate professor;
Literary editor – Shevchuk T. R.;
Technical editor – Petrova I. V., candidate of sociological sciences

Editorial board

Chairman of editorial board: S. A. Ivanov, doctor of technical sciences, professor, rector, Transbaikal State University;
Vice chairman of editorial board: A. N. Khatikova, doctor of technical sciences, professor, prorector on scientific and innovative work, Transbaikal State University

Members of editorial board

Earth sciences
25.00.11 – Geology, prospecting and exploration of minerals, minerageny – I. V. Bychkov, doctor of technical sciences, professor, academician RAS (Irkutsk); A. A. Kirdyashkin, doctor of technical sciences, professor RAS (Novosibirsk); V. N. Oparin, doctor of physical and mathematical sciences, professor, corresponding member RAS (Novosibirsk); Yu. V. Pavlenko, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); G. V. Sekisov, doctor of technical sciences, professor, honoured worker of the RF, corresponding member of National Academy of Sciences of Kyrgyzstan (Khabarovsk); S. M. Sinitsa, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Chita); G. A. Yurgenson, doctor of geological and mineralogical sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, (Chita);
25.00.13 – Processing of minerals (technical science)– V. R. Alekseev, doctor of geographical sciences, professor, corresponding member, Academy of Water Management, honorary member of the Russian Geographical Society (Yakutsk); A. G. Kirdyashkin, doctor of technical sciences, professor RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, laureate of the State Prize of the Russian Federation (Novosibirsk); V. I. Rostovcev, doctor of technical sciences (Novosibirsk); N. N. Orechova, doctor of technical sciences, professor (Magnitogorsk); A. G. Sekisov, doctor of technical sciences, professor, IMA SB RAS (Khabarovsk); V. P. Myazin, doctor of technical sciences, Honored Professor of ZabSU (Chita); V. Ya. Potapov, doctor of technical sciences, professor, Mining Mechanics department (Yekaterinburg); I. V. Shadrunova, doctor of technical sciences, professor (Moscow);
25.00.36 – Geoecology (in branches) (geological and mineralogical sciences) – V. N. Zaslonovsky, doctor of technical sciences, professor (Chita); E. V. Zelinskaya, doctor of technical sciences, professor, Department of Mineral Processing and Environmental Protection (Irkutsk); V. N. Makarov, doctor of geological and mineralogical sciences, professor (Yakutsk); L. V. Shumilova, doctor of technical sciences, professor (Chita)

Politology
23.00.02 – Political institutions, processes and technologies – T. E. Beydina, doctor of political sciences, professor (Chita); O. V. Omelychkin,doctor of political sciences, professor (Kemerovo); T. B. Tserenova, doctor of political sciences, associate professor (Ulan-Ude)
23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development – V. V. Grib, doctor of law sciences, associate professor (Moscow); A. V. Zhukov, doctor of philosophical sciences, professor, (Chita); E. V. Matveeva, doctor of political sciences, Honored Worker of Science and Education RAE (Kemerovo); V. F. Pecheritsa, doctor of historical sciences, professor (Vladivostok)
23.00.05 – Political regionalism. Ethnopolitics – A. D. Voskresensky, doctor of political sciences, professor (Moscow); Yu. A. Zulyar, doctor of historical sciences, professor (Irkutsk); A. A. Protosevich, doctor of law sciences, professor (Irkutsk); I. V. Romanova, doctor of sociological sciences, professor (Chita); Yu. N. Tuganov, doctor of law sciences, professor (Moscow); A. S. Chesnokov, doctor of political sciences, associate professor, First Secretary of the Embassy of the Russian Federation in the Republic of Kenya (Yekaterinburg)

Economics
08.00.05 – Economy and management of national economy (by industry and field of activity) – S. A. Gorodkova, doctor of economic sciences, professor, Economics and Accounting department (Chita); E. A. Malyshev, doctor of economic sciences, professor (St. Petersburg); M. S. Oborin, doctor of economic sciences, professor, Economic Analysis and Statistics department (Perm); O. P. Sanzhina, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude); S. A. Shelkovnikov, doctor of economic sciences, professor (Novosibirsk);
08.00.10 – Finance, monetary circulation and credit – E. S. Vylkova, doctor of economic sciences, professor (St. Petersburg); I. P. Glazyrina, doctor of economic sciences, professor (Chita); L. Kokh, doctor of economic sciences, professor (St. Petersburg);
08.00.14 – World economy – N. I. Atanov, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude); V. Yu. Burov, doctor of economic sciences, associate professor (Ulan-Ude); E. L. Dugina, doctor of economic sciences, professor (Ulan-Ude)

Members of international editorial board

Earth sciences: V. R. Alabiev, doctor of technical sciences (Ukraine); O. Baastyn, doctor of geographical sciences (Mongolia); V. S. Voloshin, doctor of technical sciences, professor (Ukraine); B. Zh. Zhumabaev, doctor of technical sciences (Kyrgyz Republic); K. Ch. Kozhogulov, doctor of technical sciences, professor (Kirghiz Republic); Ch. V. Kolev, professor (Bulgaria); Nguen Khoay Tiyau, doctor, professor (Vietnam); N. B. Ryspanov, doctor of technical sciences (Republic of Kazakhstan)
Politology: An Sen Ir, professor (China); Van Chzhi Khua, doctor of law sciences, professor (China); Z. Shmyt, professor (Poland); T. T. Shobolotov, doctor of political sciences (Kyrgyz Republic)
Economics: Mayu Michigami, doctor of economic sciences, professor (Japan); L. G. Hassel, doctor of economic sciences, professor (Sweden); L. Oyuntsetseg, doctor of economic sciences, professor (Mongolia)

© Transbaikal State University, 2020

ISSN 2227-9245
eISSN 2500-1728
DOI: 10.21209/2227-9245
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10

Founded in 1995

Founder and editor FSBI HE
«Transbaikal State University»

Legal address: 672039, Transbaikal region, Chita
Aleksandro-zavodskaya, str. 30

Editorial address: 672039, Chita, Alexandro-Zavodskaya str., 30, study 320

Tel.: +7 (3022) 21-88-73
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web-site: http://zabvestnik.com

The Journal is registered by Federal Service for Supervison in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) Certificate of registration in Mass Media PI № FS 7771265 dated by 17.10.2017

Frequency of publication: 10 issues per year

The Transbaikal State University Journal up to the number 8 (87) 2012 was published under the title «Bulletin of the Chita State University» The Transbaikal State University

"Transbaikal State University Journal" has a separetely published supplement - the journal "Postgraduate" (ISSN 20749155), publication frequency 2 journals per year

Journal is recommended by the High Certification Commission for the publication of research for the degrees of doctor and candidate of sciences

Research directions of the Journal:
– Earth sciences;
– Politology;
– Economics

The journal is included into:
– the system of the Russian index of scientific citation (RISC);
– the database of VINITI RAN;
– SEL «Ciberleninka»;
– the catalogue of periodicals Ulrich's Periodicals Directory

Subscription to the Transbaikal State University Journal can be registered at any post office. Index is in accordance with the federal postal general catalogue «The Russian Press» and internet-catalogue «Russian periodicals» www.arpk.org: 82102. Subscription can be also registered by means of editorship. The price is free

All materials published in the scientific journal «Transbaikal State University Journal» have intellectual property rights and are protected by copyright. Translation of the materials and their republication in any form, including electronic one, cannot be performed without written consent with the editorial board.

Authors are fully responsible for the choice and presentation of facts contained in the articles, the expressed views do not necessarily reflect the views of the editorial board

Photos provided by the authors and published with their consent

http://zabvestnik.com
DOI: 10.21209/2227-9245

ISSN 2227-9245 (Print)
ISSN 2500-1728 (Online)

Содержание

Науки о Земле

Павленко Ю. В.
Прогнозная геохимия рудного золота Восточного Забайкалья 6

Павленко Ю. В., Карелин С. П.
Эволюционно-генетический метод прогнозирования объектов рудного золота 15

Политология

Барари Рейкаде Х., Зеленева И. В.
Возможности российско-иранского сотрудничества в энергетической сфере 28

Денисова Л. В., Морозов А. А.
Лабиринты государственно-конфессиональных отношений на границе секуляризма и постсекуляризма 36

Зимина Н. В.
Роль региональных отделений политических партий в государственном управлении в условиях Забайкальского края .. 46

Кононов С. В.
Современные проблемы становления дискурса философии социальной безопасности 51

Милаева О. В., Питеров А. Ю.
Социально-политические характеристики женского депутатского корпуса Дальневосточного федерального округа 60

Экономические науки

Блануца В. И.
Перспективные центры экономического роста в пространственном развитии России:
соответствуют ли цифровому будущему? 72

Линь Пэн
Формирование модели оценки рисков при выборе иностранного поставщика по внешнеторговому контракту 82

Оборин М. С.
Процесс формирования транспортной системы региона: основные факторы влияния 88

Ожогова О. В., Шелковников С. А., Кузнецова И. Г.
Влияние человеческого капитала на обеспечение населения Сибирского федерального округа
продукцией овощеводства 99

Ryspekova M., Duisenbekova A. (Рыспекова М. О., Дуйсенбекова А. А.)
Analysis of the Current State of Kazakhstan's Agriculture Competitiveness in Market Conditions
(Анализ современного состояния конкурентоспособности сельского хозяйства Казахстана в условиях
рыночных отношений) 110

Томских А. А.
Российский рынок труда: тенденции и трансформации 120

У Баоюй
Формирование механизма управления промышленными предприятиями в условиях ограничительных мер 127

Шеломенцев А. Г., Бессонова Т. Н., Гончарова К С.
Современные модели адаптации населения к динамично меняющимся социально-экономическим условиям жизни 136

http://zabvestnik.com
DOI: 10.21209/2227-9245

ISSN 2227-9245 (Print)
ISSN 2500-1728 (Online)

Contents

Earth sciences

Pavlenko Yu.
Predictive Geochemistry of Ore Gold in Eastern Transbaikalia 6

Pavlenko Yu., Karelin S.
Evolutionary-Genetic Method for Forecasting ore Gold Objects 15

Politology

Barari Reykandeh Kh., Zeleneva I.
Russian-Iranian Prospects for Cooperation in the Energy Sector 28

Denisova L., Morozov A.
Labyrinths of State-Confessional Relations on the Border of Secularism and Post-Secularism 36

Zimina N.
The Role of Regional Branches of Political Parties in Public Administration in the Transbaikal Region 46

Kononov S.
Modern Problems of Forming the Discourse in the Philosophy of Social Security 51

Milaeva O., Piterova A.
Socio-Political Characteristics of the Female Deputy of the far Eastern Federal District 60

Economics

Blanutsa V.
Prospective Economic Growth Centers in the Spatial Development of Russia: do they Correspond to the Digital Future?. 72

Lin Peng
Formation of a Risk Assessment Model When Selecting a Foreign Supplier Under a Foreign Trade Contract 82

Oborin M.
The Process of the Region's Transport System Formation: Main Factors Of Influence 88

Ozhogova O., Shelkovnikov S., Kuznetsova I.
The Influence of Human Capital on Providing the Population of the Siberian Federal District with Vegetable Production 99

Ryspekova M., Duisenbekova A.
Analysis of the Current State of Kazakhstan's Agriculture Competitiveness in Market Conditions 110

Tomskikh A.
Russian Labour Market: Trends and Transformations 120

U. Baoyu
Formation of a Management Mechanism for Industrial Enterprises 127

Shelomentsev A., Bessonova T., Goncharova K.
Modern Models of Population Adaptation to Dynamically Changing Socio-Economic Conditions of Life 136

УДК 550.8
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-6-14

ПРОГНОЗНАЯ ГЕОХИМИЯ РУДНОГО ЗОЛОТА ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

PREDICTIVE GEOCHEMISTRY OF ORE GOLD IN EASTERN TRANSBAIKALIA

Ю. В. Павленко, Забайкальский государственный университет, г. Чита
payurva@mail.ru

Yu. Pavlenko, Transbaikal State University, Chita

Предметом исследований являются методы прогнозирования Восточного Забайкалья – крупного горнорудного региона России, в котором современным геологическим картированием масштаба 1:1 000 000 установлены основные внутренние и внешние критерии рудоносности. В статье рассмотрены эндогенные геохимические критерии концентрирования золота в земной коре региона, составляющие обязательный методологический приём прогнозирования золоторудных объектов в любом масштабе. Цель работы – уточнить достигнутый уровень знаний о минералого-геохимических критериях концентрирования золота в процессе эволюции земной коры вплоть до формирования промышленных месторождений и выделении рудных формаций. Методология исследования заключается в систематизации огромного фактического материала, касающегося процессов природного концентрирования золота, в анализе его представительности, оценке полноты, достоверности опубликованной и фондовой информации, используемой для уточнения минералого-геохимических критериев прогноза рудного золота. С применением химических свойств золота рассмотрены формы нахождения золота, количество его в формирующихся геологических комплексах и природных средах, их эволюция, распространение в структурно-тектонических зонах; некоторые причины концентрирования и минералого-геохимические критерии прогноза. Особое внимание обращено на необходимость изучения и учёта наноразмерного (дисперсного) золота. В качестве основных рудно-формационных единиц золотого оруденения определены стандартизованные рудные формации (с разделением на собственно золоторудные, комплексные золотоносные, золотосодержащие) и геолого-промышленные типы месторождений. Выделено 15 геолого-промышленных типов, из которых 13 представляют забайкальские месторождения-эталоны и два привлечены из других регионов. Эти типы месторождений различаются по количеству относимых к ним объектов. Ввиду некоторого сходства состава рудного вещества геолого-промышленные типы различаются по наиболее важным для прогноза классификационным характеристикам. Перспективными на эндогенное концентрирование золоторудной минерализации являются площади распространения прямых и косвенных минералого-геохимических признаков, сгруппированных в минералого-геохимические критерии прогноза

Ключевые слова: *рудное золото; минералого-геохимические критерии; золоторудные формации; геолого-промышленные типы месторождений; Восточное Забайкалье; рудные формации; эндогенное концентрирование; структурно-тектонические зоны*

The subject of the research is the methods of forecasting the Eastern Transbaikalia - a large mining region of Russia, in which the main internal and external criteria for ore content are established by modern geological mapping at a scale of 1:1,000,000. The article considers endogenous geochemical criteria for gold concentration in the Earth's crust of the region, which constitute a mandatory methodological method for predicting gold ore objects at any scale. The aim of the work is to clarify the achieved level of knowledge about the mineralogical and geochemical criteria for gold concentration in the course of the evolution of the Earth's crust up to the formation of industrial deposits and the isolation of ore formations. The methodology of the study is to systematize a huge amount of factual material concerning the processes of natural concentration of gold, to analyze its representativeness, to assess the completeness and reliability of published and stock information used to clarify the mineralogical and geochemical criteria for predicting ore gold. Using the chemical properties of gold, the

© Ю. В. Павленко, 2020

forms of finding gold, amount of it in the forming geological complexes and natural environments, their evolution, distribution in structural and tectonic zones, some causes of concentration and mineralogical and geochemical prediction criteria are considered. Special attention is paid to the need to study and account for nanoscale (dispersed) gold. As the main ore-formation units of gold mineralization, standardized ore formations are defined with a division into gold ore proper, complex gold-bearing and gold-bearing and geological and industrial types of deposits. There are 15 geological and industrial types, of which 13 are Transbaikal deposits standards and two are attracted from other regions. These types of deposits differ in the number of objects related to them. Due to some similarity in the composition of ore matter, geological and industrial types differ in the most important classification characteristics for the forecast. Areas of distribution of direct and indirect mineralogical and geochemical features grouped into mineralogical and geochemical forecast criteria are promising for endogenous concentration of gold mineralization

Key words: *ore gold; mineralogical and geochemical criteria; gold ore formations; geological and industrial types of deposits; Eastern Transbaikalia; ore formations; endogenous concentration; structural and tectonic zones*

Введение. В начале XXI в. при прогнозно-минерагенических исследованиях Восточного Забайкалья (Забайкальского края) масштаба 1: 1 000 000 выделен 151 перспективный минерагенический объект, среди которых 20 представляют рудные зоны, 45 рудные районы и 86 рудные узлы. В них прогнозируются 36 видов преимущественно стратегических, остродефицитных и высоколиквидных полезных ископаемых. Наиболее типичным химическим элементом является золото, встречаемость которого (63 %) в 2,5 раза выше встречаемости молибдена (25 %) и в 4…6 раз выше встречаемости олова, вольфрама, редкометалльных элементов, свинца, цинка, меди, урана и флюорита, исторически считающихся типичными для региона (Павленко Ю. В. Научные и методологические принципы изучения недр: монография. Чита: ЗабГУ, 2020. 186 с.). Эти данные свидетельствуют, что Восточное Забайкалье является крупным золоторудным регионом, перспективным для проведения более детальных съёмочных, поисковых и оценочных работ.

Характерной особенностью минерагении региона является полиминеральная комплексность оруденения. Из 151 объектов относительно мономинеральными являются только 32 (21 %), из них золоторудными – 29 (19 %). Обращает внимание близкий состав и возраст полезных ископаемых на всей территории.

В рудных узлах, локализованных на пересечении структур тектоно-магматических циклов докембрия и фанерозоя, геохимическая специализация нередко трансформируется в минерагеническую. Накопление рудных элементов повышается в ряду: геологический комплекс (формация) с повышенным относительно кларка содержанием элемента (элементов) → геохимически специализированные горные породы (обычно последних стадий тектономагматических циклов, 5…10 кларков) → участки проявления гидротермально-метасоматических процессов (локальные концентрации элементов до 100 кларков) → аномально благоприятные комплексы с содержанием элементов свыше 100 кларков (промышленные месторождения металлов) (Павленко Ю. В. Пришилкинская минерагеническая зона Восточного Забайкалья и Верхнего Приамурья: монография. Чита: ЗабГУ, 2017. 155 с.)

При планировании среднемасштабных исследований объектов рудного золота прогнозная геохимия, используя химические свойства золота, предполагает решение следующих задач его нахождения в земной коре: формы нахождения, количество в формирующихся геологических комплексах, распространение в структурно-тектонических зонах, причины концентрирования и геохимические критерии прогноза [6].

Методология исследования заключается в систематизации огромного фактического материала, касающегося процессов природного концентрирования золота, в анализе его представительности, оценке полноты, достоверности опубликованной и фондовой информации, используемой для уточнения геохимических критериев прогноза рудного золота [1; 4; 8; 18; 19].

Основные свойства золота. Золото очень редкий благородный металл (кларк 0,0000003), обладающий бактерицидными, биоингибиторными и стимулирующими биологическими свойствами. Атом представлен одним стабильным изотопом ^{197}Au и 26 ра-

дионуклидами; период полураспада ^{198}Au 2,7 суток [7].

В периодической системе золото под номером 79 относится к d элементам ($5d^{10}5s^{1}$), расположено в 1Б группе вместе с Cu и Ag, по горизонтали его соседи Pt и Hg, по диагонали Pd и Cd. По термическим свойствам золото наиболее близко к Cu; по химическим – к Ag и Pd. Геохимия золота определяется большой устойчивостью его электроотрицательного состояния (Au-самородного), его химической инертностью в стандартных природных условиях поверхности суши. Золоту свойственно стремление к комплексообразованию ($AuCl_2^-$, $AuBr_2^-$, AuI_2^-, $AuCN_2^-$, $Au(CNS)_4^-$, $Au(S_2O_3)_2^3$, органометаллических, халатных, гумидных, фульво и др.); наибольшая стабильность многих комплексов (гумидных и др.) среди сходных с ним элементов. Со многими металлами образует сплавы, сульфиды (Au_2S, Au_2S_2), фториды, хлориды (AuCl, Au_2Cl_6, $AuCl_2$), в том числе, растворимые в воде $AuCl_2$, AuCl(OH), $Au(OH)_4$, AuOOH, а также гидриды (чем отличается от Ag). С кислородом и азотом прямо не реагирует, не растворяется в щелочах и кислотах (только в смеси HNO_3+HCl). Химически малоактивно, амфотерно, основные валентности +1 и +3, но гораздо более устойчиво Au^0. Самородное Au, как и минералы платиновой группы (МПГ), наиболее стойко в кислой среде при высоких значениях Eh, в щелочных – при более низких и переход $Au^+ \rightarrow Au^{3+}$ легче идёт в щелочной среде, Au^+ не образует водорастворимые комплексы, которые характерны только для Au^{3+} [6; 8; 11; 13; 16].

Определяющее значение для миграции золота имеет окислительный потенциал системы [3]. Растворение Au в воде идёт в окислительной обстановке, а его осаждение – в восстановительной. Au может образовывать гетерополиядерные комплексы (с Sb, Bi, As, Te, Se), вследствие чего его растворимость резко возрастает и при 300 °С составляет 10^{-4}–10^{-6} моль/кг H_2O, а в сульфидно-солевых при температуре 400…500 °С образуется рудный расплав, обогащённый золотом. Экстракция Au из любого источника происходит в окислительной обстановке. Вода имеет упорядоченную кластеризованную структуру, склонную к полимеризации [15].

Характерной особенностью золота является высокая степень его подвижности в водных растворах [1]. Поскольку по степени подвижности ионы Au^+ сходны с ионами Ag^+, самородное Au всегда содержит примеси Ag, а также других халькофильных металлов (Zn, Cu, Pb, In, Cd, Hg, Bi), обладающих общими особенностями строения атомов. В соединениях для них часто характерны ковалентные связи.

В земной коре геохимия золота предполагает поведение его атомов. Здесь золото находится в рассеянном состоянии. Общий кларк золота по разным оценкам 3–4,5·10^{-7} % (3–4,5 мг/т). В минералах золото находится в виде микровключений, примеси во включениях сульфидов, окислов железа и других элементов и в атомарной форме. Ни один из породообразующих минералов не является концентратором золота [10]. По отношению к золоту выделяются минералы инертные (кварц, калиевые полевые шпаты, слюды, карбонаты, пирит, флюорит) и «отзывчатые» (чувствительные) на примеси (эпидот, амфиболы, пироксены, магнетит, гематит, рутил, сфен, апатит и др.); эти особенности минералов являются одной из причин перераспределения металла в недрах.

Кроме серебра в самородном золоте обнаружено свыше 40 элементов-примесей, составляющих в сумме более 0,1 %. Как правило, самородное золото отлагается в конце каждой рудной стадии и содержит микровключения ранее выделившихся рудных минералов, обогащаясь их элементами. По распространённости, степени концентрации примеси в золоте Н. В. Петровская (1973) разделяет элементы на: главные – Ag (0,5…55 %); второстепенные постоянные – Cu (0,001…23 %), Fe (0,001…0,9 %), Pb (0,01 – 0,1 %); третьестепенные, зависящие от состава руд – Sb, As, Hg, Zn, Bi, Te, Se и Mn (0,000n – 0,n %); локально распространённые – Sn, Ti, Cr, Mo, W; редкие малоизученные (Pt); платиновую группу и Co, Ni, V. По частоте встречаемости различают примеси основные (частота встречаемости 50…100 %) – Fe, Cu, Pb, второстепенные (10…50 %) – Hg, As, Sb, Bi, Te, Ti и прочие спорадические.

В незначительных концентрациях золото присутствует в горных породах, растениях, воде. В морской воде содержится 0,0…4 мг/м^3 золота, в магматических породах 2,6…7,0 мг/т (3·10^{-7} %), в осадочных породах 0,9…8 мг/т (1,3·10^{-7} %) [2; 7]. Кларки Au по разновидностям пород имеют большой разброс (мг/т): ультрабазиты 6…7, базиты 3,5…4 (океанические 0,2), средние породы 2,8…3;

гранодиориты 1,2...3; граниты 0,8–4. А. Г. Миронов (1994) показал, что Au оруденение ведёт себя чаще ассоциированно с интрузиями небольшого размера, штоками и дайками пёстрого состава; они несут отчетливые признаки флюидонасыщения, гибридности, и автометасоматоза, имеют высокое водосодержание и флюидосодержание (особенно Cl) и другие генетические признаки близкой связи с рудными телами.

Основная часть золота в недрах находится в тонкодисперсном состоянии. Чаще всего золото встречается в свободном (самородном) состоянии. Известны природные соединения золота в виде твёрдых растворов с серебром (электрум), медью (купроаурид), висмутом, родием, иридием и платиной, а также теллуриды золота $AuTe_2$ (калаверит) и $AuTe_3$ (монтбрейит). Различают следующие соединения золота: одновалентные, хелатные, двухвалентные, трехвалентные, металлоорганические и виды – коллоидное, наноразмерное (наночастицы) [1]. Золоту свойственен высокий коэффициент природной концентрации, равный – 1000...2000. А. П. Виноградов по возрастающей его концентрации выстроил следующий ряд природных образований: морская вода – осадочные породы – кислые изверженные породы – средние изверженные породы – основные – ультраосновные породы – хромиты базальтоидных пород – гидротермальные руды [4].

Процесс образования крупных эндогенных месторождений золота является многоэтапным [2; 5; 10]. Формирование их часто начинается в докембрийское время и завершается в фанерозое. В первичных рудах известны 12 морфологических разновидностей золота: жилково-пластинчатое, комковидное, пленочное, губчатое, каплевидное, амёбообразные включения, губчато-друзовидное, друзовое, проволочное, дендритовидное, дендритое, кристаллическое, различающиеся по условиям концентрирования [14].

Большой научный интерес представляют наименее изученные наноразмерные включения золота в окислах и гидоокислах железа, минералах глин, слюдах, хлоритах, алуните, кварце-халцедоне, ярозите, углисто-битуминозных включениях сланцев, изучение которых открывает перспективы познания новых особенностей эволюции золота и методов природной концентрации металла. Главным признаком отличия дисперсного золота от микроскопического и субмикроскопического в минерале-носителе является преобладание межатомных связей с другими химическими элементами над моноэлементными связями (золото-золото) [17; 18].

Дисперсное золото в минеральном и органическом веществе встречается в форме простых (с металлами, теллуром, сурьмой), комбинированных (с металлами и теллуром и (или) сурьмой, металлами и селеном) и комплексных соединений, образующих своеобразные лиганды (с железом или алюминием, мышьяком, серой, и (или) кислородом, например, в арсенопирите, скородите, алуните) [15]. В сульфидно-арсенидном комплексе дисперсное золото заключено чаще в арсенопирите, хотя на Дарасунском месторождении содержание золота в халькопирите (84 г/т) больше, чем в арсенопирите (37 г/т). Значительная часть дисперсного золота этого месторождения заключена в матрице сульфидных, сульфосольных минералов, в кварц-халцедоне, плагиоклазах, амфиболах и других жильных минералах.

Для осадочных пород типична связь золота с $C_{орг}$ со следующими его содержаниями (мг/т): фанерозойские глины, сланцы – 1; алевролито-углеродистые отложения – 4; протерозойские чёрные сланцы – 26; углеродистые метапелиты – 1 [9]. На месторождении Мурунтау установлена четкая связь золота с битуминозным веществом. В прогнозной геохимии намечается возможность оценки перспектив территорий путём исследования изотопного состава элементов-спутников золота и типоморфных характеристик породообразующих минералов [15]. Повышенные концентрации золота и других металлов характерны для отложений современных океанических рифтовых зон.

Высокая подвижность золота при изменении физико-химических условий среды обусловлена метаморфическими процессами. Золоторудные месторождения зеленокаменных поясов локализуются в мощных и протяжённых зонах разуплотнения и рассланцевания пород, которые явились путями проникновения метаморфических гидротермальных корово-мантийных растворов-флюидов. Наиболее высокие фоновые концентрации Au типичны для амфиболитов и хлорит-серицитовых сланцев.

Воды, дренирующие рудные тела, содержат повышенные концентрации раство-

ренного золота (0,2...16,5 мкг/л), что указывает на его миграцию. В кислородных водах Au мигрирует энергично, почти как Ca, Na, Zn и др., характерны различные растворимые комплексы, в том числе с органическими соединениями [12]. Если в морской и речной воде содержится около $4 \cdot 10^{-9}$ г/л Au, то на участках золоторудных месторождений его концентрация достигает $n \cdot 10^{-6}$ г/л. Золото мигрирует в почвах и оттуда попадает в растения, среди которых встречаются его концентраторы (хвощи, кукуруза). Зола хвощей на месторождениях золота содержит до $6{,}5 \cdot 10^{-2}$ % этого металла, повышено его содержание и в животных. Золото – один из немногих элементов, который концентрируется в ноосфере (технофильность – $3 \cdot 10^{9}$).

Проявляя исключительное разнообразие свойств (сидерофильность, халькофильность, органофильность, биофильность, гидрофильность) и высокую подвижность в широком диапазоне Eh, pH, температуры и давления, золото образует крупные и мелкие месторождения почти во всех условиях. По В. Г. Моисеенко и Л. М. Батурину (1982), в условиях земной коры золото легко мигрирует в растворах щелочно-хлоридно-бикарбонатного типа в виде металлосероорганических комплексов, основу газовой фазы которых составляет CO_2, CH_4, N_2 и H_2 при температуре 300...250° С и давлении 3...5 МПа. По А. В. Зотову (1989), растворимость золота во флюиде при температуре 450 °С растет с увеличением концентрации HCl и KCl, а также летучести кислорода.

Золото тяготеет к более глубоким оболочкам планеты. В магматических породах золото рассеяно, его концентрация связана с гидротермами (кварцевые золотоносные жилы и др.) и биосферой. В интрузивных породах биотит нередко несёт более высокие фоновые содержания золота, чем кварц. Часто примесь золота содержат пирит, арсенопирит и другие сульфиды. В рудах золота в основном находится в самородном состоянии, редко образует минералы с Se, Te, Sb, Bi.

Известны 27 минералов золота, из которых 12 минералов самородных в основном с Ag, Hg, Cu, Pb и МПГ, 13 – сульфиды и 2 – оксителлуриды. Со временем количество золотых минералов растёт, достигая 40. Наиболее распространено золото самородное (66...98 % Au) и его сплавы с Ag (электрум, кюстелит), часто встречаются теллуриды золота (калаверит, креннерит, сильванит, гессит, штютцит и др.).

Вопросам формационной классификации золоторудных месторождений, их практической применимости уделяется значительное внимание (М. Б. Бородаевская, Н. В. Петровская, Д. А. Тимофеевский, А. Ф. Коробейников и другие). Более совершенными являются классификации, в которых тесно увязаны между собой внутренние формационные, структурно-вещественные признаки региона и его внешние рудоконтролирующие историко-эволюционные геологические предпосылки. По И. В. Кунаеву (1978), выделяются золотосодержащая и собственно золоторудная группы формаций промышленных концентраций рудного золота. Последняя группа представлена формациями докембрийских золотоносных конгломератов, золото-кварцевой древних щитов и складчатых областей, золото-сурьмяной, золото-сульфидной и золото-серебряной. В. И. Вернадский [3] выделяет еще и метаморфизованные месторождения.

Золото добывается примерно в 70 странах мира, самые крупные золотые месторождения находятся в ЮАР, Австралии, Канаде, США и России. Добыча золота в мире в 2019 г. понизилась на 0,39 % и составила 3287 т. В течение более десяти лет первое место занимает Китай, в 2018 г. там добыто более 401 т, в 2019 г. 420 т; в России – 310 т золота. В 70-х гг. прошлого века Южная Африка добывала более 1000 т в год, что составляло 80 % мировой добычи. Сейчас эта доля составляет всего 2,74 % и продолжает резко снижаться. Основными источниками золота являются крупные месторождения.

Общие запасы золота за рубежом оценивались порядка 62 тыс. т при мировом металлогеническом потенциале, по геохимическим данным, в континентальной коре 81 тыс. т [7]. Золото добывается из большого числа месторождений различных металлов, в том числе самостоятельных. Месторождения чрезвычайно разнообразны по масштабам запасов (от единиц до 20 тыс. т), минералого-геохимическим и металлогеническим особенностям. Содержание золота в коренных рудах 1...40 г/т, редко выше.

Практически во всех типах эндогенных месторождений главным рудообразующим минералом является кварц, что с одной стороны затрудняет геолого-геохимическую типи-

зацию месторождений, с другой – исключает какие-либо единые условия их образования, т. к. SiO_2 лишь проводник и осадитель золота. Площадные гидротермально-метасоматические изменения пород, ассоциированных с золоторудной минерализацией, весьма разнообразны и представлены пропилитизацией, аргиллизацией, березитизацией, лиственитизацией, окварцеванием (джаспироиды и др.), скарнированием и др. Глубина распространения оруденения в крупных месторождениях и, особенно, смешанных типов достигает 2000…3000 м и более.

В геологическом времени наиболее крупные концентрации рудного золота приходятся на $AR\text{-}PR_1$, особенно 3000…2000 млн лет назад. В это время происходил наиболее интенсивный вынос Au, U, Cu из верхней части Земли, что в 8…9 раз превышает современный уровень, формируются индивидуализированные месторождения золота. Позднее месторождения золота ассоциируют с МПГ и U, а начиная с MZ, образуются комплексные месторождения Au с Ag и различными цветными металлами.

В глобально-региональном геотектоническом плане золоторудная минерализация образует единые, очень крупные провинции, пояса (млн км^2) и редко более локальные одиночные зоны, поля ($n\cdot10^{2\text{-}3}$ км^2), не связанные геологически в более крупные таксоны. Эта особенность свидетельствует о первичной обогащённости золотом определённых геологических формаций в крупных блоках земной коры.

В Восточном Забайкалье в качестве основных рудно-формационных единиц золотого оруденения определены стандартизованные рудные формации с разделением на собственно золоторудные, комплексные золотоносные и золотосодержащие и геолого-промышленные типы месторождений. В таблице показаны выделенные 15 геолого-промышленных типов, из которых 13 представляют забайкальские месторождения-эталоны и два – привлечены из других регионов. Эти типы месторождений различаются по количеству относимых к ним объектов. Ввиду некоторого сходства состава рудного вещества геолого-промышленные типы различаются по наиболее важным для прогноза классификационным характеристикам.

Золотоносные рудные формации и геолого-промышленные типы месторождений (С. П. Карелин, 2008) / Gold-bearing ore formations and geological and industrial types of deposits (S. P. Karelin, 2008)

Рудные формации / Ore formations	**Региональные геолого-промышленные типы (субформации) / Regional geological and industrial types (subformations)**	**Примеры месторождений / Examples of deposits**
Золоторудные формации / Gold ore formations		
Золото-серебряная / Gold-Silver	Балейский (золото-адуляр-кварцевая) / Baleysky (gold-adulyar-quartz)	Балейское, Тасеевское / Baleyskoe, Taseevskoe
	Илинский (золото-серебро-халцедон-кварцевая) / Ilinsky (gold-silver-chalcedony-quartz	Илинское, Погромное, Нэмка, Байца / Ilinskoe, Pogromnoe, Nemko, Bauza
Золото-сульфидно-кварцевая / Gold-sulfide-quartz	Дарасунский (золото-полисульфидно-кварцевая) / Darasunsky (gold-polysulfide-quartz)	Дарасунское, Итакинское, Уконикское / Darasunskoe, Itakiskoe, Uconikskoe
	Ключевский (золото-турмалин-сульфидно-кварцевая порфировая) / Klyuchevsky (gold-tourmaline-sulfide-quartz porphyry)	Ключевское / Klyuchevskoe
	Карийский (золото-магнетит- кварцевая) / Karian (gold-magnetite-quartz)	Карийское, Талатуйское / Kariyskoe, Talatuyskoe
Золото-кварцевая / Gold-quartz	Любавинский (золото-кварцевая малосульфидная) / Lubavinsky (gold-quartz low-sulfide)	Любавинское, Воскресенское / Lyubavinskoe, Voskresenskoe
Золото-сульфидная / Gold-sulfide	Карлинский (золото-пирит-мышьяковистая) / Karlinsky (gold-pyrite-arsenic)	Солонечинское, Кочковское, Савкинское / Solonechenskoye, Kochkovskoe, Savkinskoe
	Сухоложский (золото-кварц-сульфидная в углеродистых сланцах) / Sukholozhsky (gold-quartz-sulfide in carbonaceous shales)	Проявления и прогнозируемые объекты / Occurrence and predicted objects

Окончание таблицы

Рудные формации / Ore formations	Региональные геолого-промышленные типы (субформации) / Regional geological and industrial types (subformations)	Примеры месторождений / Examples of deposits
Комплексные золотоносные формации / Complex gold-bearing formations		
Золото-полиметаллическая / Gold-polymetallic	Новоширокинский (медно-золото-свинцово-цинковая) / Novoshirokinsky (copper-gold-lead-zinc)	Новоширокинское / Novoshirokinskoe
Молибден-медно-порфировая / Molybdenum-copper-porphyry	Бугдаинский (золото-молибденпорфировая) / Bugdainsky (gold-molybdenum-porphyry)	Бугдаинское / Bugdainskoe
	Новодарасунский (золото-молибден-меднопорфировая) / Novotiraspolsky (gold-molybdenum- copper porphyry)	Дарасунское / Darasunskoe
Золото-скарновая / Gold-scarnovaya	Быстринский (золото-медно-магнетитовая) / Bystrinsky (gold-copper-magnetite)	Быстринское, Лугоканское / Bystrinskoe, Lugokanskoe
Золотосодержащие рудные формации / Gold-bearing ore formations		
Молибденовая / Molybdenovaya	Шахтаминский (кварц-молибденитовая) Shakhtaminskiy (quartz-molybdenite	Шахтаминское, Давендинское Shahtinskoe, Devendinskoe
Полиметаллическая Polymetallic	Нерчинский (свинцово-цинковая) / Nerchinsky (lead-zinc)	Нерчинско-Заводская, Шилкинско-Заводская группы месторождений / Nerchinsko-Zavodskaya, Shilkinsko-Zavodskaya group of fields
Сурьмяная / Antimony	Тыргетуйский (кварц-антимонитовая) / Targetuisky (quartz-antimonite)	Тыргетуйское, Жипкошинское Кочковское / Tyrgetuyskoe, Jipcasinskoe, Kochkovskoe

Перечисленные факторы контроля оруденения в целом характеризуют геолого-минерагенические особенности локализации рудного золота в пределах рудных районов, структурно-металлогенических зон и более крупных минерагенических подразделений. За пределами рудных районов и узлов дополнительно учтены прямые и косвенные геохимические признаки золоторудной минерализации. Для детализации металлогенических критериев и признаков в ряде перспективных рудных районов и рудных узлах использовались карты – «врезки» масштабов 1:200 000…1:50 000.

Карта рудной золотоносности сопровождается мелкомасштабными схемами тектонического районирования, комплексного металлогенического районирования и металлогенического районирования на золото. На схеме тектонического районирования отражены части литосферных геоблоков, мегаблоков, межблоковых дислокационно-метаморфических систем, а внутри последних – наиболее крупные коровые блоки. В иерархический ряд рудоносных площадей включены металлогенические провинции, металлогенические пояса и области, структурно-металлогенические зоны, рудные районы, рудные узлы и поля. В структурно-металлогенические зоны включаются либо рудные районы, либо отдельные менее крупные металлогенически сходные рудоносные структуры (например, рудные узлы), принадлежащие разным районам. Схема металлогенического районирования на золото отличается лишь отражением роли рудных районов и узлов в распределении собственно золоторудных, комплексных золотоносных и золотосодержащих месторождений.

Заключение. Выявленные по литературным данным природные минералого-геохимические особенности золота и его месторождений являются обязательными элементами прогнозирования рудного золота Восточного Забайкалья в любом масштабе. Перспективными на эндогенное концентрирование золоторудной минерализации являются площади распространения прямых и косвенных минералого-геохимических признаков, в которых:

– развиты глубинные разломы, содержащие в формационных комплексах органический углерод, слюды (серицит, серпентинит), хлориты, обогащённые алюминием и магнием, алюмосиликатными и магнезиальносиликатными минералами, кварц-халцедон не-

скольких генераций, окисно-гидроксильные и сульфидные минералы железа;

– распространены петрохимически контрастные пространственно и генетически связанные интрузивные породы;

– развиты лейкократовые разности средних (с плагиоклазами) и гибридных (средне-кислых) интрузивных пород с преобладанием основных плагиоклазов над натровыми, пород с повышенным содержанием мусковита и пониженным – биотита и сподумена;

– развиты тяжелые неметаллы (сурьма, теллур) и тяжелые металлы (олово, ртуть, таллий, свинец, висмут);

– присутствуют аномальные содержания элементов – прямых спутников золота следующих ассоциаций: Au-Cu-As-Sb-Pb-Zn, Au-Cu-Te-Bi, Au-As-Sb, Au-Mo, Au-Mo-W, Au-B-Cu-Mo [15].

Список литературы

1. Баликов С. В., Дементьев В. Е. Золото: свойства, геохимические аспекты. Иркутск: Иргиредмет, 2015. 327 с.

2. Буряк В. А., Бакулин Ю. И. Металлогения золота. Владивосток: Дальнаука, 1998. 403 с.

3. Вернадский В. И. Опыт окислительной минералогии // Вернадский В. И. Избранные сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. II. 508 с.

4. Виноградов А.П. Закономерности распределения химических элементов в земной коре // Геохимия. 1956. № 1. С. 6–52.

5. Гольберг И. С., Гольберг А. С. Поиски крупных месторождений: проблемы и пути решения // Геология и охрана недр. 2018. № 3. С. 16–23.

6. Звягинцев О. Е. Геохимия золота / под ред. А. Е. Ферсмана. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 119 с.

7. Иванов В. В. Экологическая геохимия элементов: справочник: в 6 кн. / под ред. Э. К. Буренкова. М.: Экология, 1997. Кн. 5. Редкие d-элементы. 576 с.

8. Коробейников А. Ф. Геология и геохимия благородных металлов. Томск: Изд-во ТПУ, 2004. 368 с.

9. Меретуков М. А. Золото и природное углеродистое вещество. М.: Руда и металлы, 2007. 112 с.

10. Некрасов И. Я. Геохимия, минералогия и генезис золоторудных месторождений. М.: Наука, 1991. 302 с.

11. Паддефет Р. Химия золота. М.: Мир, 1982. 259 с.

12. Перельман А. И. Геохимия: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк, 1989. 589 с.

13. Петровская Н. В. Самородное золото. М.: Наука, 1973. 347 с.

14. Петровская Н. В., Фосталович А. И. Морфологические и структурные особенности самородного золота: материалы по минералогии золота / Отраслевое бюро техн. информ. М.: Главцветмет, 1952. С. 41–58.

15. Секисов А. Г., Манзырев Д. В. Наноразмерные структуры в воде и минералах. Новосибирск: ИГД СО РАН, Чит. фил. Чита: ЧитГУ, 2009. 228 с.

16. Секисов А. Г., Зыков Н. В., Королев В. С. Дисперсное золото: Геологические и технологические аспекты. М.: Горная книга, 2012. 224 с.

17. Эволюция состава пирита на золоторудных месторождениях Копыловское и Кавказ в черносланцевых толщах (Бодайбинский район России), по данным РСМА и ЛА-ИСП-МС / Е.Е. Паленова и [др.] // Геология рудных месторождений. 2015. Т. 57. № 1. С. 71–83.

18. Gold deposits of the Carlin Treviknd, Nevada // Society of Economik Geologiata. Vol. 18.

19. Stefanson A., Seward T. M. Geochim. Cosmochim // Acta, 2004. Vol. 68. P. 4121–4143.

References

1. Balikov S. V., Dementiev V. E. Zoloto: svoystva, geohimicheskie aspekty (Gold: properties, geochemical aspects). Irkutsk: Irgiredmet, 2015. 327 p.

2. Buryak V. A., Bakulin YU. I. *Metallogeniya zolota* (Metallogeny of gold). Vladivostok: Dalnauka, 1998. 403 p.

3. Vernadsky V. I. *Izbrannye sochineniya* (Selected works). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1953. Vol. II. 508 p.

4. Vinogradov A. P. *Geohimiya* (Geochemistry). 1956, no. 1, p. 6–52.

5. Golberg I. S., Golberg A. S. *Geologiya i ohrana nedr* (Geology and Protection of Mineral Resources), 2018, no. 3, pp. 16–23.

6. Zvyagintsev O. E. *Geohimiya zolota / pod red. A. E. Fersmana* (Geochemistry of gold / ed. by A. E. Fersman). M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. 119 p.

7. Ivanov V. V. *Ekologicheskaya geohimiya elementov: spravochnik: v 6 kn. / pod red. E. K. Burenkova* (Ecological Geochemistry of elements: a Handbook: in 6 vol. / ed. by E. K. Burenkov). M.: Ekologiya, 1997, Kn. 5, Rare d-elements, 576 p.

8. Korobeynikov A. F. *Geologiya i geohimiya blagorodnyh metallov* (Geology and geochemistry of precious metals). Tomsk: TPU Publishing House, 2004, 368 p.

9. Meretukov M. A. *Zoloto i prirodnoe uglerodistoe veshchestvo* (Gold and natural carbonaceous matter). Moscow: Ore and Metals, 2007, 112 p.

10. Nekrasov I. YA. *Geohimiya, mineralogiya i genezis zolotorudnyh mestorozhdeniy* (Geochemistry, mineralogy and genesis of gold deposits). Moscow: Nauka, 1991, 302 p.

11. Paddefet R. *Himiya zolota* (Chemistry of Gold). Moscow: Mir, 1982, 259 p.

12. Perel'man A. I. *Geohimiya: 2-e izd. pererab. i dop.* (Geochemistry: 2nd edition, revised and supplemented). Moscow: Vysshaya shkola, 1989, 589 p.

13. Petrovskaya N. V. *Samorodnoe zoloto* (Native gold). Moscow: Nauka, 1973, 347 p.

14. Petrovskaya N. V., Fostalovich A. I. *Morfologicheskie i strukturnye osobennosti samorodnogo zolota: materialy po mineralogii zolota / Otraslevoe byuro tekhn. inform* (Morphological and structural features of native gold: materials on gold mineralogy / Branch office of techn. inform). Moscow: Glavtsvetmet, 1952, pp. 41–58.

15. Sekisov A. G., Manzyrev D. V. *Nanorazmernye struktury v vode i mineralah* (Nanoscale structures in water and minerals). Novosibirsk: IGD so ran, CIT. Phil. Chita: chitgu, 2009, 228 p.

16. Sekisov A. G., Zykov N. V., Korolev V. S. *Dispersnoe zoloto: Geologicheskie i tehnologicheskie aspekty* (Dispersed gold: Geological and technological aspects). Moscow: Gornaya kniga, 2012, 224 p.

17. *Geologiya rudnyh mestorozhdeniy* (Geology of ore deposits), 2015, vol. 57, no. 1, pp. 71–83.

18. *Society of Economik Geologiata* (Society of Economik Geologiata), 1993, vol. 18, 95 p.

19. Stefanson A., Seward T. M. *Acta* (Acta), 2004, vol. 68, pp. 4121–4143.

Коротко об авторе **Briefly about the author**

Павленко Юрий Васильевич, д-р геол.-минер. наук, профессор, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: мелко-среднемасштабное геологическое картирование, прогнозирование, поиски, разведка месторождений
payurva@mail.ru

Yuriy Pavlenko, doctor of geological mineralogical sciences, professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: small-medium-scale geological mapping, forecasting, prospecting, exploration of deposits

Образец цитирования

Павленко Ю. В. Прогнозная геохимия рудного золота Восточного Забайкалья // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 6–14. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-6-14.

Pavlenko Yu. Predictive geochemistry of ore gold in Eastern Transbaikalia// Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 6–14. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-6-14.

Статья поступила в редакцию: 30.12.2020 г.
Статья принята к публикации: 11.01.2021 г.

УДК 550.8
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-15-27

ЭВОЛЮЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ МЕТОД ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ РУДНОГО ЗОЛОТА

EVOLUTIONARY-GENETIC METHOD FOR FORECASTING ORE GOLD OBJECTS

Ю. В. Павленко,
Забайкальский государственный университет, г. Чита
payurva@mail.ru

Yu. Pavlenko,
Transbaikal State University, Chita

С. П. Карелин,
г. Чита
eugeniy3@gmail.com

S. Karelin,
Chita

Предметом исследования являются методы прогнозирования природных неоднородностей, содержащих минерализованные участки земных недр,скоплений рудного золота, которые позволяют получить достоверные знания о минеральном объекте, применить эффективные методы его оценки,изучения и практического использования. Тема исследований – эволюционно-генетический метод прогнозирования объектов рудного золота, использованный при оценке перспектив золотоносности Восточного Забайкалья в масштабе 1:500 000 в начале XXI в. Цель работы – представить новый метод прогнозирования, который сводится к выявлению специализированных на золото геологических формаций (геоблоков, толщ, горизонтов, зон), а в их пределах – участков многократного концентрирования золота. Методология исследований заключается в выделении основных этапов, геологических процессов, ведущих к концентрированию золота в процессе длительной эволюции природных фаций и формаций, выяснении в них источников золота и золотоносных объектов. В результате прогнозирования установлено, что при высоких содержаниях золота в исходном субстрате достаточно одного-двух этапов его мобилизации и перераспределения, при низких содержаниях требуется многократное перераспределение и концентрирование.Вероятность формирования промышленного и более масштабного оруденения золота прямо коррелируется с перспективами геологических структур для локализации эндогенного оруденения, условиями, исключающими рассеяние вещества в заключительную фазу рудообразования и количеством этапов концентрирования. Метод позволяет исключить из перспективных огромные площади центральных частей гранитогнейсовых куполов и гранитных плутонов и требует внимательного отношения к мафическим блокам, не обнажённым по геофизическим данным эрозией, а также к ксенолитам и останцам потенциально золотоносных вмещающих пород среди гранитоидов

Ключевые слова: метод прогнозирования; рудное золото; золотоносные формации; геолого-промышленные типы; геолого-генетические модели месторождений; Восточное Забайкалье; оруденение золота; геологические процессы

The subject of the research is methods for predicting natural heterogeneities containing mineralized areas of the earth's interior, accumulations of ore gold, which allow obtaining reliable knowledge about a mineral object, applying effective methods for its assessment, study and practical use. The topic of research is an evolutionary-genetic method for predicting ore gold objects, which was used to assess the prospects for gold content in Eastern Transbaikalia on a scale of 1: 500,000 at the beginning of this century. The purpose of the work is to present a new forecasting method, which boils down to identifying geological formations specialized for gold (geoblocks, strata, horizons, zones), and within them - areas of multiple gold concentration. The research methodology consists in identifying the main stages, geological processes leading to the concentration of gold in the process of long-term evolution of natural facies and formations, clarifying the sources of gold and gold-bearing objects in them. As a result of forecasting, it was found that at high initial gold contents in the initial substrate, one or two stages of its mobilization formation and redistribution are sufficient, at low gold contents, multiple redistribution and concentration are required. The likelihood of the industrial and larger-scale gold mineralization is directly correlated with the prospects of geological structures for the localization of endogenous mineralization,

© Ю. В. Павленко, С. П. Карелин, 2020

conditions that exclude the dispersion of matter in the final phase of ore formation, and the number of concentration stages. The method makes it possible to exclude from the perspective huge areas of the central parts of granite-gneiss domes and granite plutons and requires careful attention to mafic blocks that are not exposed according to geophysical data by erosion, as well as to xenoliths and remnants of potentially gold-bearing host rocks among granitoids

***Key words**: forecasting method; ore gold; gold-bearing formations; geological and industrial types; geological and genetic models of deposits; Eastern Transbaikalia; gold mineralization; geological processes*

Введение. Предложен эволюционно-генетический метод, апробированный в XXI в. при оценке перспектив Восточного Забайкальян а рудное золото. На территории данного региона учтено 2040 золоторудных объектов, из которых 106 месторождений (6 крупных, 21 среднее, 79 мелких), 511 проявлений, 1423 пункта минерализации, масса геохимических комплексных и золотоносных ореолов, геофизических аномалий и прочих прямых, а также косвенных признаков развития эндогенной золоторудной минерализации. Прогнозными исследованиями установлены 6 золоторудных формаций, более десятка субформаций, отвечающих известным и предполагаемым геолого-промышленным типам месторождений. Познание эволюционно-генетической истории формирования такого богатства возможно только при учёте массы природных процессов, обеспечивших более чем 1000-кратную концентрацию очень редкого химического элемента земной коры. Решение этой сложнейшей задачи возможно путём систематизации огромного фактического материала, создания современной компьютерной базы данных и разработки тактики её осмысливания. Познание природной действительности целесообразно методическим приёмом, обеспечивающим научный анализ многочисленных фактических, литературных данных и вычленение из них основных особенностей, характеризующих концентрацию столь востребованного полезного ископаемого [5; 7].

Методология исследований заключается в выделении возрастных этапов, основных геологических процессов, ведущих к концентрированию золота, возраста и характера основных тектонических структур локализации металла, процессов преобразований природных фаций и формаций, выяснении в них источников золота и золотоносных геологических образований на каждом эволюционном этапе [2; 13; 29]. Эти операции обеспечивают оценку значимости, вклада конкретных геологических условий в эволюцию золота и формирование месторождений.

Процессы концентрирования золота и сущность метода. Золото – широко распространенный химический элемент с низким кларком (2,6...7,0 мг/т в магматических породах и 0,9...8 мг/т в осадочных породах) [4]. Современной горнодобывающей промышленностью востребовано содержание золота в месторождениях в зависимости от морфологического типа не менее 2 г/т, что требует 1000-кратной и более концентрации этого металла.

Достигнутый уровень знаний о процессах рудообразования подтверждает поступательное концентрирование золота в течение сотен миллионов – миллиардов лет на пути формирования золоторудных месторождений [1; 6; 8; 10; 11; 15; 17; 18; 20–22; 28]. Огромная продолжительность формирования месторождений золота находит подтверждение в материалах по Забайкалью. Выделяются следующие этапы трансформации оруденения золота: первичного накопления, подготовительный, рудообразующий и гипергенный. Первичное накопление золота происходит при формировании специализированных на этот и сопутствующие элементы геологических формаций и комплексов. В природе повышенные концентрации золота могут возникать на отдельных этапах, как показано в таблице, могут представлять промышленный интерес при использовании более прогрессивных технологий извлечения металла.

Таблица / T able

Обобщённая схема многоэтапного концентрирования золота при формировании золоторудных и россыпных месторождений Восточного Забайкалья / Generalized scheme of multi-stage gold concentrationin the formation of gold orean dplacer depositsin EasternT ransbaikalia

Этапы концентрирования золота / Stages of gold concentration	**Основные геологические процессы, ведущие к концентрированию золота, основные тектонические структуры, возраст / Basic geological processes leading to the concentration of gold, the main tectonic structures, age**	**Возникшие и исходные геологические образования / Emerging and initial geological formations**	**Вероятный источник золота / Probable source of gold**	**Золотоносные геологические образования, возникшие на соответствующем этапе концентрирования / Gold-bearing geological formations that arose at the corresponding stage of concentration**	**Металлогеническая значимость в формировании месторождений золота / Metallogenic significance in the formation of gold deposits**
Первичное накопление / Primary accumulation	Вулканизм, магматизм, метаморфизм, диафторез, динамометаморфизм в раннеархейских структурах (AR_1) / Volcanism, magmatism, metamorphism, retrogressive metamorphism, dynamometamorphic in the early Archaean structures (AR_1)	Вулканогенные, вулканогенно-осадочные, интрузивные породы основного состава / Volcanogenic, volcanogenic-sedimentary, intrusive rocks of the main composition	Мантийный / Mantle	Кристаллические сланцы основного состава, амфиболиты, гранулиты могочинского и чарского (?) комплексов (AR_1) / Crystalline shales of the main composition, amphibolites, granulites of Mogochinsky and Charsky (?) complexes (AR_1)	Мафические породы с повышенным содержанием золота / Mafic rocks with a high gold content
	Основной, ультраосновной магматизм в позднеархейских трогах и поясах (AR_2) / Basic, ultrabasic magmatism in the late Archean and through the belts (AR_2)	Магматические породы основного, ультраосновного и среднего состава / Igneous rocks of basic, ultrabasic and medium composition	Мантийный / Mantle	Толеиты, коматииты, базальты олондинского комплекса (AR_2); метагипербазит-габброидные и ультрамафит-габброиды тепроканского, олошкинского и амазарского комплексов (AR_2) / The tholeiites, komatiites, basalts londonskogo complex (AR_2); metaliberica-and gabbroid ultramafite-gabbroids tarakanische, roshchinskoe and amaterskog complexes (AR_2)	Породы с повышенным содержанием золота / Rocks with a high gold content
	Осадкообразование в Кодаро-Удоканском авлакогене, диагенез, катагенез, метаморфизм зеленосланцевой и амфиболитовой фаций, рассланцевание (PR_1) / Sedimentation in the Kodara-Udokan aulacogen, diagenesis, catagenesis, metamorphism of green shale and amphibolite facies, shale formation (PR_1)	Терригенные углеродсодержащие отложения с горизонтами, обогащёнными сульфидами и магнетитом / Terrigenous carbonaceous deposits with horizons enriched with sulfides and magnetite	Основные магматические и метаморфические породы поднятий / Main igneous and metamorphic rocks of uplifts	Пачки переслаивания углеродсодержащих метаалевролитов, метапесчаников и филлитовидных сланцев с сульфидами, магнетитовые песчаники, меланократовые кристаллические сланцы, медистые песчаники удоканской серии / Interbedding bundles of carbonaceous metaaleurolites, metapeschstones and phyllitic shales with sulfides, magnetite sandstones, melanocratic crystalline shales, copper sandstones of the Udokan series Terrigenous-carbonate deposits, carbonaceous shales balaganskoe, Dalnerechensky and swinscoe series (R), conglomerates tatarynsky series (R), metawanenee sediments Muya series (R)	Пачки пород с повышенной золотоносностью, попутное золото в медистых песчаниках / Bundles of rocks with increased gold content, associated gold in copper sandstones

Продолжение таблицы

Этапы концентрирования золота / Stages of gold concentration	Основные геологические процессы, ведущие к концентрированию золота, основные тектонические структуры, возраст / Basic geological processes leading to the concentration of gold, the main tectonic structures, age	Возникшие и исходные геологические образования / Emerging and initial geological formations	Вероятный источник золота / Probable source of gold	Золотоносные геологические образования, возникшие на соответствующем этапе концентрирования / Gold-bearing geological formations that arose at the corresponding stage of concentration	Металлогеническая значимость в формировании месторождений золота / Metallogenic significance in the formation of gold deposits
Первичное накопление / Primary accumulation	Осадкообразование в Берёзовском прогибе чехла Сибирской платформы, диагенез, катагенез, слабый метаморфизм, расслацевание (R) / Sedimentation in the Berezovsky trough of the Siberian plate cover, diagenesis, catagenesis, weak metamorphism, shale formation (R)	Пестроцветные терригенные, терригенно-карбонатные ивулканогенные отложения / Variegated terrigenous, terrigenous-carbonate and volcanogenic deposits	Снос с суши / Demolition from sushi	Терригенно-карбонатные отложения, углистые сланцы баллаганахской, дальнетайгинской и жуинской серий (R), конгломераты тепторгинской серии (R), метавулканогенные отложения муйской серии (R) / Terrigenous-carbonate deposits, carbonaceous shales balaganskoe, Dalnerechensky and swinscoe series (R), conglomerates tatarynsky series (R), metawanenee sediments Muya series (R)	Специализированные на золото породы / Gold-specialized rocks
	Магаматизм основного, ультраосновного состава в межблоковых и межмегаблоковых системах (R) / Magnetism basic, ultrabasic composition in the intrablock and mineralology systems (R)	Магматические породыосновного, ультраосновного и среднего состава / Igneous rocks of basic, ultrabasic and medium composition.	Базальтовый слой, верхняя мантия / Basalt layer, upper mantle	Метагабброиды чонгульского, таллаинского и других комплексов (R), расслоенные базиты чинейского комплекса, амфиболиты урулюнгуевского комплекса (R) / Metagabbroids of the Chongul, Tallai and other complexes (R), stratified basites of the Chinai complex, amphibolites of the Urulyungu complex (R)	Породы с повышенным содержанием золота; попутное золото в сульфидных рудах донных залежей расслоенных массивов / Rocks with a high gold content; associated gold in sulfide ores of bottom deposits of stratified massifs
	Осадконакопление в ортогеосинклинальных прогибах, диагенез, катагенез, метаморфизм, динамометаморфизм зеленосланцевой фации (PZ_2-T_3) / Sedimentation in orthogeosynclinal deflections diagenesis, catagenesis, metamorphism, dynamometamorphism of the green shale facies (PZ_2-T_3).	Углеродсодержащие терригенные, вулканогенные, карбонатные отложения / Carbonaceous terrigenous, volcanogenic, and carbonate deposits	Снос с суши, поступление из глубинных источников с золотоносными флюидами / the demolition of land, the flow from deep sources of gold-bearing fluids	Пачки переслаивания углеродсодержащих сланцев и карбонатных пород быстринской и алтачинской свит; углеродсодержащие карбонатно-сланцевые отложения быркинской свиты, доломиты, кремнистые доломиты нортуйской свиты; вулканогенные и терригенные отложения бондихинской и глубокинской свит / Bundle perelivania carbonaceous shale and carbonate rocks Bystrinsky and almatinskoy sweet; carbonaceous carbonate-shale deposits byrkinskaya Suite, dolomite, siliceous dolomite normously Suite; volcanogenic and terrigenous deposits bodyinsky and glubokinsky sweet	Специализированные на золото и халькофильные элементы толщи / Specialized for gold and chalcophilic elements of the thickness

Продолжение таблицы

Первичное накопление / Primary accumulation	Магматизм основного состава в структурах Монголо-Охотского пояса (PZ_1) / Magmatism of the main composition in the structures of the Mongol-Okhotsk belt (PZ_1)	Магматические породы основного, ультраосновного и среднего состава / Igneous rocks of basic, ultrabasic and medium composition..	Базальтовый слой, верхняя мантия / Basalt layer, upper mantle	Габброиды кручининского комплекса (PZ_1), предположительно ингодинского, тайнинского и других палеозойских комплексов / Gabbroids of the Kruchininsky complex (PZ_1), presumably the Ingodinsky, Taininsky and other Paleozoic complexes	Породы с повышенным содержанием золота; попутное золото в титан-магнетитовых рудах / Rocks with high gold content; associated gold in titanium-magnetite ores
	Осадконакопление в геосинклинальных прогибах, диагенез, катагенез, рассланцевание (PZ_2-T_3) / Sedimentation in geosynclinal deflections, diagenesis, catagenesis, shale formation (PZ_2-T_3)	Терригенные и вулканогенные отложения / Terrigenous and volcanogenic deposits	Золотосодержащие породы поднятий; не исключён глубинный (мантийный) источник / Gold-bearing rocks of uplifts; a deep (mantle) source is not excluded	Углеродсодержащие сульфидизированные рассланцованные породы могойтуйской серии (T_3), хапчерангинской серии (T_1), бальджиканской свиты, акшаилинской серии (T_1), ингодинской серии. зуншивеинской, мачинской, большеневеровской, ольдойской и тепловской свит (PZ_2) / Carbon-containing sulfidized shale rocks of the Mogoitui series (T_3), the Hapcherangin series (T_1), the Baljikan formation, the Akshailin series (T_1), and the Ingodin series. sunshineyu, machinskii, bolshenikolskoe, altaiskoi and teplovsko Suite (PZ_2)	Специализированные на золото и халькофильную группу элементов толщи / Specialized for gold and chalcophilic group of strata elements
	Осадконакопление в хемигеосинклинальных прогибах (J_1) и в межгорных впадинах (J_2), диагенез, катагенез / Sedimentation in chemigeosynclinal depressions (J_1) and intermountain depressions(J_2), diagenesis, catagenesis	Морские прибрежные и континентальные отложения / Marine coastal and continental deposits	Денудированные золотоносные породы окружающих бассейны седиментации и внутренних поднятий / Dekodirovaniya of gold-bearing rock surrounding the basins of sedimentation and internal elevations	Конгломераты, гравелиты, песчаники, алевролиты онон-борзинской серии, конгломераты, песчаники верхнегазимурской свиты / Conglomerates, gravelites, sandstones, siltstones of the Onon-Borzinsky series, conglomerates, sandstones of the Upper Gasimur formation	Специализированные на золото толщи терригенных отложений Specialized for gold strata of terrigenous deposits

Продолжение таблицы

Этапы концентрирования золота / Stages of gold concentration	Этапы концентрирования золота / Stages of gold concentration	Возникшие и исходные геологические образования / Emerging and initial geological formations	Вероятный источник золота / Probable source of gold	Золотоносные геологические образования, возникшие на соответствующем этапе концентрирования / Gold-bearing geological formations that arose at the corresponding stage of concentration	Металлогеническая значимость в формировании месторождений золота / Metallogenic significance in the formation of gold deposits
Первичное накопление / Primary accumulation	Континентальное осадкообразование в межгорных впадинах (K_1-N) / Continental sedimentation in intermountain depressions (K_1-N)	Континентальная и вулканогенная молассы / Continental and volcanogenic molasses	Размываемые золоторудные месторождения и золотоносные образования в пределах рудных полей и узлов / Eroded gold deposits and gold-bearing formations within ore fields and nodes	Слабо литифицированные конгломераты, гравелиты, прослои песчаников с кластогенным золотом / Weakly lithified conglomerates, gravelites, sandstone interlayers with clastogenic gold	Древние россыпи (Каменское месторождение), промежуточные коллекторы для четвертичных россыпей, дополнительный источник золота при гидротермальном рудообразовании / Ancient alluvial deposits (basic Deposit), an intermediate reservoir for the Quaternary placers, an additional source of gold in hydrothermal ore formation
Подготовительные этапы концентрирования / Preparatory stages of concentration	Метаморфизм, ультраметаморфизм, гранитизация, палингенез (AR-PR_1, R, PZ_1, PZ_2, J_2-$_3$) / Metamorphism, ultrametamorphism, granitization, palingenesis (AR-PR_1, R, PZ_2, PZ_2, J_2-$_3$).	Кристаллические сланцы основного состава, амфиболиты архея; магматические породы основного, ультраосновного состава докембрия, раннего палеозоя; другие геологические формации, специализированные на золото / Crystalline shales of the main composition, amphibolites of the Archean; igneous rocks of the main, ultrabasic composition of the Precambrian, Early Paleozoic; other geological formations specialized for gold	Породы гранитизируемого субстрата / Rocks of granitized substrate	Фронтальные зоны гранитизации, мигматизации, базификации; периферические зоны гранито-гнейсовых куполов и валов, межкупольные зоны; крупные ксенолиты и останцы пород субстрата среди автохтонных гранитов / Frontal zones of granitization, migmatization, basification; peripheral zones of granite-gneiss domes and shafts, inter-dome zones; large xenoliths and remnants of substrate rocks among autochthonous granites	Повышение содержаний и укрупнение золота, повышение содержаний халькофильных элементов и железа. Возможно формирование метаморфогенно-гидротермального золотого оруденения выше зон гранитизации. Источники россыпей золота / Increasing the content and enlargement of gold, increasing the content of chalcophilic elements and iron. It is possible to form metamorphogenic-hydrothermal gold mineralization above the granitization zones. The sources of the gold placers.

Продолжение таблицы

Подготовительные этапы концентрирования / Preparatory stages of concentration	Динамометаморфизм в межблоковых дислокационных системах, метасоматоз (R, PZ_2) / Dynamometamorphic in the intermediate spaces of dislocation systems, metasomatism (R, PZ_2).	Терригенные осадочные, вулканогенно-осадочные толщи, магматические и метаморфические комплексы с повышенным содержанием золота / Terrigenous sedimentary, volcanogenic-sedimentary strata, magmatic and metamorphic complexes with high gold content	Преобразуемые породы, мантия / Transformed rocks, mantle	Углеродсодержащие сульфидизированные динамометаморфиты с прожилками и жиламикварца / Carbonaceous sulfidation dynamometamorphic with streaks and veins of quartz	Повышение содержания золота. Возможный источник россыпного золота / Increasing the gold content. Possible source of placer gold
	Орогенный гранитоидный магматизм; приконтактовый метасоматоз (PZ_1, PZ_2, J_1-$_2$, J_2) / Orogenic granitoid magmatism; near-contact metasomatosis (PZ_1, PZ_2, J_1-$_2$, J_2)	То же самое / The same	Вмещающие породы / The host rock	Периферические зоны локальных массивов и апикальных выступов более крупных плутонов, включая зоны роговиков, надынтрузивные зоны вмещающих пород с проявленными метасоматическими процессами (окварцевание, серицитизация, пиритизация, турмалинизация и др.)сгнездово-прожилковымиобособлениямиижиламикварца / Peripheral zones of local massifs and apical protrusions of larger plutons, including corneal zones, super-intrusive zones of host rocks with manifested metasomatic processes (calcification, sericitization, pyritization, tourmalinization, etc.) with nesting-veined separations and quartz veins	Значительное повышение содержаний золота и его укрупнение. Возможно формирование бедных штокверков и рудоносных зон в надынтрузивной области, мелких месторождений и проявлений золота жильного типа. Распространенный источник россыпного золота / Significant increase in gold content and its consolidation. It is possible to form poor stockworks and ore-bearing zones in the supra-intrusive region, small deposits and manifestations of gold of the vein type. A widespread source of alluvial gold

Окончание таблицы

Этапы концентрирования золота / Stages of gold concentration	Этапы концентрирования золота / Stages of gold concentration	Возникшие и исходные геологические образования / Emerging and initial geological formations	Вероятный источник золота / Probable source of gold	Золотоносные геологические образования, возникшие на соответствующем этапе концентрирования / Gold-bearing geological formations that arose at the corresponding stage of concentration	Металлогеническая значимость в формировании месторождений золота / Metallogenic significance in the formation of gold deposits
Рудообразующие этапы / Ore- forming estuaries	Позднеорогенный вулкано-плутонический магматизм (J_2-$_3$) в очаговых структурах глубинного заложения, включая дайковые комплексы; гидротермальная деятельность / Late-orogenic volcanic-plutonic magmatism (J_2-$_3$) in deep-seated focal structures, including dike complexes; hydrothermal activity	Породы, прошедшие подготовительные этапы концентрирования золота; изначально специализированные на золото породы / Rocks that have passed the preparatory stages of gold concentration; initially specialized for gold rocks	Вмещающие рудообразующую систему породы, магматические породы гипабиссальных порфировых интрузивных тел, глубинные очаги / Rocks containing the ore-forming system, igneous rocks of hypabyssal porphyry intrusive bodies, deep pockets	Золотоносные зоны метасоматитов, штокверки, золоторудные тела жильного типа / Gold-bearing metasomatic zones, stockworks, gold body vein type	Золоторудные месторождения дарасунского, новоширокинского, любавинского, илинского типов; золотоносные скарны, золото-медно (молибден)порфировые месторождения. Источник россыпного золота / Gold deposits of Darasunsky, Novoshirokinsky, Lyubavinsky, Ilinsky types; gold-bearing skarny, gold-copper (molybdenum) porphyr deposits. Source of placer gold
	Вулканизм (криптовулканизм) в рифтогенных грабенах (K_1); гидротермальная деятельность / The volcanism (cryptovolcanic) in rift grabens (K_1); hydrothermal activity	Реювенированные рудообразующие золотоносные системы предшествующего рудного этапа / Revived ore-forming gold-bearing systems of the previous ore stage	Рудные образования золото-сульфидно-кварцевой формации, золотоносные породы предыдущих этапов концентрирования золота / Ore formations of the gold-sulfide-quartz formation, gold-bearing rocks of the previous stages of gold concentration	Золотоносные зоны низкотемпературного окварцеванияи аргиллизации, золотоносные жилы халцедоновидного кварца / Gold-bearing zones of low-temperature calcification and argillization, gold-bearing veins of chalcedony quartz	Близповерхностные золото-серебряные месторождения балейского типа Near-surface gold and silver deposits of the Baley type

При формировании терригенных и вулканогенно-терригенных толщ создаются наиболее благоприятные условия для первичного накопления, золото поступает из размываемых пород суши, из глубин земной коры и, вероятно, из мантии с вулканическими и гидротермальными процессами. Осаждению золота способствуют сульфиды, органический углерод, глинистые минералы и другие сорбенты в пачках, горизонтах, свитах, содержащих эти компоненты [4]. Часто золотом обогащены пачки частого переслаивания рассланцованных терригенных, карбонатных, кремнистых, кремнисто-известковистых, углеродсодержащих пород, иногда конгломератов. Эти породы могут представлять основу для формирования золоторудных месторождений при концентрации золота в 6...10 кларков [3; 27]. По В. А. Буряку, при литификации осадков выносится 10...20 т/км^3 золота, при метаморфизме 2...12 т/км^3, при березитизации и пропилитизации 3...10 т/км^3. Перераспределение золота в терригенных осадках, содержащих органическое вещество, начинается уже на стадии катагенеза, образуются золотоносные кварцевые жилы «альпийского типа» (элизионно-катагенетическая модель В. П. Холодова)[23]. Повышенным кларком золота (5...7 мг/т и более) характеризуются также магматические породы основного и среднего состава.

Дальнейшее концентрирование накопленного золота, а также его укрупнение, происходит в несколько этапов, которые рассматривается как подготовительные. Оно вызвано процессами метаморфизма, метасоматической гранитизации, корового гранитообразования, динамометаморфизма и метасоматоза.

Ультраметаморфизм и гранитизация объёмно проявились в докембрии при формировании гранитно-гнейсовых куполов. Исходными породами являлись кристаллические сланцы, эндербиты, вулканические и магматические породы, преимущественно основного состава, которые сохранялись по периферии куполов и валов зеленокаменных трогов. В меньшем объёме эти процессы проявлялись в фанерозое (вплоть до мезозоя). Породы представлены палингенными гнейсовидными гранитоидами с многочисленными реликтами и скиалитами метаморфизованных пород. Количество их увеличивается к периферии, где выделяются зоны мигматизации и базификации. Периферические части куполов, а также межкупольные пространства претерпевали интенсивные тектонические преобразования (рассланцевание, милонитизацию, будинаж, брекчирование).В этих зонах повышается концентрация золота и халькофильных элементов, которые накапливаются ещё до появления гранитного расплава [4; 6; 12]. При этом при температурах до 6000 °С золото укрупняется, вследствие чего периферические части куполов выступают как важные в практическом отношении источники россыпного золота [16]. Велика роль этих образований и при формировании золоторудных месторождений как базового субстрата для последующих рудообразующих процессов. Не случайно все древние золотоносные зеленокаменные пояса мира окружены гранитными куполами и гранитизированными породами [24; 25]. Наиболее интересны межкупольные зоны и изометричные блоки, куда отгоняются рудные элементы.

В глубоко эродированных обширных массивах орогенных гранитоидов практический интерес представляют краевые более основные эндоконтактовые зоны контаминации, гибридизма, обладающие, судя по геохимическим ореолам, повышенными содержаниями Au, Pb, Zn, As, Cu. Подобные зоны по периферии гранитоидных массивов рассматриваются в качестве основного источника золота [9;14;27]. Содержание золота в таких зонах (оторочках) повышается в 3...57 раз по сравнению с гранитами и вмещающими породами. Предполагается, что становление данных гранитоидных массивов сопровождается ассимиляцией вмещающих пород, при которой золото совместно с серой и другими компонентами отгоняется к экзоконтакту, поскольку содержание золота в гранитоидном составе не превышает 1...2 мг/т [3; 26; 27]. Высокотемпературные роговики рассматриваются как области выноса золота [4], а сопряжённые зоны средне- и, особенно, низкотемпературной фации контактового метаморфизма как области возможного отложения, концентрации и его укрупнения. Практическая значимость экзоконтактовых зон как золоторудных объектов не велика из-за низких содержаний, но они выступают как важный источник россыпного золота и как подготовленный базис рудообразующих процессов.

В последние годы большое металлогеническое значение придаётся динамометаморфическим процессам межблоковых и межмегаблоковых поясов [18; 19]. К ним относятся протяжённые Агинско-Борщовочный, Муйский, Приаргунский, Куналейский пояса, которые представлены тектонитами зеленосланцевой стадии метаморфизма с широко проявленными метасоматическими процессами: углеродизацией, кварцитизацией, карбонатизацией. Зеленосланцевые образования сформировались по древним габброидам и амфиболитам, филлитовидные сланцы – по гранитоидам, которые прежде принимались за метаосадочные породы. Огромные объёмы тектонизированных пород позволили выделить самостоятельные комплексы: агинско-борщовочный, приаргунский, куналейский. К поясам приурочены многочисленные месторождения, проявления золота, свинца, цинка, ртути, сурьмы. Это позволяет считать динамометаморфиты металлогенически специализированными на эти металлы, предположительно унаследовавшими особенности преобразуемых основных пород субстрата. В связи с этим дислокационный метаморфизм следует относить к этапу перераспределения и концентрирования элементов, в том числе и золота. При дислокационном метаморфизме, протекающем в условиях сжатия, происходит разрушение минералов и вынос золота в другие минералы или в подвижную фазу с последующим отложением в обстановке растяжения – в трещинных структурах [4]. Содержание золота повышается пропорционально интенсивности сульфидизации пород.

Окончательное оформление золоторудных месторождений Восточного Забайкалья в два рудообразующих этапа происходило в позднем мезозое. Первый, средне-позднеюрский, этап связан с позднеорогенным магматизмом амуджикано-шахтаминского комплекса и вулкано-плутоническими структурами центрального типа в виде золоторудных месторождений дарасунского, новоширокинского, илинского, любавинского, новодарасунского геолого-промышленных типов и золотоносных скарнов.

Второй, раннемеловой, этап протекал в рифтогенных грабенах, наложенных на золотоносные очаговые структуры предыдущего этапа в связи с нижнемеловым вулканизмом. В реювенированных рудообразующих системах возникали условия для регенерации, переотложения золота и серебра ранее созданных рудных тел или рассредоточенного оруденения других типов. Так сформировалось богатое золотосеребряное оруденение балейского типа. Этот завершающий этап рассматривается как вершина поступательного концентрирования золота, содержания которого достигали нескольких сотен килограммов в 1 т руды.

В кайнозое господствовали эрозионно-денудационные процессы, в различной мере обнажившие золоторудные месторождения и рудные поля. В это время формировались коры выветривания, происходил размыв рудных тел золотосульфидно-кварцевой формации, золотосодержащих полиметаллических и скарновых месторождений и минерализованных пород с рассеянной вкрапленностью золотоносных сульфидов и золота. В корах выветривания происходило увеличение содержаний золота, его укрупнение и облагораживание. Они имеют значение как объекты золотодобычи и играют роль в подготовке и высвобождении золота, поступающего в россыпи. Коро- и россыпеобразование – это процессы поступательного, наиболее интенсивного концентрирования золота в экзогенных условиях, завершающиеся высокими содержаниями золота (до десятков и сотен г/м^3) в аллювиальных отложениях [129].

Заключение. Предложенный эволюционно-генетический метод прогнозирования сводится к выявлению специализированных на золото геологических формаций (геоблоков, толщ, горизонтов, зон), а в их пределах – участков многократного концентрирования золота. При высоких содержаниях золота в исходном субстрате достаточно одного-двух этапов его мобилизации и перераспределения, при низких – требуется многократное перераспределение. В перспективных структурных условиях, исключающих рассеяние вещества в заключительную фазу рудообразования, чем больше таких этапов, тем выше вероятность формирования промышленного и более масштабного оруденения. Данный метод позволяет исключить из перспективных огромные площади центральных частей гранитогнейсовых куполов и гранитных плутонов и требует внимательного отношения к мафическим блокам, не обнажённым по геофизическим данным эрозией, а также к ксенолитам и останцам потенциально золотоносных вмещающих пород среди гранитоидов.

Список литературы

1. Авдонин В. В., Бойцов В. Е. Месторождения металлических полезных ископаемых. М.: Геоинформарк, 1998. 269 с.

2. Берёзкин Ю. М. Методология научных исследований (деятельностный подход). Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. 196 с.

3. Буряк В. А. О возможности обогащения гранитного расплава золотом гранитизируемых пород// Доклады АН СССР. 1982. № 5. С. 1213–1217.

4. Буряк В. А., Бакулин Ю. И. Металлогения золота. Владивосток: Дальнаука, 1998. 403 с.

5. Геология и месторождения полезных ископаемых. 2-е изд. / сост. Ж. В. Семинский, Г. Д. Мальцева, И. Н. Семейкин, М. В. Яхир. М.: Юрайт, 2018. 348 с.

6. Долженко В. Н. О значении неоднократного перераспределения золота вмещающих пород в рудообразовании // Известия Академии наук Киргизской ССР. 1976. № 2. С. 14–18.

7. Ермолова В. Геология. М.: Изд-во Моск. гос. горного ун-та, 2005. Ч. II. Разведка и геолого-промышленная оценка месторождений полезных ископаемых. 405 с.

8. Константинов М. М. Золоторудные районы как прогнозно-металло-генические системы // Разведка и охрана недр. 2000. № 3–4. С. 10–12.

9. Коробейников А. Ф. Условия концентрации золота в палеозойских орогенах. Новосибирск: Наука, 1987.177 с.

10. Кривцов А. И. Прикладная металлогения. Москва: Недра, 1989. 288 с.

11. Кривцов А. И. Гносеологические «мифы и рифы» проблемы источников рудного вещества // Руды и металлы. 2003. № 4. С. 5–14.

12. Курбанов Н. К., Арифулов Ч. Х., Ехиванов В. А., Романов В. И. Полигенно-полихронные золоторудные месторождения терригенных комплексов // Руды и металлы. 1992. № 1. С. 54–61.

13. Методология и методы научного познания / И. Л. Бахтина, А. А. Лобут, Л. Н. Мартюшов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. 119 с.

14. Миронов А. Г. Радиоактивные индикаторы в изучении геохимии золота и золоторудных месторождений:автореф. дис. ... д-ра геол.-минерал. наук: 04.00.02. Новосибирск, 1988. 35 с.

15. Миронов А. Г., Рощектаев П. А., Жмодик С. М., Куликов А. А., Карманов Н. С. Зун-Холбинское золоторудное месторождение // Месторождения Забайкалья. Чита; Москва: Геоинформмарк, 1995. С. 56–66.

16. Моисеенко В. Г. Метаморфизм золота месторождений Приамурья. Хабаровск: Хабаровск-геология, 1965. 127 с.

17. Рундквист Д. В. Фактор времени при формировании гидротермальных месторождений: периоды, эпохи, этапы и стадии рудообразования // Геология рудных месторождений. 1997. № 1. С.11–24.

18. Рутштейн И. Г., Чечеткин В. С. Тектоническое и металлогеническое районирование и позиция крупных рудных месторождений Восточного Забайкалья и сопредельных регионов // Труды VI Междунар. симпозиума по геологической и минерагенческой корреляции в сопредельных районах России, Китая и Монголии. Чтения Памяти акад. С.С. Смирнова. Чита: Ин-т природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, 2005. С. 17–30.

19. Рутштейн И. Г. О проблемах геологии и региональной металлогении Юго-Восточного Забайкалья // Геология и полезные ископаемые Читинской области. Чита: Читагеолсъемка, 2000. С. 9–23.

20. Сидоров А. А., Томсон И. Н. Уникальные рудные районы Востока России. Модели формирования рудных гигантов // Крупные и суперкрупные месторождения: закономерности и условия образования. Москва: ИГЕМ РАН, 2004. 430 с.

21. Смирнов В. И. Фактор времени в образовании стратиформных рудных месторождений // Геология рудных месторождений. 1970. № 6. С. 4–20.

22. Фогельман Н. А. Базовые формации или геолого-генетические модели? // Руды и металлы. 1996. № 5. С. 63–72.

23. Фогельман Н. А. Золоторудные формации различных рудно-энергетических систем // Руды и металлы. 1998. № 3. С. 5–9.

24. Шер С. Д. Металлогения золота. М.: Недра, 1972. 296 с.

25. Шер С. Д. Металлогения золота. М.: Недра, 1974. 256 с.

26. Щербаков Ю. Г. Источники вещества и типизация месторождений золота // Природа растворов и источники рудообразующих веществ эндогенных месторождений. Новосибирск: Недра, 1979. С. 33–41.

27. Щербаков Ю. Г. Систематика месторождений золота // Минералогия и геохимия рудных месторождений Сибири. Новосибирск: Наука, 1977. С. 4–12.

28. Щербаков Ю. Г., Рослякова Н. В. Генетическая модель гидротермального рудообразования на примере золоторудных месторождений // Генетические модели эндогенных рудных формаций. Новосибирск: Ин-т геологии и геофизики, 1983. Т. 2. С.132–138.

29. Шкляр М. Ф. Основы научных исследований. М.: ДашковиК, 2017. 208 с.

30. Radtke A. S., Rye R. O. & Dickson F.W. Geology and stable isotope studies of the Carlin gold deposit, Nevada //Economic Geology. 1980. Vol. 75 P. 641–671.

References

1. Avdonin V. V., Boytsov V. E. *Mestorozhdeniya metallicheskih poleznyh iskopaemyh* (Deposits of metal minerals). Moscow: Geoinformark, 1998, 269 p.

2. Beryozkin Yu. M. *Metodologiya nauchnyh issledovaniy (deyatelnostny podhod)* (Methodology of scientific research (activity approach)). Irkutsk: BSU Publishing House, 2016, 196 p.

3. Buryak V. A. *Doklady AN SSSR* (Reports of the USSR Academy of Sciences), 1982, no. 5,pp. 1213–1217.

4. Buryak V. A., Bakulin Yu. I. *Metallogeniya zolota* (Metallogeny of gold). Vladivostok: Dalnauka, 1998, 403 p.

5. *Geologiya i mestorozhdeniya poleznyh iskopaemyh*. 2-e izd. / sost. Zh. V. Seminsky, G. D. Maltseva, I. N. Semeykin, M. V. Yakhir (Geology and mineral deposits. 2nd ed. / Comp. Zh. V. Seminsky, G. D. Maltseva, I. N. Semeykin, M. V. Yakhir). Moscow: Yurayt, 2018. 348 p.

6. Dolzhenko V. N. *Izvestiya Akademii nauk Kirgizskoy SSR* (Proceedings of the Academy of Sciences of the Kyrgyz SSR), 1976, no. 2, pp. 14–18.

7. Ermolova V. *Geologiya*(Geologiya). M.: Publishing House of Moscow State Mining University, 2005. Ch. II. Exploration and geological and industrial assessment of mineral deposits. 405 p.

8. Konstantinov M. M. *Razvedka i ohrana nedr* (Exploration and protection of mineral resources), 2000, no. 3–4, pp. 10–12.

9. Korobeynikov A. F. *Usloviya kontsentratsii zolota v paleozoyskih orogenah* (Conditions of gold concentration in Paleozoic orogens). Novosibirsk: Nauka, 1987, 177 p.

10. Krivtsov A. I. *Prikladnaya metallogeniya* (Applied metallogeny). Moscow: Nedra, 1989, 288 p.

11. Krivtsov A. I. *Rudy i metally* (Ores and metals), 2003, no. 4, pp. 5–14.

12. Kurbanov N. K., Arifulov CH. H., Ekhivanov V.A., Romanov V.I. *Rudy i metally* (Ores and metals), 1992, no. 1,pp. 54–61.

13. *Metodologiya i metody nauchnogo poznaniya* / I. L. Bakhtina, A. A. Lobut, L. N. Martyushov (Methodology and methods of scientific knowledge). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2016. 119 p.

14. Mironov A. G. *Radioaktivnye indikatory v izuchenii geohimii zolota i zolotorudnyh mestorozhdeniy: avtoref. dis. ... d-ra geol.-mineral. nauk: 04.00.02*(Radioactive indicators in the study of the geochemistry of gold and gold deposits: author's abstract. ... Dr. geol.-mineral. sciences: 04.00.02). Novosibirsk, 1988. 35 p.

15. Mironov A. G., Roschektaev P. A., Zhmodik S. M., Kulikov A. A., Karmanov N. S. *Mestorozhdeniya Zabaykaliya* (Deposits of Transbaikalia). Chita; Moscow: Geoinformmark, 1995. pp. 56–66.

16. Moiseenko V. G. *Metamorfizm zolota mestorozhdeniy Priamuriya* Metamorphism of gold deposits of the Amur region. Khabarovsk: Khabarovsk-geologiya, 1965, 127 p.

17. Rundkvist D. V. *Geologiya rudnyh mestorozhdeniy* Geology of ore deposits), 1997, no. 1, pp. 11–24.

18. Rutshteyn I. G., Chechetkin V. S. *Trudy VI Mezhdunar. simpoziuma po geologicheskoy i minerageneticheskoy korrelyatsii v sopredelnyh rayonah Rossii, Kitaya i Mongolii. Chteniya Pamyati akad. S.S. Smirnova* (Proceedings of the VI International Symposium on Geological and mineralogical correlation in adjacent regions of Russia, China and Mongolia and readings in Memory of Academician S. S. Smirnov). Chita: Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology SB RAS, 2005, pp. 17–30.

19. Rutshteyn I. G. *Geologiya i poleznye iskopaemye Chitinskoy oblasti* (Geology and minerals of the Chita region). Chita: Kitahiroshima, 2000,pp. 9–23.

20. Sidorov A. A., Tomson I. N. *Krupnye i superkrupnye mestorozhdeniya: zakonomernosti i usloviya obrazovaniya* (Large and super-large deposits: regularities and conditions of formation). Moscow: IGEM RAS, 2004. 430 p.

21. Smirnov V .I. *Geologiya rudnyh mestorozhdeniy* (Geology of ore deposits), 1970, no. 6, pp. 4–20.

22. Fogelman N. A. *Rudy i metally* (Ores and metals), 1996. no. 5. pp. 63–72.

23. Fogelman N. A. *Rudy i metally* (Ores and metals), 1998, no. 3, pp. 5–9.

24. Sher S. D. *Metallogeniya zolo*ta (Metallogeny of gold). Moscow: Nedra, 1972, 296 p.

25. Sher S. D. *Metallogeniya zolota* (Metallogeny of gold). Moscow: Nedra, 1974, 256 p.

26. Sherbakov Yu. G. *Priroda rastvorov i istochniki rudoobrazuyuschih veshchestv endogennyh mestorozhdeniy* (Nature of solutions and sources of ore-forming substances of endogenous deposits). Novosibirsk: Nedra, 1979, pp. 33–41.

27. Sherbakov YU. G. *Mineralogiya i geohimiya rudnyh mestorozhdeniy Sibiri* (Mineralogy and geochemistry of ore deposits in Siberia). Novosibirsk: Nauka, 1977, p. 4–12.

28. Sherbakov YU. G., Roslyakova N. V. *Geneticheskie modeli endogennyh rudnyh formacij* (Genetic models of endogenous ore formations). Novosibirsk: Institute of Geology and Geophysics, 1983, vol. 2, pp. 132–138.

29. Shklyar M. F. *Osnovy nauchnyh issledovaniy* (Fundamentals of Scientific Research). Moscow: Dashkov & K, 2017, 208 p.

30. Radtke A. S., Rye R. O. & Dickson F.W. *Economic Geology* (Economic Geology), 1980, vol. 75, pp. 641–671.

Коротко об авторах

Павленко Юрий Васильевич, д-р геол.-минер. наук, профессор, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: мелко-среднемасштабное геологическое картирование, прогнозирование, поиски, разведка месторождений
payurva@mail.ru

Карелин Сергей Павлович, горный инженер-геолог, г. Чита, Россия. Область научных интересов: геологическое картирование, прогнозирование, поиски, разведка месторождений
eugeniy3@gmail.com

Briefly about the authors

Yuriy Pavlenko, doctor of geological mineralogical sciences, professor, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: small-medium-scale geological mapping, forecasting, prospecting, exploration of deposits

Karelin Sergey, mining engineer-geologist, Chita, Russia. Research interests: geological mapping, forecasting, prospecting, exploration of deposits

Образец цитирования

Павленко Ю. В., Карелин С. П.Эволюционно-генетический метод прогнозирования объектов рудного золота // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 15–27. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-15-27.

Pavlenko Yu. , Karelin S. Evolutionary-genetic method for forecasting ore gold objects // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 15–27. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-15-27.

Статья поступила в редакцию: 30.12.2020 г.
Статья принята к публикации: 11.01.2021 г.

УДК 327+339.9
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-28-35

ВОЗМОЖНОСТИ РОССИЙСКО-ИРАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

RUSSIAN-IRANIAN PROSPECTS FOR COOPERATION IN THE ENERGY SECTOR

Х. Барари Рейкаде,
Тегеранский университет,
г. Тегеран
khbarari@ut.ac.ir

Kh. Barari Reykandeh,
University of Tehran,
Tehran

И. В. Зеленева,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
irina_zeleneva@mail.ru

I. Zeleneva,
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg

Роль геоэкономических факторов в международных отношениях стала более заметной. Энергоресурсы являются одним из важных элементов геополитической мощи стран. Объектом исследования являются российско-иранские отношения. Предмет исследования – сотрудничество между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран в сфере энергетики. Россия и Иран – ведущие производители энергоносителей. Обладая огромными запасами нефти и газа, Иран и Россия выступают естественными конкурентами на мировом энергетическом рынке. Однако конкурентам необходимо работать вместе, когда дело касается общих интересов. Статья посвящена рассмотрению возможности ирано-российского сотрудничества в сфере энергетики. На фоне «сланцевой революции» и развития индустрии сжиженного природного газа (СПГ), с учетом односторонних действий США на мировом энергетическом рынке подчеркивается, что вопрос сотрудничества и координации совместных действий Ирана и России в энергетической области стал более актуальным. По мнению авторов, кроме взаимодействия Ирана и России в рамках Форума стран-экспортеров газа (ФСЭГ) и Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) такие вопросы, как участие России в проекте газопровода Иран – Пакистан – Индия (IPI), энергетическая безопасность Каспийского моря, обмен электроэнергией через Кавказ, т. е. создание линий электропередачи между Россией – Азербайджаном – Ираном или между Россией – Грузией – Арменией – Ираном, и развитие сотрудничества Ирана с Евразийским экономическим союзом в энергетической сфере могут способствовать расширению сфер ирано-российского партнерства в области энергетики

***Ключевые слова**: Иран; Россия; сотрудничество; энергетическая безопасность; ФСЭГ; СПГ; газ; нефть; электроэнергия; ЕАЭС*

In recent years the role of geo-economic factors in international relations has become more prominent. Energy resources in particular are one of the important elements of the geopolitical power of countries. Russia and Iran are both two such examples of being globally recognized as important energy producers with huge oil and gas reserves that compete amongst themselves and other producers in the global energy market. However, in many circumstances competitors also need to collaborate and work together when it comes to their common interests. This article examines the possibility of Iranian-Russian cooperation in the energy sector. Taking into account particularly the “shale revolution”, the development of the LNG industry and the unilateral actions of the United States in the world energy market, this study will argue and emphasize that the cooperation and coordination of actions between Iran and Russia in the global energy sector has become more urgent and prominent. In addition to interaction within the framework of the GECF and OPEC, such issues as Russia’s participation in the Iran-Pakistan-India (IPI) gas pipeline project, the energy security of the Caspian Sea, the exchange of electricity through the Caucasus, i. e. the creation of electric network between Russia - Azerbaijan - Iran or between Russia - Georgia - Armenia - Iran, as well as the development of Iran’s cooperation with the Eurasian Economic Union in the energy sector are also factors that can lead to the development of the Russian-Iranian- relations and the strengthening of stability and security in the region

***Key words:** Iran; Russia; cooperation; energy security; GECF; LNG; gas; oil; OPEC; electricity; EAEU*

© Х. Барари Рейкаде, И. В. Зеленева, 2020

Введение. Энергетическая сфера – одна из наиболее важных областей ирано-российского сотрудничества, особенно в ядерной энергетике, где Россия является самым важным партнером Ирана, а сотрудничество между двумя странами имеет прямое и решающее влияние на ядерную программу Ирана.

Цель работы – рассмотрение основных направлений сотрудничества между Россией и Ираном в сфере энергетики. Для достижения цели решаются следующие задачи: проанализировать место и роль России и Ирана на энергетическом рынке; раскрыть энергетические интересы России и Ирана на глобальном и региональном уровне; выявить возможности сотрудничества России и Ирана в области энергетики. Исследование проводится с помощью качественного метода анализа.

Россия и Иран, обладая огромными нефтяными и газовыми ресурсами, занимают важное положение на мировом энергетическом рынке. Страны-экспортеры, конкуренты на энергетическом рынке, могут сотрудничать, когда дело касается общих интересов. Высказывания Президента России Владимира Путина во время его встречи с Президентом США Дональдом Трампом на саммите в Хельсинки в июле 2018 г. подтверждают это. Хотя Россия и США являются конкурентами на энергетическом рынке, но, как отметил Путин [7], Россия заинтересована в сотрудничестве с США по регулированию энергетического рынка потому, что такие угрозы, как резкое падение цен на нефть, сдерживают интересы всех экспортеров.

Интересы Ирана и России на энергетическом рынке могут быть реализованы только при условии стабильности. Падение мировых цен на нефть в 2014 г. показало, насколько уязвима экономика Ирана и России перед резкими колебаниями цен на нефть. Таким образом, с учетом общих интересов и угроз Иран и Россия вынуждены найти прагматичный подход к расширению сотрудничества на мировом энергетическом рынке.

В сфере газа: Форум стран-экспортеров газа (далее ФСЭГ), основными учредителями которого являются Иран и Россия, имеет высокий потенциал для взаимодействия Тегерана и Москвы на мировом газовом рынке и является ареной для применения многосторонней дипломатии Иран – Россия в области энергетики. Некоторые называют ФСЭГ «газовым ОПЕК», но следует отметить, что он не станет газовым картелем, аналогом Организации стран-экспортеров нефти (далее ОПЕК). В ФСЭГ отсутствуют механизмы по модели ОПЕК и не устанавливается квота на добычу для членов.

Рынок газа – это не рынок нефти. Если раньше была очень жесткая связь между производителем и потребителем, так как существовала необходимость строительства газопроводов, то уже по мере развития индустрии сжиженного природного газа (далее СПГ) отношения между продавцами и покупателями газа стали меняться. Более того, СПГ через спотовую торговлю разорвал привязку стоимости газа к нефтяной корзине. Газовый рынок стал более независимым в ценовом плане. Газ находится в прямой и косвенной конкуренции с другими энергетическими ресурсами, и цены на них отражаются на ценах на газ. Поэтому, особенно в кризисные периоды, требуется координация усилий производителей газа для балансировки рынка [3] .

До сих пор ФСЭГ не смог сыграть столь же решающую роль, как ОПЕК, и пока работает в качестве консультативной организации. Однако можно предполагать, что в случае сближения позиций членов этот форум помимо достижения экономических целей и консультирования по вопросам ценообразования и энергетической безопасности сможет влиять и на международные политические тенденции. Если позиции Ирана и России в ФСЭГ будут согласованы на основе прагматизма и общих интересов, обе страны могут использовать эту платформу, чтобы влиять на других членов и противостоять агрессивным и односторонним действиям США на энергетическом рынке.

Глава «Роснефти» Игорь Сечин считает политику нынешней администрации США «главным возмутителем спокойствия на энергорынке» [10]. За счет успехов «сланцевой революции» и развития производства сжиженного природного газа (СПГ), используя рыночные и нерыночные инструменты, США наращивают присутствие на международном энергетическом рынке, что может привести к вытеснению российского газа из Европы. Используя свои энергоресурсы в качестве инструмента внешней политики, США пытаются вытеснить «Газпром» с европейского рынка и расширить свое влияние на другие энергетические рынки, в том числе на рынки Восточной и Юго-Восточной Азии (рис. 1).

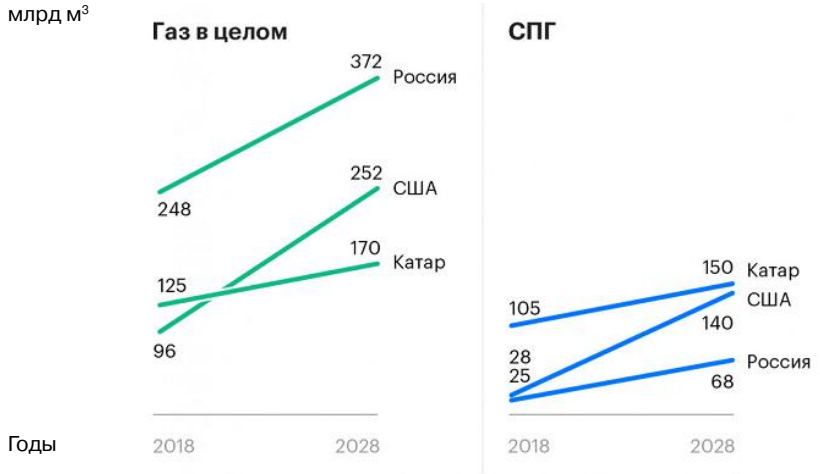


Рис. 1. Экспорт газа из России, Катара и США в 2018–2028 гг. [4] /
Fig. 1. Gas export from Russia, Qatar and U.S in 2018–2028

Хотя Россию беспокоит вопрос о возможном присутствии Ирана на европейских рынках газа, факты показывают, что главным конкурентом России на мировом газовом рынке скорее станут США. Россия подчеркивает, что экспорт российского газа на европейский рынок дешевле американского и США не могут конкурировать с ней. По мнению российских исследователей Б. Ночвиной и О. Рвачева, «американские поставки СПГ экономически невыгодны для Евросоюза – сжиженный газ из США неконкурентоспособен в связи с высокой себестоимостью» [6]. Однако следует иметь в виду, что энергетика – это не чисто экономический вопрос, и политические факторы всегда влияют на решения стран-импортеров.

В условиях усиления конкуренции и даже конфронтации на энергетических рынках слова Г. Киссинджера, сказанные в 1974 г., не просто актуализировались, но приобрели новое развитие в рамках внешней политики: «Вы никогда не можете проводить энергетическую политику как чисто экономическое дело. С самого начала она являлась предметом внешней политики» [13, с. 5]. У США даже есть план военным путем ограничить Россию и Иран. Согласно заявлениям Райана Зинка, министр внутренних дел США в 2018 г., если Соединенные Штаты сочтут это необходимым, их военно-морской флот заблокирует морские пути, чтобы не допустить попадания на рынок российской нефти и газа [14].

Тем, кто считает, что Россия и Иран не могут сотрудничать в газовой сфере только потому, что обе стороны являются производителями и считаются конкурентами на энергетическом рынке, следует напомнить слова Владимира Путина о Катаре: Катар для России – очень интересный партнер прежде всего потому, что и Катар, и Россия – крупнейшие в мире производители углеводородного сырья, прежде всего газа, и здесь очень важно координировать совместную работу на рынках (табл. 1) [8].

Таблица 1 / Table 1

Объемы запасов, производства, потребления газа в странах-экспортерах [5] /
Volumes of reserves, production, consumption of gas in exporting countries [5]

Страна / Country	Запасы природного газа, трлн м³ / Natural gas reserves, Trillion cubic metres	Производство газа, млрд м³ / Gas production, billion cubic metres	Потребление газа, млрд м³ / Gas consumption, billion cubic metres
Россия / Russia	38,0 (19,1 % мирового запаса)	679,0 (17,0 %)	444,3 (11,3 %)
Иран / Iran	32,0 (16,1 %)	244,2 (6,1 %)	223,6 (5,7 %)
Катар / Qatar	24,7 (12,4 %)	178,1 (4,5 %)	41,1 (1,0 %)

То, что Тегеран в будущем может стать конкурентом Москвы в газовой области, не должно создавать препятствий на пути двустороннего сотрудничества, например, в разработке газовых месторождений [4]. Если Россия может сотрудничать на газовом рынке со своим конкурентом Катаром, то расширение сотрудничества Россия – Иран на данном рынке тоже возможно. У России намного больше общих интересов с Ираном, чем с прозападным Катаром.

Участие России в проекте газопровода Иран – Пакистан – Индия (IPI) может открыть путь для расширения сотрудничества с Россией в области газа. Проект, переговоры которого начались в 1990-е гг., изначально предназначался для транспортировки иранского газа в Индию по суше через Пакистан. Но по новым соглашениям часть трубопровода может пройти через море (рис. 2).

Иран – Пакистан – Индия

Рис. 2. Схема газопровода Иран – Пакистан – Индия [2] / Fig. 2. Iran-Pakistan-India gas pipeline

Российские официальные лица неоднократно заявляли о своей готовности участвовать в строительстве газопровода IPI. В результате в 2017 г. Россия и Иран подписали меморандум о взаимопонимании в этом отношении и начали совместное изучение проекта. 27 сентября 2018 г. Россия и Пакистан также подписали меморандум о взаимопонимании, сотрудничестве в реализации проекта морского газопровода для транспортировки иранского газа в Пакистан и Индию [9].

Реализация газотранспортного проекта Иран – Пакистан с участием России, в дополнение к развитию взаимовыгодного экономического сотрудничества, может укрепить региональное сотрудничество Россия – Иран – Пакистан – Индия. Учитывая политические разногласия, напряженность между Индией и Пакистаном и тесные отношения между Москвой и Дели, если Россия сможет договориться с Индией по этому вопросу после достижения соглашения с Пакистаном, иранский план по транспортировке газа в Пакистан и Индию приблизится к реализации. Однако в случае реализации плана российская сторона должна учитывать интересы и соображения Ирана, Пакистана и Индии, в противном случае Россию будут обвинять в участии в этом плане по контролю над маршрутом транспортировки газа Ирана, чтобы сохранить монополию «Газпрома» на газовых рынках и гарантировать, что Иран не будет конкурировать с Россией.

СПГ — это еще один сектор, в котором Иран и Россия имеют возможности для сотрудничества на двусторонней и на многосторонней основе. Россия заявила о готовности участвовать в строительстве завода «Иран СПГ». В будущем возможно сотрудничество России и Ирана в области экспорта СПГ аналогично сотрудничеству в области нефтяных своп-операций. Например, Россия и Катар, несмотря на конкуренцию на газовом рынке, готовы сотрудничать в этой сфере. Заводы СПГ в России расположены в северных регионах страны, поэтому экспорт рос-

сийского СПГ на рынок Юго-Восточной Азии дороже из-за удаленности завода от рынка. Однако этот рынок ближе к Катару. Поэтому стороны заинтересованы во взаимовыгодном сотрудничестве в сфере торговли газом. Соответственно, Россия и Иран также могут сотрудничать в этой сфере.

С расширением торговли СПГ, особенно на фоне роста экспорта газа США, монополия «Газпрома» на европейском рынке, возможно, будет ограничена. И правила конкуренции на рынке неизбежно изменятся. Поэтому сотрудничество России и Ирана в этой сфере будет во благо обеих стран.

Учитывая зависимость экономики Ирана и России от доходов экспорта энергоресурсов, стабильность энергетического рынка напрямую влияет на национальную безопасность Ирана и России. Поэтому сотрудничество между двумя странами, особенно по ценообразованию нефти и стабилизации нефтяного рынка, будет служить национальным интересам Ирана и России. Хотя западные санкции против Ирана в последние годы уменьшили его долю на нефтяном рынке, Россия в рамках соглашения ОПЕК+ отдает большее предпочтение координированию действий на мировых рынках нефти с Саудовской Аравией, но лучше рассмотреть возможности сотрудничества с Ираном в долгосрочной перспективе с учетом общих интересов. Иначе усилится историческое недоверие иранцев к российскому государству и Россия сама ухудшит свой имидж в иранском общественном мнении, а это может оказать негативное влияние на взаимодействие двух стран в других сферах.

Разумеется, не общество определяет внешнюю политику Тегерана. Иранские политики в правительстве, духовный лидер и его окружение, а также настроения военных в отношении Москвы куда прагматичнее и спокойнее, чем аудитория иранских СМИ, мыслящая стереотипами на основе исторического опыта. Однако Тегеран, в отличие от российского руководства, вынужден постоянно делать поправку на общественное мнение в выстраивании своих отношений с Кремлем [11].

Общие интересы Ирана и России, как двух влиятельных игроков на энергетическом рынке, требуют прагматичного сотрудничества в целях регулирования своей политики в отношении мировой добычи и поставок нефти и недопущения потерь ОПЕК от давления США. Нестабильность на энергетическом рынке будет иметь негативные последствия для всех экспортеров.

Вопросы, связанные с энергетической безопасностью Каспийского моря, особенно охрана его окружающей среды, также входят в число важных вопросов, которые напрямую связаны с интересами и безопасностью Ирана и России, и двум странам необходимо более активно сотрудничать в этом отношении.

В отличие от рынка нефти и газа, где Иран и Россия являются естественными соперниками, у двух стран нет конкуренции на рынке электроэнергии. Данная сфера могла бы расширить их сотрудничество в области энергетики. Учитывая, что в России пик потребления электроэнергии приходится зимой, а в Иране этот пик приходится на лето, две страны могут обмениваться электроэнергией. Поскольку передача электроэнергии между Ираном и Россией через территорию третьей страны возможна, это сотрудничество изменится с двустороннего на многостороннее, что откроет путь для развития регионального сотрудничества Тегерана и Москвы. Создание линий электропередачи между Россией – Азербайджаном – Ираном или Россией – Грузией – Арменией – Ираном и развитие сотрудничества в энергетическом секторе между этими странами создаст дополнительные возможности для налаживания взаимопонимания и будет способствовать укреплению их сотрудничества в других сферах для поддержания стабильности и безопасности.

С присоединением Ирана к Евразийскому экономическому союзу Иран через Армению и Россию может обмениваться электроэнергией с другими странами Евразийского экономического союза и развивать отношения с ЕАЭС.

Заключение. В мире, где роль геоэкономических факторов в международных отношениях стала более заметной, энергоресурсы (в качестве инструмента внешней политики и влияющего фактора на ее результаты) являются одним из важных элементов геополитической мощи стран. Обладая огромными запасами нефти и газа, Иран и Россия являются конкурентами на мировом энергетическом рынке. Каждое государство во внешней политике руководствуется своими национальными интересами. Однако конкурентам также необходимо работать

вместе, когда дело касается общих интересов. Сотрудничество между Ираном и Россией в области энергетики, обеспечивая их собственные интересы, может оказать значительное влияние на мировой энергетический рынок и международные политические события.

«Сланцевая революция» в США, односторонние действия этой страны на мировом энергетическом рынке, развитие СПГ-индустрии и появление новых конкурентов – это факты, которые нельзя игнорировать. Эти вопросы постепенно изменяют традиционные правила, регулирующие энергетический рынок, что обусловливает общие и долгосрочные интересы Ирана и России, требует координации и сотрудничества по укреплению стабильности и безопасности на энергетическом рынке.

Такие вопросы, как энергетическая безопасность Каспийского моря, участие в проектах строительства газопроводов, обмен электроэнергией через Кавказ и развитие сотрудничества Ирана с Евразийским экономическим союзом в энергетическом сфере, тоже являются вопросами, способствующими расширению сфер ирано-российского партнерского взаимодействия и укреплению стабильности и безопасности в регионе.

Список литературы

1. Американские эксперты предсказали победу США над Россией на рынке. Текст: электронный // РБК. 2019. 18 сентября. URL: https://www.rbc.ru/business/18/09/2019/5d7fa40b9a794765c3ab9bf1 (дата обращения: 20.01.2020).

2. Владимир Путин договорился, что «Газпром» построит трубу из Ирана в Индию. Текст: электронный // Ведомости. 2017. 1 ноября. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/11/02/740288-gazprom-trubu-irana-indiyu (дата обращения: 19.01.2020).

3. Газовый рынок в поисках регулятора. Текст: электронный // Oilcapital. 2020. June 25. URL: https://oilcapital.ru/article/general/25-06-2020/gazovyy-rynok-v-poiskah-regulyatora (дата обращения: 28.06.2020).

4. Газпром: Соперничество и сотрудничество могут идти рука об руку. Текст: электронный // Иранское информационное агентство ИРНА. 2015. 1 декабря. URL: http://www.irna.ir/ru/News/2987878 (дата обращения: 24.01.2020).

5. На основе данных BP. Текст: электронный // Statistical Review of World Energy. 2020. June. URL: http://www.bp.com/statisticalreview (дата обращения: 24.01.2020).

6. Ночвина Б., Рвачев О. Роль Российской Федерации на европейском газовом рынке // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. № 4. С. 68–74.

7. Путин В. Я считаю, мы как крупнейшая нефтегазовая держава, а Соединенные Штаты тоже являются такой страной, могли бы конструктивно работать по регулированию международных рынков, потому что мы не заинтересованы в чрезвычайном падении цен ниже низшего предела. От этого будут страдать наши производители, кстати говоря, в том числе и в Соединенных Штатах, имея в виду сланцевые нефть и газ. Текст: электронный // Саммит Россия – США. 2018. 16 июля. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58017 (дата обращения: 18.01.2020).

8. Путин призвал Катар координировать работу на рынке углеводородов. Текст: электронный // РИА Новости. 2010. 24 марта. URL: https://ria.ru/20100324/216161602.html (дата обращения: 22.01.2020).

9. Россия и Пакистан подписали меморандум по проекту морского газопровода. Текст: электронный // РИА Новости. 2018. 27 сентября. URL: https://ria.ru/economy/20180927/1529491958.html (дата обращения: 19.01.2020).

10. Сечин назвал США главным возмутителем спокойствия на рынке энергетики. – Текст: электронный // Интерфакс. 2019. 6 июня. URL: https://www.interfax.ru/forumspb/663982 (дата обращения: 20.01.2020).

11. Смагин Н. Стратегическое недоверие. Почему у России и Ирана не получается стать союзниками? – Текст: электронный // Московский Центр Карнеги. 2019. 4 июня. URL: https://carnegie.ru/commentary/79251 (дата обращения: 25.01.2020).

12. Текеев А. Р. Политические технологии энергетического сотрудничества России и стран балканского региона: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2013.

13. Henry Kissinger. You could never implement the energy policy as a purely economic matter; it has been a foreign policy matter from the beginning. Текст: электронный // John S. Duffield. Fuels Paradise: Seeking Energy Security in Europe, Japan, and the United States. Johns Hopkins University Press, April 2015, p. 240. URL: https://www.fordlibrarymuseum.gov/library/document/0204/7368357.pdf (дата обращения: 24.01.2020).

14. Ryan Zinke. Naval blockade is an option for dealing with Russia. Текст: электронный // Washington-examiner. 2018. September 28. URL: https://www.washingtonexaminer.com/policy/energy/ryan-zinke-naval-blockade-is-an-option-for-dealing-with-russia (дата обращения: 19.01.2020).

References

1. *RBK* (RBC), September 18, 2019. Available at: https://www.rbc.ru/business/18/09/2019/5d7fa40b9a794765c3ab9bf1 (Date of access: 21.012020). Text: electronic.

2. *Vedomosti* (Statements), 2017, November 1. Available at: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/11/02/740288-gazprom-trubu-irana-indiyu (Date of access: 19.01.2020). Text: electronic.

3. *Oilcapital* (Oilcapital), 2020, June 25. Available at: https://oilcapital.ru/article/general/25-06-2020/gazovyy-rynok-v-poiskah-regulyatora (Date of access: 28.06.2020). Text: electronic.

4. *Iranskoe informatsionnoe agentstvo IRNA* (Iranian news Agency IRNA), 2015, December 1. Available at: http://www.irna.ir/ru/News/2987878 (Date of access: 24.01.2020). Text: electronic.

5. *Statistical Review of World Energy* (Statistical Review of World Energy), 2020, June. Available at: http://www.bp.com/statisticalreview (Date of access: 24.01.2020). Text: electronic.

6. *Nochvina B., Rvachev O. Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN* (Scientific and analytical Bulletin of IE RAS), 2019, no. 4, pp. 68–74).

7. *Putin V. Sammit Rossiya – SShA* (Russia – USA summit), 2018, July 16. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/58017 (Date of access: 18.01.2020). Text: electronic.

8. *RIA Novosti* (RIA of news), 2010. March 24. Available at: https://ria.ru/20100324/216161602.html (Date of access: 22.01.2020). Text: electronic.

9. *RIA Novosti* (RIA of news), 2018, September 27. Available at: https://ria.ru/economy/20180927/1529491958.html (Date of access: 19.01.2020). Text: electronic.

10. *Interfaks* (Interfax), 2019, June 6. Available at: https://www.interfax.ru/forumspb/663982 (Date of access: 20.01.2020). Text: electronic.

11. *Smagin N. Moskovsky Tsentr Karnegi* (Carnegie Moscow center), 2019, June 4. Available at: https://carnegie.ru/commentary/79251 (Date of access: 25.01.2020). Text: electronic.

12. *Tekeev A. R. Politicheskie tekhnologii energeticheskogo sotrudnichestva Rossii i stran balkanskogo regiona: dis. … kand. polit. nauk: 23.00.02* (Political technologies of energy cooperation between Russia and the countries of the Balkan region: dis. … cand. polit. sciences: 23.00.02). Moscow, 2013.

13. *Henry Kissinger. John S. Duffield. Fuels Paradise: Seeking Energy Security in Europe, Japan, and the United States* (John S. Duffield. Fuels Paradise: Seeking Energy Security in Europe, Japan, and the United States). Johns Hopkins University Press, April 2015, p. 240. Available at: https://www.fordlibrarymuseum.gov/library/document/0204/7368357.pdf (Date of access: 25.01.2020). Text: electronic.

14. *Ryan Zinke. Washingtonexaminer* (Washingtonexaminer), 2018, September 28. Available at: https://www.washingtonexaminer.com/policy/energy/ryan-zinke-naval-blockade-is-an-option-for-dealing-with-russia (Date of access: 25.01.2020). Text: electronic.

Коротко об авторах

Барари Рейканде Ходаяр, канд. полит. наук, преподаватель факультета мировых исследований, Тегеранский университет, г. Тегеран, Иран. Область научных интересов: международные отношения, российско-иранские отношения, энергетика, геополитика
khbarari@ut.ac.ir

Зеленева Ирина Владимировна, д-р ист. наук, профессор кафедры мировой политики, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия. Область научных интересов: внешняя политика, методы исследования трансформации власти и государства, глобальная и региональная безопасность, геополитика, энергетическая безопасность
irina_zeleneva@mail.ru

Briefly about the authors

Barari Reykandeh Khodayar, assistant professor; Russian, Caucasus and Central Asian Studies department; Faculty of World Studies, University of Tehran, Iran. Sphere of scientific interests: international relations, Russian-Iranian relations, energy security, geopolitics

Irina Zeleneva, professor, World Politics, Faculty of International Relations department, Saint-Petersburg State University, Russia. Sphere of scientific interests: foreign policy, research methods for state transformation, global and regional security, geopolitics, energy security.

Образец цитирования

Барари Рейкаде Х., Зеленева И. В. Возможности российско-иранского сотрудничества в энергетической сфере // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 28–35. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-28-35.

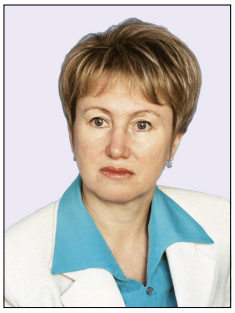
Barari Reykandeh Kh., Zeleneva I. Russian-Iranian prospects for cooperation in the energy sector // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 28–35. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-28-35.

Статья поступила в редакцию: 21.10.2020 г.
Статья принята к публикации: 10.12.2020 г.

УДК 322
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-36-45

ЛАБИРИНТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ГРАНИЦЕ СЕКУЛЯРИЗМА И ПОСТСЕКУЛЯРИЗМА

LABYRINTHS OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS ON THE BORDER OF SECULARISM AND POST-SECULARISM



Л. В. Денисова,
Академия управления МВД России,
г. Москва
lvladilen@yandex.ru

L. Denisova,
Academy of management interior
Ministry of Russia, Moscow

А. А. Морозов,
Омская академия МВД России,
г. Омск
moroz_may@mail.ru

A. Morozov,
Omsk Academy of the Ministry of internal
Affairs of Russia, Omsk

Исследуется специфика сложившихся и развивающихся государственно-конфессиональных отношений в современном российском обществе. Актуальность исследования заключается в необходимости формирования четких представлений о негативных политических последствиях, которые могут возникнуть в результате конструирования российским государством государственно-конфессиональных отношений на основе различных политико-правовых дискурсов, имеющих между собой существенные противоречия.

Объектом исследования являются государственно-конфессиональные отношения как элемент политического процесса.

Предмет исследования – тенденции и следствия развития государственно-конфессиональных отношений в современной России.

Цель исследования – выявление возможных политических последствий складывающейся в современной России модели государственно-конфессиональных отношений.

Задачи исследования:

– определение основных характеристик государственно-конфессиональных отношений в современной России;

– выявление возникающих в них противоречий и неблагоприятных для политической системы последствий;

– обоснование таких форм активности государства, которые способствуют снятию противоречий в государственно-конфессиональных отношениях.

Методология и методы исследования. Работа проводилась на основе общенаучных принципов объективности, историзма с использованием методов анализа, синтеза, моделирования. Использовались формально-логические процедуры, методы системного и сравнительно-правового анализа.

Степень научной разработанности темы. Исследование государственно-конфессиональных отношений в России осуществляется в различных областях гуманитарного и социального знания – социологии, политологии, юриспруденции, истории, религиоведения.

Авторы акцентируют внимание на тенденциях и политических последствиях деятельности российского государства в религиозной сфере. Непродуманная политика, осуществляемая без учета глобальных трендов развития, приводит к нежелательным внутриполитическим эффектам, которые в перспективе способны стать фактором дестабилизации общественного порядка. Ее формируют такие процессы, как реконфессионализация общественных отношений, маргинализация многих религий, поощрение фундаменталистских устремлений. Требует корректировки и антиэкстремистская деятельность государства. Выход видится не только в пересмотре сложившейся практики реализации государственно-конфессиональных отношений, но и в создании условий для широкого межрелигиозного диалога, в котором государственные структуры могут выступить модератором

Ключевые слова: *государственно-конфессиональные отношения; свобода совести; государство; религия; религиозные объединения; традиционализм; антитрадиционализм; секуляризм; постсекуляризм; антиэкстремизм*

© Л. В. Денисова, А. А. Морозов, 2020

The article examines the specifics of existing and developing state-confessional relations in modern Russian society. The relevance of the research lies in the need to form clear ideas about the negative political consequences that may arise as a result of the state-confessional relations' construction by the Russian state on the basis of various political and legal discourses that have significant contradictions among themselves.

The object of the research is state-confessional relations as an element of the political process.

The subject of the research is trends and consequences of the state-confessional relations' development in modern Russia.

The purpose of the article is to identify possible political consequences of the state-confessional relations' current model in modern Russia.

The objectives of the research are to determine the main characteristics of state-confessional relations in modern Russia.

The problems of the research are the following:

– identification of contradictions arising in them and adverse consequences for the political system;

– justification of such forms of state activity that contribute to the removal of contradictions in state-confessional relations.

Research methodology and methods. The work was carried out on the basis of general scientific principles of objectivity, historicism, using methods of analysis, synthesis, and modeling. Formal and logical procedures, methods of system and comparative legal analysis are also used.

The degree of scientific development of the research topic. Research on the state-confessional relations in Russia is carried out in various fields of humanitarian and social knowledge: sociology, political science, law, history, and religious studies.

The authors of the article focus on the trends and political consequences of the Russian state's activities in the religious sphere. An ill-conceived policy that is carried out without taking into account global development trends leads to undesirable domestic political effects, which in the future can become a factor of destabilization of public order. It is shaped by such processes as the reconfiguration of social relations, marginalization of many religions, and promotion of fundamentalist aspirations. The state's anti-extremist activities also need to be adjusted. The solution is seen not only in reviewing the current practice of implementing state-confessional relations, but also in creating conditions for a broad inter-religious dialogue, in which state structures can act as moderators

Key words: *state-confessional relations; freedom of conscience; state; religion; religious associations; traditionalism; anti-traditionalism; secularism; post-secularism; anti-extremism*

Введение. Современная политическая реальность обременена серьезными локальными и глобальными проблемами, создающими очаги напряженности как внутри государств, так и на общемировом уровне. Одним из серьезных факторов, провоцирующих острые мировоззренческие, идеологические и силовые столкновения, остается религия. Возрастание остроты вопросов, связанных с существованием религии, представляет устойчивую тенденцию, которая в той или иной степени затрагивает большинство государств, к которым в полной мере относится и Российская Федерация. Общественные отношения, в рамках которых возникает существенная напряженность, складываются в нескольких направлениях: отношения между государством и религиозными объединениями, межрелигиозные отношения, а также отношения между носителями религиозных и секулярных позиций.

Все эти общественные отношения складываются в условиях, задаваемых определенной моделью государственно-конфессиональных отношений, которая является результатом определенных политических решений.

Объект исследования – государственно-конфессиональные отношения как элемент политического процесса.

Предмет исследования – тенденции и следствия развития государственно-конфессиональных отношений в современной России.

Цель исследования – выявление возможных политических последствий складывающейся в современной России модели государственно-конфессиональных отношений.

Задачами исследования являются:

– определение основных характеристик государственно-конфессиональных отношений в современной России;

– выявление возникающих в них противоречий и неблагоприятных для политической системы последствий;

– обоснование таких форм активности государства, которые способствуют снятию противоречий в государственно-конфессиональных отношениях.

Методология и методы исследования. Работа проводилась на основе общенаучных принципов объективности, историзма с использованием методов анализа, синтеза, моделирования. Использовались формально-логические процедуры, методы системного и сравнительно-правового анализа.

Степень научной разработанности темы. Исследование государственно-конфессиональных отношений в России активно осуществляется в последние три десятилетия в различных областях гуманитарного и социального знания – социологии, политологии, юриспруденции, истории, религиоведения.

В отечественной социальной науке серьезный вклад в изучение тенденций и проблем государственно-конфессиональных отношений внесли Р. Н. Лункин, Е. М. Мирошникова, С. Б. Филатов, М. И. Одинцов, Л. А. Андреева, Н. В. Володина, Н. А. Трофимчук, Е. С. Элбакян, Д. А. Узланер. Существует множество публикаций, затрагивающих отдельные стороны государственно-конфессиональных отношений в России и за рубежом. Серьезное влияние на осмысление современных проблем бытования религии в современном обществе в свете концептов секулярного и постсекулярного мира оказывают работы ряда иностранных авторов, среди которых необходимо выделить Ч. Тейлора, Х. Казанову, Ю. Хабермаса, Р. Старка.

Стремительно изменяющаяся реальность требует постоянного внимания к происходящим процессам, возобновления исследований ввиду вновь открывшихся обстоятельств.

Результаты исследования и их обсуждение. Отправным пунктом исследования выступает определение понятия государственно-конфессиональных отношений. Это устойчивый термин, который, несмотря на всестороннюю критику, прижился в отечественных социальных науках, политической и правовой практике. Существует множество определений этого понятия [13, с. 20–23]. Широко применяемыми видовыми являются понятия «государственно-церковные отношения» (с учетом того, что термин «церковь» используется только по отношению к христианским религиозным объединениям) и «государственно-исламские отношения». Анализ сложившихся дефиниций позволяет выделить наиболее существенные признаки государственно-конфессиональных отношений как политико-правового явления: взаимодействие государства, иных политических институтов с религиозными объединениями, гарантии свободы совести, установление равенства или иерархии религиозных сообществ. Мы готовы признать, что государственно-конфессиональные отношения в определенной мере обусловлены историческим опытом, национальными традициями, политической конъюнктурой. Вместе с тем они составляют политико-правовую систему, которая конструируется государством на определенных идеологических и прагматических основаниях. Е. М. Мирошникова обнаруживает некоторую разбалансированность созданной системы, указывая, что «в нашей стране реализуется кооперационная модель с элементами интеграционной, но на фоне интеграционного принципа отделения» [12, с. 241]. Отсюда осознание потребности в четкой религиозной политике. Однако достигнуть такой четкости совсем не просто.

Противоречивость государственно-конфессиональных отношений определяется некоторым политическим раздвоением, которое провоцируется попытками соединить сущностно различные политико-правовые дискурсы. Первый естественным образом выстраивается на фундаменте международного права и конституционных положений о свободе совести и светском государстве. Второй формируется как ответ на традиционалистский общественный запрос, предполагающий ориентацию на возрождение, сохранение и защиту традиционных ценностей. Так, главный тезис доклада А. Щипкова на XXII Всемирном русском народном соборе «25 лет по пути общественного диалога и цивилизационного развития России» звучит: «Государство может достичь подлинного суверенитета и мирового лидерства только в том случае, если его внутренняя и внешняя политическая повестка совпадает с национальными традиционными ценностями» [17]. Причем в контексте выступления подвергается сомнению универсализм общечеловеческих ценностей и прав человека. К тому

же первый дискурс оценивается нередко как навязанный в рамках проекта глобализации, а второй – как отражение глубинной национальной потребности в самосохранении.

Признаваемые традиционными религиями православие (главным образом), ислам, буддизм, иудаизм охотно поддерживают и активно создают компоненты этого дискурса. В конечном итоге это приводит к отказу от законодательно обусловленной идеи «религиозного “свободного рынка” в пользу “управляемого плюрализма”», который «лежит в основе принятия церковью очень традиционных позиций по сексуальности и личной морали…» [18, p. 65].

Уже здесь в пределах видимости появляется первый тупик, в котором, по словам Д. В. Попова, «разум теряет свой интеллектуальный инструментарий и скатывается в область иррациональных, эмоциональных оценок происходящего». Государство, концептуально противопоставляя религии друг другу на основе их разделения на традиционные и нетрадиционные, конструирует ситуацию ресентимента, создающую атмосферу враждебности и шизофренического разделения сознания, при котором «одно и то же оценивается диаметрально противоположно, попытка трезво сравнить вызывает отторжение» [15, с. 38]. Государственная политическая риторика явно распадается на два разнонаправленных потока.

Логически необходимым следствием такого положения дел оказывается маргинализация малых, новых или признанных нетрадиционными для России религий и их последователей. Ощущение собственной ущемленности и неполноценности представителями этих религиозных сообществ создает неблагоприятные, в том числе политические, последствия. Властный утилитаризм с ориентацией на традиционные религии не позволяет рассмотреть долговременные эффекты собственных решений. Пестование стабилизции положения сегодня может обернуться дестабилизацией завтра как результат фактически намеренного создания нелояльных групп без реальной на то необходимости. Исторический опыт Российской Империи с ее иерархией религий и преследованием или ущемлением неблагонадежных религиозных сообществ, а также Советского Союза с утверждением квазирелигиозной идеологии и зачислением любых верующих в разряд неблагонадежного меньшинства показывает непродуктивность подобной стратегии. Постоянно возрастающее внутреннее напряжение рано или поздно оказывает негативное влияние на внутриполитическую устойчивость.

Еще одним следствием оказывается начало преследования уже признанных нежелательными религиозных сообществ, которые становятся объектом антиэктремистской деятельности правоохранительных органов. Несомненно, борьба с экстремизмом является важным направлением деятельности государства. Уголовный кодекс Российской Федерации определяет преступления экстремистской направленности как совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Причем наличие этого мотива является отягчающим обстоятельством (прим. 2 ст. 282.1 УК РФ). И в этой части содержание законодательства не вызывает сомнений. Однако в Федеральном Законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» произошло расширение понятия экстремизма до состояния полной неопределенности. Масштаб увеличен настолько, что это сделало понятие «экстремизм» нечетким и неопределённым. В п.1 ст. 1 указанного федерального закона экстремизмом признается, в том числе, «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии». Именно эта законодательная констатация создала серьезные угрозы свободе совести. Данное положение имеет форму нестрогой дизъюнкции, которая делает достаточным наличие хотя бы одного из перечисленных деяний для признания факта осуществления экстремистской деятельности. Причем законодатель, а вслед за ним и правоприменитель начинают устанавливать непосредственную связь между пропагандой исключительности, превосходства и неполноценности. Это ведет к тому, что признание собственной религии единственным путем к спасению может быть расценено правоприменителем в качестве указания на неполноценность всех других.

Ожидать изменения ситуации в ближайшей перспективе не приходится. Устойчивость указанной тенденции в развитии антиэкстремизма, который имеет самое прямое отношение к характеристике сложившихся в России государственно-конфессиональных отношений, зримо проявилась в новой редакции «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года». Более того, сложившаяся практика может быть модифицирована в направлении дальнейшей маргинализации более широкого круга религиозных сообществ. Во-первых, к внешним угрозам экстремистской деятельности в Стратегии отнесена деятельность, направленная на разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Однако существует большая неопределенность состава этих ценностей. Очевидно, часть религиозных направлений можно будет отнести к таким ценностям, а всякие попытки конкуренции в религиозной, мировоззренческой сфере расценивать как проявление экстремизма. Это и будет «управляемый плюрализм» в религиозной сфере. Во-вторых, к внутренним экстремистским угрозам, помимо всего прочего, отнесено формирование замкнутых этнических и религиозных анклавов. Замкнутость объявляется отдельной самостоятельной угрозой экстремизма. Часть религиозных организаций уже завтра можно объявлять экстремистскими по данному признаку. И возникает уж совсем неожиданный вопрос: не подпадают ли под этот признак православные или буддистские монастыри. Следуя этим путем, мы рискуем оказаться в самом дальнем от выхода тупиковом углу лабиринта. Движение к выходу возможно только при устранении правовой неопределенности в отношении экстремизма. Не должны преследоваться верующие, если в их деятельности не содержится прямых призывов к насилию, расправам, угроз в отношении определенной группы людей. Назвать человека дураком совсем не то же самое, что обещание его убить. Столь разные действия должны иметь и разные последствия.

Тезис о том, что 2010-е гг. стали временем начала «холодной войны двух идеологических систем»: нового либерализма (антитрадиционалистское мировоззрение) и идентитета (традиционализм, ориентирующийся на определенную идентичность) выдвигают Р. Лункин и С. Филатов. Авторы отмечают серьезную радикализацию антитрадиционалистского движения (по вопросам политкорректности, признания однополых браков, экологии), что в свою очередь приводит к ответному усилению традиционализма. «Наступила принципиально новая реальность – борьба антитрадиционалистов против традиционалистов становится международным или… всемирным явлением. Эта борьба идет как между государствами, так и помимо государственных границ. Ожесточение и радикализация растут». И что особенно важно подчеркнуть: во многих странах отмечается ориентация традиционалистов на Россию [7, с. 12].

Уже можно говорить о том, что холодная война пока эпизодически переходит в горячую стадию. Новые факты вполне определенного противостояния антитрадиционализма и традиционализма дал октябрь 2020 г. Убийство учителя истории, проводившего занятия по проблематике свободы слова с демонстрацией старых выпусков журнала *“CharlieHebdo”*, содержащих карикатуры на пророка Мухаммеда, всколыхнуло не только Францию. Французское руководство во главе с Э. Макроном ясно высказалось в поддержку убитого против религиозного фундаментализма и радикализма, назвав случившееся террористическим актом. Однако во многих мусульманских странах прошли демонстрации, осуждающие оскорбления пророка и позицию французского руководства. В России 30 октября 2020 г. прошла акция около посольства Франции с требованием прекратить нападки на ислам и мусульманские святыни. Один из участников мероприятия однозначно допустил убийство человека, оскорбившего пророка, без всякого суда и разбирательства. Он сообщил, что они (участники акции) молятся за своего брата-мусульманина, обезглавившего учителя Самуэля Пати [4]. Позицию французского руководства осудил и муфтий Чечни [14].

Столкновение приобрело международный характер в реальном дипломатическом противостоянии Франции и Турции. А призыв Президента Турции Р. Эрдогана не покупать французские товары вносит в конфликт и экономический компонент квазисанкционного характера. Ситуация противостояния проявляет себя и во внутриполитических процессах многих государств [7].

В условиях глобального противостояния Россия оказывается в непростой ситуации. В стране реализуется кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений. Е. М. Мирошникова отмечает: «Эта модель на основе принципа отделения при отсутствии государственной религии обеспечивает легитимное сотрудничество государства с религиозными организациями. По сути, она является «золотой серединой» между идентификацией и строгим отделением» [11, с. 32]. Эта модель реализуется, прежде всего, через систему договоров, заключаемых религиозными организациями, с одной стороны, и федеральными или региональными государственными органами, органами местного самоуправления – с другой.

В российской религиозной ситуации также можно обнаружить элементы идентификационной модели. Они реализуются в поведении высших должностных лиц Российской Федерации и российских регионов, освещении в средствах массовой информации участия религиозных лидеров в официальных мероприятиях, предоставлении определенных преференций руководителям религиозных организаций [2, с. 221–222]. Именно в политической сфере идентификационная модель проявляет себя в полной мере.

Решая общие реальные проблемы и демонстрируя единство, избранные религиозные организации и государственные органы реализуют, в том числе, и собственные интересы. И эти интересы иногда выпадают из объявленной системы государственно-конфессиональных отношений. Следует признать, в этих отношениях российское государство проявляет избирательность. Приоритет отдается, прежде всего, традиционным религиям. Они получают дополнительную идеологическую и материальную поддержку. Со своей стороны государство ожидает дополнительной легитимации своей политики. И все было бы хорошо, если бы современный мир не был сложнее, чем многим бы хотелось.

Современность описывается в терминах секуляризма и постсекуляризма. Понимание одного без другого практически невозможно. Секуляризация являлась глобальным трендом модерна до конца XX в. Она происходила по трем направлениям, которые в разной степени затронули разные страны и регионы: 1) секуляризация как отделение секулярных сфер (государство, экономика, наука) от религии; 2) секуляризация как упадок религиозных верований и практик в модерных обществах; 3) секуляризация как приватизация религии [6, с. 153]. Хосе Казанова указывает на сущностные различия европейского и американского вариантов секуляризации. В Европе происходила последовательная деконфессионализация, сопровождавшаяся процессами упадка религиозных верований и приватизацией религии. Американское государство изначально сформировалось «как модерное секулярное государство» [6, с. 160]. И если для европейца безрелигиозность является нормальным состоянием, то для американца это скорее нетипичный выбор. Анализируя зрелые формы секуляризма в Западном мире, Ч. Тейлор выделяет три позиции, находящиеся в состоянии противоречия: признание трансцендентности; светский гуманизм; неоницшеанцы. Находясь в состоянии перманентного противостояния, они время от времени образуют причудливые союзы: светские гуманисты и неоницшеанцы не признают трансценденции, блага вне рамок жизни; признающие трансценденцию и неоницшеанцы отказывают гуманистам в глубине; светские гуманисты и верующие объединяются в защите человеческого блага против неоницшеанцев [16, с. 782]. В России в полной мере представлены все перипетии мировоззренческого противостояния, ключевые моменты которого раскрывает Ч. Тейлор. В российском варианте это противостояние имеет более сложную структуру, что определяется спецификой секуляризации в России. Постепенные секуляризационные процессы, происходившие в период императорской России, выражались в дифференциации секулярных сфер общественной жизни: государство подчинило церковь; формировались светские наука, литература, искусство, образование; церковь перестала играть сколько-нибудь значительную роль в экономической жизни; произошел реальный отход от религии значительной части высшего класса при сохранении номинальной принадлежности к церкви. После событий 1917 г. и последовавшей гражданской войны в Советской России секуляризация приобретает насильственные формы. Атеизм становится частью государственной идеологии, священнослужители, пасторы, муфтии и прочие служители разных религий подвергаются репресси-

ям. Для рядовых верующих сохранение своей религиозной принадлежности влекло неприятности разной тяжести, делая невозможной любую восходящую мобильность.

В постперестроечный период начинается активное возвращение религии в общественную жизнь и обращение людей к религиозному выбору. Стремительный рост традиционных религий имеет объяснение в незавершенности, неорганичности насильственной секуляризации предшествующего периода. К тому же официальная советская идеология достаточно быстро приобрела квазирелигиозные формы с соответствующими верованиями и практиками. Все это предопределило особенности российского постсекуляризма. К таковым особенностям можно отнести попытки реконфессионализации российского общества.

Вместе с тем постсекулярность не означает возвращения религии в качестве основной общественной силы или типичного мировоззренческого выбора. Это скорее переосмысление роли религиозных убеждений в жизни общества и отдельного человека. Постсекуляризм провозглашает единовременную актуальность религиозного и секулярного. Среди важных характеристик постсекуляризма современные исследователи выделяют «возрождение интереса к духовной жизни и снятие светской подозрительности к духовным вопросам; признание того, что светские права человека на свободу самовыражения являются непременным условием для обновления духовных запросов; духовный и интеллектуальный плюрализм и бережное отношение к лучшему во всех духовных традициях», а также присутствие религии в общественной жизни в качестве общепринятой нормы [10, с. 148]. На этом социокультурном фоне идеи «Святой Руси» или «Мирового халифата» выглядят угрожающе для современного и не только светского сознания. По замечанию Ч. Тейлора, ощущение угрозы фанатизма является одним большим источником закрытости имманентности [16, с. 674], что питает антиклерикальные и шире – антирелигиозные настроения в обществе. Ранее Г. Гегель, рассуждая о сущности некоторых религиозных идей, говорил о фанатизме «разрушения всего существующего общественного порядка и устранении всех подозреваемых в приверженности этому порядку» как логическом следствии этих идей [5, с. 70]. И когда государство начинает поддерживать эти угрозы (нередко не вполне осознанно), оно создает предпосылки для общественной дестабилизации в самой острой ее форме.

Тенденции реконфессионализации в конечном итоге приводят также к неблагоприятным последствиям для государства. К ним можно отнести обвинения в клерикализации, противоречивость официального политического контента, соединяющего светский гуманизм с религиозным содержанием и ритуалами. Кроме того, сторона, чьи законные интересы ущемляются в религиозной сфере, нередко обращается в Европейский суд по правам человека и выигрывает судебные процессы. Конечно, можно говорить о злонамеренности суда, однако репутационные и политические потери не вызывают сомнений. К тому же есть серьезные подозрения неискренности тех отношений, которые складываются между государством и избранными конфессиями [3, с. 74]. Взаимное использование в узко корпоративных интересах не придает таким отношениям прочности и надежности, не порождает взаимного доверия.

Наш лабиринт имеет не только тупики, но и выходы, дающие возможность найти удачные решения в развитии государственно-конфессиональных отношений. В поликонфессиональной России одним из таких решений является создание условий для межрелигиозного диалога, в котором государство выступает модератором. Существует множество интерпретаций межрелигиозного диалога, который типологизируется по разным основаниям [9]. По меткому замечанию М. Дж. Пуэтта, «отношения всегда колеблются между порядком и хаосом. Они могут быть как любящими, так и оскорбительными; наполненными заботой, но в равной степени наполненными гневом, ревностью и обидой» [19, p. 128].

Межрелигиозный диалог предполагает коммуникацию между людьми с разными мировоззренческими установками, нередко исключающими друг друга. Поэтому такой диалог не может быть спонтанным. Из него должны быть исключены собственно вероучительные вопросы. В нем может осуществляться поиск решения общих социальных задач, в том числе обсуждение форм благотворительной деятельности, решения экологических проблем, снижения межрели-

гиозной напряженности, просветительские проекты, межкультурного обмена. Кроме того, активная коммуникация определит вопросы взаимного интереса. Целью межрелигиозного диалога является преодоление взаимной подозрительности, формирование толерантных взаимоотношений между религиозными сообществами, обеспечение мирного сосуществования религий и религиозных объединений, признание равенства людей вне зависимости от мировоззренческих убеждений, а в конечном итоге – «…организация доброго сотрудничества по различным вопросам, волнующим общество, среди которых одно из важнейших – формирование культуры мира и ненасилия» [1].

Политический интерес государства в поощрении межрелигиозного диалога состоит в том, что такой диалог служит снижению социальной напряженности, связанной с межрелигиозными и в некоторой степени межнациональными отношениями, укреплению гражданской солидарности, повышению доверия к государству людей разных мировоззренческих установок. Религиозная сфера в таком случае может стать дополнительным источником устойчивости общества и важной предпосылкой для его успешного развития.

Заключение. Понимание значимости государственно-конфессиональных отношений в современном политическом процессе остается актуальной задачей как в научных исследованиях, так и в формировании государственной политики в религиозной сфере. Современная реальность свидетельствует о наличии серьезных политических просчетов в конструировании государственно-конфессиональных отношений, которые в перспективе могут привести к неблагоприятным политическим последствиям. К ним относятся реконфессионализация общественных отношений, поощрение фундаменталистских устремлений, маргинализация многих религий, антиэкстремистская деятельность государства, проводимая на основе нечетких законодательных формулировок.

Попытки реконфессионализации общественных отношений являются результатом ложного понимания постсекулярной ситуации как десекуляризации, возвращения модели «симфонии» государства и церкви. Стремление к получению взаимной политической выгоды из таких отношений сегодня уже в краткосрочной перспективе приведет к неизбежным политическим потерям и государства, и церкви. Постсекулярное состояние общества предполагает признание религии в качестве полноценного и равноправного участника современных процессов, но не в качестве доминирующей силы. Тогда как реконфессионализация часто сопровождается поддержкой фундаменталистских устремлений, что грозит в современных условиях общей радикализацией общественных настроений.

Маргинализация «неизбранных» религий сформирует большое количество нелояльных религиозных сообществ. Тому же в значительной мере может способствовать и проводимая в религиозной сфере антиэкстремистская деятельность. В этой области требуется, прежде всего, корректировка некоторых правовых положений, определяющих борьбу с экстремизмом.

Действительно перспективным для государства является выстраивание диалога со всеми религиозными сообществами, существующими в российском правовом поле, на основе взаимного доверия. Последнее возможно в том случае, если государство устранит явные просчеты в выстраивании государственно-конфессиональных отношений. Тогда государство может рассчитывать на действительно устойчивое развитие и укрепление легитимности собственного политического курса.

Список литературы

1. Бестужев-Лада И. В. Диалог между религиями: Возможен ли? Нужен ли? // Вопросы философии. 2002. № 4. С. 60–66.

2. Богомазова Н. Л., Валеева Г. В., Слобожанин А. В. Специфика государственно-конфессиональных отношений в России (конец XX – начало XXI века) // Манускрипт. 2019. Т. 12, вып. 10. С. 219–222.

3. Вертий М. Ю. Политическое измерение государственно-конфессиональных отношений // Философия права. 2006. № 2. С. 70–74.

4. Выпуск программы «Здесь и сейчас» от 30 октября 2020 г. URL: https://www.youtube.com/watch?v=H7WOFi2fako (дата обращения: 30.10.2020). Текст: электронный.

5. Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. 526 с.

6. Казанова Х. Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 143–174.

7. Лункин Р., Филатов С. Борьба «за» и «против» идентичности во внутриполитических процессах // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 9. С. 50–60.

8. Лункин Р., Филатов С. Международные отношения и война антитрадиционализма с идентитетом // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 4. С. 5–14.

9. Мельник С. Классификации типов межрелигиозного диалога: анализ существующих подходов // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 87–118.

10. Минченко Т. П. Религия, свобода совести и новые технологии в постсекулярном мире // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6. С. 147–151.

11. Мирошникова Е. М. Кооперационная модель государственно-церковных отношений // Религии Поволжья: проблемы социального служения: сб. материалов конф. Нижний Новгород, 2009. С.30–34.

12. Мирошникова Е. М. О государственном заказе на религиозном рынке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. № 3. С. 232–245.

13. Михайлова А. В. Государственно-конфессиональные отношения: политологический анализ понятия // Этносоциум. 2020. № 4. С. 17–33.

14. Муфтий Чечни назвал президента Франции «террористом номер один». В мусульманском мире разгорается кампания диффамации Эмманюэля Макрона. URL: https://www.ng.ru/faith/2020-10-27/100_201027critique.html (дата обращения: 30.10.2020). Текст: электронный.

15. Попов Д. В. Биополитика и технология: формы и инструменты негантропной и конфирмантропной стратегии // Вестник Омского государственные педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 2. С. 38–41.

16. Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017. Т. XVI. 967 с.

17. Щипков А. Новый русский консерватизм. URL. https://vrns.ru/documents/30/5010 (дата обращения: 22.10.2020). Текст: электронный.

18. Anderson J. Eastern Orthodox Responses to Globalisation // Мировая политика: взгляд из будущего: материалы V Конвента Российской ассоциации международных исследований. Т. 3. Постсекулярные общества: перспективы и реальность. Межкультурное взаимодействие и международные отношения. М.: МГИМО – Университет, 2009. С. 63–76.

19. Puett M. J. Social order or social chaos // The Cambridge Companion to religious studies. Edited by Robert A. Orsi. Cambridge: UniversityPress, 2012. p. 109–129.

References

1. Bestuzhev-Lada I. V. *Voprosy filosofii* (Question of philosophy), 2002, no. 4. pp. 60–66.

2. Bogomazova N. L, Valeeva G. V., Slobozhanin A. V. *Manuskript* (Manuscript), 2019, vol. 12, no. 10, pp. 219–222.

3. Vertiy M. U. *Filosofiya prava* (Philosophy of law), 2006, no. 2, pp. 70–74.

4. *«Zdes I seichas»* ("Here and now"), dated by October 30, 2020. Available at:. https://www.youtube.com/watch?v=H7WOFi2fako (Date access: 30.10.2020). Text: electronic.

5. Gegel G. *Filosofiya prava* (Philosophy of law). Moscow: Mysl, 1990, 526 p.

6. Kazanova Kh. *Gosudarstvo, religia, tzherkov v Rossii i zarubezhom* (State, Religion, Church in Russia and abroad), 2018, no. 4, pp. 143–174.

7. Lunkin R, Filatov S. *Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnye otnosheniya* (World economy and international relations), 2020, vol. 63, no. 9, pp. 50–60.

8. Lunkin R, Filatov S. *Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnye otnosheniya* (World economy and international relations), 2019, vol. 64, no. 4, pp. 5–14.

9. Melnik S. *Gosudarstvo, religia, tzherkov v Rossii i zarubezhom* (State, Religion, Church in Russia and abroad), 2018, no. 4, pp. 87–118.

10. Minchenko T. P. *Izvestiya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of the Tomsk Polytechnic University), 2012, vol. 321, no. 6, pp. 147–151.

11. Miroshnikova E. M. *Religii Povolzhya: problemy sotzhialnogo sluzheniya: Sbornik materialov konferentzhii* (Religions of the Volga region: problems of social service: collection of conference materials). Nizhny Novgorod, 2009, pp. 30–34.

12. Miroshnikova E. M. *Vestnik Lenindradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* (Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin), 2018, no. 3, pp. 232–245.

13. Mikhailova A. V. *Etnosotzium* (Etnosocial), 2020, no. 4, pp. 17–33.

14. Muftiy Chechny nazval prezidenta Franzhii «terroristom nomer odin». V musulmanskom mire razgoraetsa kampaniya diffamatzii Emmanuela Makrona (The Mufti of Chechnya called the French President "the

number one terrorist". Emmanuel Macron's defamation campaign is heating up in the Muslim world). Available at: https://www.ng.ru/faith/2020-10-27/100_201027critique.html (Date access: 30.10.2020). Text: electronic.

15. Popov D. V. *Vesynik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya (Humanitarian studies)*, 2019, no. 2, pp. 38–41.

16. Taylor Ch. *Sekularniy vek* (Secular Century). Moscow: BBI, 2017. Vol. XVI. 967 p.

17. Shipkov A. *Noviy russkiy poryadok* (New Russian conservatism). Available at: https://vrns.ru/documents/30/5010 (Date of access: 06.03.2020). Text: electronic.

18. Anderson J. *Mirovaya politika: vzglad iz budushego. Materialy V konventa Rossiyskoy assatsiatsii mezdunarodnyh issledovaniy*, *vol. 3. Postsekularniye obshestva: perspektivy I realnost. Mezhkulturnoye vzaimodeystvie I mezhdunarodnye otnosheniya* (World politics: a view from the future. Proceedings of the V Convention of the Russian Association for international studies, Vol. 3. Postsecular societies: perspectives and reality. Intercultural interaction and international relations, Moscow: MGIMO-Universitet, 2009, pp. 63–76.

19. Puett M. J. *The Cambridge Companion to religious studies. Edited by Robert A. Orsi* (The Cambridge Companion to religious studies. Edited by Robert A. Orsi). Cambridge: University Press, 2012. p. 109–129.

Коротко об авторах

Денисова Любовь Владиленовна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России, г. Москва, Россия. Область научных интересов: религиоведение, государственно-конфессиональные отношения, изучение религиозной ситуации, психология религии, теория познания
lvladilen@yandex.ru

Морозов Андрей Анатольевич, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии, Омская академия МВД России, г. Омск. Область научных интересов: философская антропология, государственно-конфессиональные отношения, свобода совести, религиоведение, философия религии, социология религии
moroz_may@mail.ru

Briefly about the authors

Lyubov Denisova, doctor of philosophical sciences, professor, professor of Theory and Methodology of Public Management department, Academy of Management Interior Ministry of Russia, Moscow, Russia. Sphere of scientific interests: religious studies, Church-state relations, the study of the religious situation, psychology of religion, theory of knowledge

Andrey Morozov, candidate of historical sciences, associate professor, assistant professor, Philosophy and Political Science department, Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, Omsk, Russia. Sphere of scientific interests: philosophical anthropology, state-confessional relations, freedom of conscience, religious studies, philosophy of religion, sociology of religion

Образец цитирования

Денисова Л. В., Морозов А. А. Лабиринты государственно-конфессиональных отношений на границе секуляризма и постсекуляризма // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 36–45. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-36-45.

Denisova L., Morozov A. Labyrinths of state-confessional relations on the border of secularism and post-secularism // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 36–45. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-36-45.

Статья поступила в редакцию: 09.11.2020 г.
Статья принята к публикации: 16.12.2020 г.

УДК 329.3
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-46-50

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ В УСЛОВИЯХ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

THE ROLE OF REGIONAL BRANCHES OF POLITICAL PARTIES IN PUBLIC ADMINISTRATION IN THE TRANSBAIKAL REGION

Н. В. Зимина, Забайкальский государственный университет, г. Чита
zimininanv2010@yandex.ru

N. Zimina, Transbaikal State University, Chita

Современные политические партии и их региональные отделения становятся неотъемлемой частью политической системы общества, важным участником государственного управления. Они имеют свою организационно-правовую основу, регистрируются в качестве некоммерческой организации, имеют свой устав, программу, лидеров, собственные цели и задачи. Одной из задач любой политической партии является участие в управлении жизнью общества, в решении его вопросов, участие в государственном управлении посредством представления интересов населения регионов в период выборов различного уровня и в межвыборный период. Политические партии являются политическим институтом, представляют собой идеологический, концептуальный, кадровый и электоральный ресурс любой власти. Региональные отделения политических партий вполне олицетворяют нужды регионов и представляют их на выборах. Они отражают региональные интересы, а также степень демократичности региональной власти.

Актуальность исследования: политические партии, в том числе их региональные отделения, представляют научный интерес для широкого круга исследователей и отражены во многих общественно-политических, правоведческих и социологических исследованиях.

Объект исследования – региональные политические партии.

Предмет исследования – деятельность региональных отделений политических партий и их роль в государственном управлении в условиях Забайкальского края.

Цель исследования – выявить роль региональных отделений политических партий в государственном управлении и проблемы, возникающие в контексте государственного и регионального управления.

В работе применены институциональный, исторический, сравнительный, нормативный научные подходы, позволяющие определить понятийный аппарат, провести анализ проблем в деятельности региональных отделений партий в определенный период, представить анализ нормативно-правовой базы

Ключевые слова: *политические партии; региональные отделения политических партий; регистрация политических партий; законодательство; партийные лидеры; партийная система; государственное управление; программа партии; устав; региональные отделения*

Modern political parties and their regional branches have become an integral part of the political system of society, an important participant in public administration. They have their own organizational and legal basis, are registered as a non-profit organization, have their own Charter, program, leaders, and own goals and objectives. One of the tasks of any political party is to participate in managing the life of society, in solving its issues. One of the party's tasks is to participate in public administration by representing the interests of the population of the regions during elections at various levels and during the inter-election period. Political parties are a political institution and represent an ideological, conceptual, personnel and electoral resource of any government. Regional branches of political parties in the current political situation fully represent the needs of the regions and represent them in the elections. They reflect regional interests, as well as the degree of democracy of regional authorities

Key words: *political parties; regional branches of political parties; registration of political parties; legislation; party leaders; party system; public administration; party program; Charter, regional branches*

© Н. В. Зимина, 2020

В современных условиях развитие российского общества роль региональных отделений политических партий в государственном управлении рассматривается как особо значимая проблема.

Актуальность исследования объясняется тем, что политические партии, в том числе их региональные отделения, представляют научный интерес для широкого круга исследователей и отражены во многих общественно-политических, правоведческих и социологических исследованиях. В годы постсоветской России и до внесения поправок в законодательство о партиях в 2012 г. наблюдался рост политических партий и их региональных отделений. Со временем количество зарегистрированных партий сократилось до 42. В Забайкальском крае в 2020 г. зарегистрировано всего 18 региональных отделений [7].

Объектом исследования выступают региональные отделения современных партий.

Предмет исследования – деятельность региональных отделений политических партий, зарегистрированных на территории региона, и их роль в государственном управлении в условиях Забайкальского края.

Целью исследования является определение роли региональных отделений политических партий в государственном управлении и выявление проблем, возникающих в контексте государственного и регионального управления.

Задачи исследования выражаются в необходимости определения положения региональных отделений политических партий в современной политической системе и процессах управления регионом.

В работе применены такие научные подходы как институциональный, исторический, а также сравнительный и нормативный методы, позволяющие определить понятийный аппарат, провести анализ проблем в деятельности региональных отделений партий в определенный период, дать анализ нормативно-правовой базы [3].

Политическая партия является видом общественной организации, объединяющей граждан для достижения поставленной политической цели. Функции ее выражены в формулировании политических интересов; выражении интересов своих сторонников, в рамках процесса управления; агрегировании политических интересов; представлении групповых интересов; формировании парламентского правительства; разработке государственной политики. Каждая политическая партия борется на выборах за достижение своих целей, включенных в их политическую программу [6].

В современной России не наблюдается высокой активности акторов политического процесса по созданию политических партий. В соответствии с законом «О политических партиях» процедуры регистрации политических партий или способы проведения контрольных мероприятий достаточно благоприятны. Законодатель закрепил сокращение сроков регистрации и уменьшение количества членов партии при ее государственной регистрации, но рост партий не наблюдается. Несмотря на сложившиеся благоприятные условия, политических партий становится все меньше, и список все реже расширяется новыми названиями.

В течение 2020 г. в Забайкальском крае зарегистрировано всего два новых региональных отделения политических партий: 2 июня 2020 г. – региональное отделение политической партии «Добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров, против насилия над животными», руководитель 1-й секретарь Комитета регионального отделения Лапардин Александр Степанович; 11 июня 2020 г. зарегистрировано региональное отделение политической «Партии прогресса», руководитель Перфильева Наталья Владимировна. Очевидно, что новые политические партии не обладают достаточно структурированными и идейными программами, не смогут превратить политические приоритеты в программу конкретных партийных действий, для этого им необходимо завоевать рейтинги доверия и известности в регионе. Новые партии не составят политической конкуренции на выборах, но будут внесены в избирательные бюллетени.

Региональные отделения политических партий являются не самыми активными участниками политического процесса как в целом по стране, так и в регионах, в частности. Они не активно отражают региональные интересы, а значит, низка степень демократичности региональной власти. Отделения политических партий все чаще становятся интегрирующим звеном для всех остальных, не менее важных политических институтов, таких как местные парламенты, общественные палаты, общественные организации,

СМИ, объединяя их в региональный управленческий процесс, что обусловлено интересами и особенностями каждого региона [1].

Предстоящие в сентябре 2021 г. выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации определяют активность региональных политических партий, которые желают занять определенные позиции в нижней палате парламента восьмого созыва. По данным центра политической конъюнктуры, текущая активность партий в Забайкальском крае определена деятельностью четырех ведущих партий – «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Именно эти партии чаще всего заявляют о себе в СМИ посредством участия в социальных и политических проектах региона. Очевидно, что в Забайкальском крае, как и в других регионах, между парламентскими и непарламентскими партиями наблюдается явная диспропорция при заявке на свое участие в политической и общественной жизни.

В силу парламентского политического статуса «думская четверка» раньше всех заявляет о себе в предвыборный период и активнее всех ведет себя в социально-политической жизни региона в межвыборный период. У таких партий больше спектр политических технологий, финансовых средств и большая аудитория «сочувствующих» их взглядам [4].

Малые непарламентские партии не так активны в своей деятельности, уделяют меньше внимания политико-социальной жизни региона, больше заявляют о себе в локальных мероприятиях, таких как проведение субботников, памятных акций, мероприятий для школьников и студентов. Понятно, что малые партии не могут привлекать внимание центральных СМИ для освещения своей деятельности, потому их деятельность иногда находится в тени громких проектов парламентских партий.

По данным Минюста России, в стране зарегистрировано 42 политические партии, но о большинстве из них простые граждане даже не подозревают, а СМИ не освещают их деятельность [7]. В выборах, которые пройдут в сентябре 2021 г., будут принимать участие 13 политических партий, которые имеют право на участие без дополнительного сбора подписей, согласно Постановлению ЦИК России: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Яблоко», «Партия «Родина», «Партия Роста», Российская экологическая партия «Зеленые», «Патриоты России», коммунистическая партия «Коммунисты России», «Гражданская платформа», «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость» и «Коммунистическая партия социальной справедливости». Остальным партиям, согласно законодательству, необходимо собрать подписи и заявить о себе [2].

«Новые» партии выйдут на выборы и вполне могут претендовать на победу. В России давно просматривается тенденция к обновлению партийно-политического спектра, многие политические партии занимаясь данной тематикой, например, сменили наименования.

Без обновления организационной структуры партий, программно-идеологических установок обновление партийного спектра невозможно, а следовательно, нельзя изменить ситуацию в процессе партийного строительства.

Проблемы участия политических партий в государственном управлении обусловлены целым рядом факторов.

Во-первых, многие политические партии не могут определиться со своим стратегическим курсом и перспективными целями управленческой деятельности.

Во-вторых, даже крупные партии не могут сконструировать свою идеологическую модель; например, партия «Единая России», так и не создала систему простых политических лозунгов, не выстроила пути следования определенной политической идеологии, а сразу перешла к практике опоры на властные структуры, имитируя управленческую деятельность. Партия «Единая Россия» опирается на доктрину «малых дел», например, участвует в строительстве спортивной площадки, создании детского игрового комплекса, открытии социально значимых объектов и тому подобное. Партия «КПРФ» также не четко формулирует идею социальной справедливости, на которую она опирается в своей деятельности и апеллирует к консервативно настроенному электорату. И партия «ЛДПР» опирается не на идеологию, а на харизматичного лидера.

Многие новые партии, учитывая идеологические промахи авторитетных партий, достаточно четко формулируют свои идеологические предпочтения и рисуют политические цели уже в своем наименовании. Так, «Российская партия пенсионеров за социальную

справедливость» делает акцент на неоспоримый постулат – справедливость, а партия «Народ против коррупции» становится партией одного неоспоримого лозунга. Очевидно, что новые современные партии пытаются превратить политические приоритеты в лозунги и программы конкретных действий.

Третьей проблемой участия политических партий в управлении выступает отсутствие конструктивного взаимодействия с «сочувствующим» партии электоратом. Граждане не идут на двухстороннее взаимодействие с партиями, а обращаются к ним только за решением проблемы по системе патрон-клиент. Это обстоятельство связано с сиюминутными действиями партий и их региональных отделений по участию в решении управленческих проблем, с отсутствием у региональных отделений явного партийного лидера. На выездах в муниципальные районы Забайкальского края проведены опросы населения на предмет владения информацией о лидерах региональных отделений политических партий и о депутатах в Законодательном собрании Забайкальского края, представляющих тот или иной район. Результаты опроса можно сформулировать следующим образом: 70 % респондентов не знают лидеров региональных отделений и депутатов, представляющих их район; 20 % слышали о них из СМИ; 7 % знают их и голосовали за них на выборах и 3 % общались с ними лично и обращались за решением какой-либо проблемы.

Четвертой проблемой представляется отсутствие четкой программы партии по формированию рейтингов доверия и узнаваемости, чему могут способствовать, например, зарегистрированные страницы в социальных сетях. Так, только у минимального количества партий и региональных отделений есть наполненные сайты и работает обратная связь с гражданами. Например, «Партия прямой демократии» активно использует *Facebook* для взаимодействия с электоратом.

Еще одна проблема – позиционирование «старых» и «новых» партий по отношению к «партии власти», хотя очевидно реальное отсутствие оппозиции «Единой России» в Государственной Думе и в региональных парламентах.

В консервативном Забайкальском крае всегда были сильны «левые» партии, тогда как «правые силы» достаточно слабы. Несмотря на то, что региональное отделение политической партии «Единая Россия» в Забайкалье – достаточно сильная управленческая сила, региональное отделение политической партии «КПРФ» активно продвигает свои интересы в региональном управлении. Думская партия-«старец» «ЛДПР» хотя и проводит четкую политику в региональном управленческом пространстве и представлена в Государственной Думе, свою деятельность предпочитает сводить к эпатажным сиюминутным акциям.

Заключение. Политические партии теряют свои позиции в управлении государством и регионами. В итоге можно сформулировать следующие результаты исследования: в современных условиях прослеживается явное снижение динамики регистрации региональных отделений партий, что связано прежде всего с сокращением общего количества регистраций политических партий в стране. Многие партии активизируются только в период выборной кампании [8].

В результате приведенного анализа участия региональных отделений политических партий, в условиях Забайкальского края, можно сделать вывод о том, что региональные отделения создаются и действуют на территории региона с целью пройти в законодательный орган и активно участвовать в жизни региона.

Список литературы

1. Будаев Б. С., Бадмацыренов Т. Б. Политические партии и длинный электоральный цикл в Республике Бурятия 2016–2019 гг. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 48–51.

2. Единая России: официальный сайт партии. URL: https://er.ru (дата обращения: 23.09.2020). Текст: электронный.

3. Зотова З. М. Политические партии и избирательный процесс. М.: РЦОИТ, 2002. 173 с.

4. Куньщиков С. В., Р. С. Мухаметов. Политические институты. URL: https://study.urfu.ru/ (дата обращения: 02.10.2020). Текст: электронный.

5. Куньщиков С. В., Сивкова Е. А., Сосолятина Е. А. Роль региональных отделений российских партий в поддержании общественной стабильности // Дискуссия. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 02.10.2020). Текст: электронный.

6. ЛДПР: официальный сайт партии. URL: https://ldpr.ru (дата обращения: 11.09.2020). Текст: электронный.

7. Министерство юстиции Российской Федерации. URL: http://minjust.ru (дата обращения: 20.09.2020). Текст: электронный.

8. Новые политические партии и новые региональные политические лидеры: оценки и перспективы URL: http://ruspolitology.ru/ (дата обращения: 02.10.2020). Текст: электронный.

9. Швецова О. В., Выдрин И. В. Правовое положение политических партий в Российской Федерации // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования: сб. статей. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2017. С. 487–494.

10. Smyth R. Political parties // Routledge handbook of Russian politics and society / ed. G. Gill, J. Young. Abingdon: Routledge, 2012. P. 115–128.

11. White S. Russia's client party system // Politics in Russia: a reader. Washington D.C.: CQ Press, 2013. P. 306–330.

References

1. Budaev B. S., Badmatsyrenov T. B. T*ransbaikal state university journal* (Bulletin of the Transbaikal State University), 2020, vol. 26, no. 4. pp. 48–51.

2. *Edinaya Rossii: ofitsialny sayt partii* (United Russia: official website of the party). Available at: https://er.ru (Date of access:23.09.2020). Text: electronic.

3. Zotova Z. M. *Politicheskie partii i izbiratelny protsess* (Political parties and the electoral process). Moscow: RTSOIT, 2002. 173 p.

4. Kunshchikov S. V., Sivkova E. A., Sosolyatina E. A. *Diskussiya* (Discussion). Available at: https://cyberleninka.ru/ (Date of access: 02.10.2020). Text: electronic.

5. Kunshchikov S. V., R. S. Muhametov. *Politicheskie instituty* (Political institutions). Available at: https://study.urfu.ru/ free (Date of access: 02.10.2020). Text: electronic.

6. *LDPR: ofitsialny sayt partii* (LDPR: official website of the party). Available at: https://ldpr.ru (Date of access: 11.09.2020). Text: electronic.

7. *Ministerstvo yustitsii Rossiyskoy Federatsii* (Ministry of justice of the Russian Federation). Available at: http://minjust.ru (Date of access: 20.09.2020). Text: electronic.

8. *Novye politicheskie partii i novye regionalnye politicheskie lidery: otsenki i perspektivy* (New political parties and new regional political leaders: assessments and prospects). Available at: http://ruspolitology.ru/ free (Date of access: 02.10.2020). Text: electronic.

9. Shvetsova O. V., Vydrin I. V. *Nauchnoe soobschestvo studentov. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya: sb. statey* (Scientific community of students. Inter-disciplinary research: collection of articles). Novosibirsk: Siberian academic book, 2017, pp. 487–494.

10. Smyth R. *Routledge handbook of Russian politics and society / ed. G. Gill, J. Young* (Routledge handbook of Russian politics and society / ed. G. Gill, J. Young). Abingdon: Routledge, 2012. P. 115–128.

11. White S. *Politics in Russia: a reader* (Politics in Russia: a reader). Washington D. C.: CQ Press, 2013. P. 306–330.

Коротко об авторе **Briefly about the author**

Зимина Наталья Владимировна, канд. полит. наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: государственное право, государственное управление, политико-правовой статус политически партий
zimina nv2010@yandex.ru

Natalia Zimina, candidate of political sciences, associate professor, State, Municipal Administration and Policy department, Economics and Management faculty, Transbaikal State University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: public law, public administration, political-legal status of political parties

Образец цитирования

Зимина Н. В. Роль региональных отделений политических партий в государственном управлении в условиях Забайкальского края // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 46–50. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-46-50.

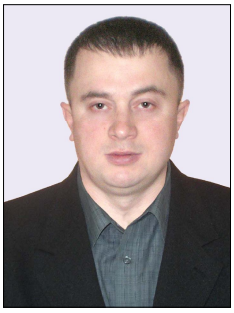
Zimina N. The role of regional branches of political parties in public administration in the Transbaikal Region // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 46–50. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-46-50.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2020 г.
Статья принята к публикации: 10.12.2020 г.

УДК 316.257
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-51-59

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДИСКУРСА ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

MODERN PROBLEMS OF FORMING THE DISCOURSE IN THE PHILOSOPHY OF SOCIAL SECURITY



С. В. Кононов, Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, г. Благовещенск
kononov7744@yandex.ru

S. Kononov, Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K.K.Rokossovsky

Статья посвящена анализу проблем становления современного дискурса социальной безопасности в рамках философского обсуждения процессов трансформации вектора формирования государственной политики безопасности. Задачей исследования, по мнению автора, является представление проблематики безопасности в условиях, когда она перестает пониматься, как понятие, связанное с идеей сохранения целостности государства или нации, вступает как явление, имеющее максимально широкие социальные параметры. Пользуясь методологией феноменологического, герменевтического и сравнительного анализа, автор анализирует новые направления исследований безопасности, общим отличием которых является социальная и личностная ориентированность; анализирует особенности методологии работ, отражающих точку зрения современного государства; работ, связанных с разработкой системного подхода к безопасности, основанных на аксиологическом подходе, и делает вывод о том, что, несмотря на расширение трактовок безопасности, все эти подходы сохраняют общий идейный фундамент, предполагающий необходимость сохранения лидирующей роли государства в сфере социальной безопасности, включая безопасность личности, общества и государства. Все научные подходы основываются на политике реагирования на возникающие угрозы для российского государства и не способны отразить необходимость всеобъемлющего стратегического целеполагания, охватывающего сферу социально-экономического развития общественной системы. Данное обстоятельство, считает автор, ведет к формированию такой стратегии безопасности, которая существует только во имя защиты государства и не предполагает обратной связи между государством и социальными институтами, которые собирается защищать государство, что ведет к неэффективности современных мер защиты и необходимости поиска новых путей обоснования обязательности указанной защиты, нового определения ее содержания и сущности

Ключевые слова: *государство; общество; безопасность; социальная безопасность; современные меры защиты; безопасность личности; безопасность общества; безопасность государства, угрозы для государства*

The article is devoted to the analysis of the problems of a social security modern discourse formation in the framework of a philosophical discussion of the transformation processes of the formation vector of the state security policy. The task of the article, according to the author, is to present the problem of security in conditions when it ceases to be understood, as a concept associated with the idea of preserving the integrity of a state or nation, and functions as a phenomenon with the broadest possible social parameters. Using the methodology of phenomenological, hermeneutic and comparative analysis, the new areas of security research, common difference of which is social and personal orientation are analyzed. The author pays attention to the features of the methodology of works reflecting the point of view of the modern state, works related to the development of a systematic approach to security, works based on an axiological approach and concludes that, despite the expansion of security interpretations, all these approaches retain a common ideological foundation. presupposing the need to preserve the leading role of the state in the field of social security, including the security of the indi-

© С. В. Кононов, 2020

vidual and society and the state. All these approaches are based on the policy of responding to emerging threats to the Russian state and do not reflect the needs of a comprehensive strategic goal-setting covering the sphere of socio-economic development of the social system. This circumstance, according to the author, leads to the formation of a security strategy that exists only in the name of protecting the state and does not imply feedback between the state and the social institutions that the state is going to protect, which leads to the ineffectiveness of modern protection measures and the need to find new ways to justify the need for this protection, a new definition of its content and essence

Key words: *state, society, security, social security, modern protection measures, personal security, public security, state security*

Введение. Первые десятилетия XXI в. открыли период, связанный с усложнением международных отношений вокруг Российского государства, которое в условиях усиления внешнего политического и экономического давления вынуждено решать вопросы, связанные с преодолением последствий глобального финансового кризиса. В данной ситуации Россия вынуждена решать вопросы безопасности в условиях фактического отсутствия системы коллективной международной безопасности. Кроме этого, новые условия показывают невозможность эффективного использования разрешения проблем безопасности путем угрозы применения «ядерного оружия» [17], что доказывает необходимость переосмысления концептуальных подходов к разрешению проблем безопасности, ранее ориентированных на осуществление политики, которая, по словам С. Панарина, осуществлялась по сценарию, противопоставляющему «своих» «чужим», где государство, выступающее в роли субъекта безопасности, пыталось оградить общество от внешних влияний, что в конечном итоге приводило к ослаблению всей социальной системы [12]. Таким образом, в условиях современности происходит трансформация структуры внешних и внутренних угроз безопасности страны, что требует выработки таких подходов, которые были бы направлены на обоснование проблематики конструктивного взаимодействия с внешним окружением и обществом внутри страны [1].

Степень исследованности темы. В российской науке исследования безопасности ведутся А. В. Опалевым, Д. Б. Ирошниковым, М. Р. Чарыевым, В. М. Редкоусом, В. С. Пирумовым, В. В. Серебрянниковым, Л. И. Шершневым, С. В. Степашиным, отражающими государственный взгляд. Проблемы национальной безопаности исследуют А. В. Возжеников, В. Легойда, Н. Н. Рыбалкин. Системный подход к безопасности разрабатывается в трудах А. А. Прохожева, В. Л. Манилова; точку зрения аксиологического подхода выражает А. И. Поздняков, А. Н. Сыроваткин, А. Н. Куковский.

Целью исследования является проведение оценки современных методологических подходов, исследующих проблемы безопасности на территории Российской Федерации.

Содержание определяется необходимостью разрешения задачи осмысления существующих подходов, куда входит государственный подход, системный и аксиологический, нацеленные на осмысление проблем безопасности современного российского государства и общества. По сути, речь идет о критическом анализе методологии исследований безопасности, принятых в российской науке, а также о предложении стратегии исследований, в центре которой должно находиться формирование аналитического взгляда на социальное взаимодействие в рамках системы личность – общество – государство, при котором были бы учтены интересы всех социальных групп.

Методология исследования основана на применении методов феноменологического, герменевтического, структурно-функционального и сравнительного анализа, дающих возможность проведения оценки государственного, системного и аксиологического подходов к исследованию проблем безопасности.

Новизна исследования обеспечена обращением социально-философского анализа на критику концепций безопасности, дающую возможность представления подхода, рассматривающего безопасность, как социальную систему.

Результаты исследования. Современные направления исследований безопасности в российской науке характеризуют-

ся большей социальной направленностью, чем исследования предшествующего периода, так как полагают, что государство должно исполнять широкий круг социальных обязанностей, куда входят необходимость защищать суверенитет, территориальную целостность, конституционный строй; поддерживать научно-технический и оборонный потенциал, законные прав и свободы личности.

При этом современные исследования проблем безопасности в России разделены на три основных течения, одно из которых придерживается более традиционных для отечественной науки взглядов, указывая на государство как субъект безопасности. Второе рассматривает проблемы безопасности в рамках системного подхода, анализируя эту проблему в широком комплексе социальных явлений, и указывает, что состояние системы безопасности должно зависеть не только от государственной или национальной политики, но и от множества иных факторов (куда входит влияние экономики, культуры, общества, духовности), уровня подготовки вооруженных сил и многое другое. Основное внимание представителей системного подхода занимает проблема сохранения целостности общественной системы в условиях внешних и внутренних вызовов, неизбежно сопровождающих развитие многих стран, государств, общественных групп, но не являющихся причиной прекращения их успешного функционирования. Внимание представителей аксиологического подхода сосредоточено на анализе ценностных координат, раскрывающих каждый конкретный случай в контексте его индивидуальных особенностей. Однако данный подход, как другие подходы к пониманию сущности и сути феномена безопасности, распространенные в отечественной науке, основывается на положениях, предусматривающих необходимость реагировать на возникновение угроз и вызовов российскому государству, что не отражает в полной мере потребностей, связанных с комплексным стратегическим целеполаганием, охватывающим сферу социально-экономического развития общественной системы. В то же время реализация программы политических мер, связанных с необходимостью обеспечения безопасности личности и общества, натыкается на значительные трудности, причиной которых является недостаточная проработанность методологии в сфере обеспечения системы социальной безопасности.

Поэтому в России продолжает ощущаться необходимость трансформации политики, нацеленной на «обеспечение состояния защищенности» к политике, направленной на формирование стратегий со-развития личности, общества и государства, для чего необходимо обоснование стратегических целей всех участников социального процесса и последующий учет выполнения задач, направленных на сохранение их безопасности. Таким образом, анализ современных проблем безопасности человека, общества и государства в рамках концепций безопасности современной российской науки показал необходимость переосмысления современных проблем безопасности в рамках теоретических подходов, предполагающих рассмотрение проблем социальной безопасности, что является стратегической необходимостью для обществ и стран, находящихся в условиях влияния процессов глобализации, порождающих условия для формирования многополярности современной мировой политической и экономической системы, когда каждый из социальных субъектов начинает восприниматься и выступать в качестве носителя собственных представлений и ценностей безопасности.

Обсуждение результатов. В постсоветский период в российской науке актуализируются новые направления исследований безопасности, которые направляются на осмысление социальной и личностной проблематики. В тексте Стратегии национальной безопасности указывается, что задачей государственной политики в сфере безопасности является обеспечение гарантий реализации целей социально-экономического развития государства, что говорит об уходе от узкого взгляда, в рамках которого безопасность понималась только как состояние защищенности государства [11].

В научных трудах новое понимание роли государства в системе безопасности страны отражено А. В. Опалевым, Д. Б. Ирошниковым, М. Р. Чарыевым, В. М. Редкоусом [15], которые полагают, что современное государство по отношению к своим гражданам должно выполнять широкий круг обязанностей, куда входит защита территориальной целостности, независимости, суверенитета, конституционного строя страны и, кроме

этого, организация мер, направленных на поддержку экономики, научно-технического развития, обороны, конституционных свобод и прав человека, посредством защиты их от влияния враждебных сил из-за рубежа и посягательств преступных сил внутри страны. Эта направленность, заключающаяся в определении безопасности в качестве состояния защищённости общества от внешних и внутренних угроз, определяет содержание работ В. С. Пирумова, А. В. Возженикова, В. В. Серебрянникова, Л. И. Шершнева, С. В. Степашина [18]. Защищаемая ими концепция заключается в постулировании неразрывности и взаимозависимости задач, которые государство выполняет во имя обеспечения стабильности социальных систем. Ведущим постулатом теории национальной безопасности в этом понимании является попытка обоснования представлений о том, что политика российского государства, направленная на обеспечение мер безопасности, на деле реализует конституционные права и свободы граждан, включающие в свой состав право на достойное качество и уровень жизни, право на суверенитет, право на независимость, право на территориальную целостность и устойчивое развитие страны [6].

В указанных трудах основной вектор формирования безопасности постепенно смещается с государственного на социальный, так как безопасность не только перестает пониматься как понятие, связанное с идеей сохранения целостности только государства или только нации, но и приобретает более широкие, социальные параметры. С точки зрения, которую выражают авторы, отражающие государственную точку зрения, понятие социальной безопасности подразумевает, что все социальные группы государства должны быть защищены от внешних и внутренних угроз, в том числе угроз, связанных с неустойчивым социальным развитием, кризисами, различными видами дискриминации и т.д. [2]. Однако, как пишет Н. Н. Рыбалкин, в данных работах, как и в законодательных и принятых на уровне федерального правительства актах, сохраняется противоречие в отношении трактовки безопасности, которая, несмотря на очевидные изменения в значении, сохраняет такое понимание безопасности, в котором преобладают интересы государственного или национального уровня [16]. Однако помимо этой группы в условиях современной России все большее количество исследователей безопасности анализируют эту проблему в широком комплексе социальных явлений и указывают, что состояние системы безопасности должно зависеть не только от государственной или национальной политики, но и от множества иных факторов, куда входит влияние экономики, культуры, общества, духовности, уровня подготовки вооруженных сил и многое другое [5].

Системный подход к исследованию проблемы безопасности разрабатывают В. П. Давыдов, А. А. Прохожев, В. Л. Манилов [8], который позволяет оценить весь спектр угроз стране, общественным группам, каждой личности и сконцентрироваться на решении наиболее уязвимых проблем, максимально эффективно используя имеющиеся ресурсы. Основное внимание представителей системного подхода занимает проблема сохранения целостности общественной системы в условиях внешних и внутренних вызовов, неизбежно сопровождающих развитие многих стран, государств, общественных групп, но не являющихся причиной прекращения их успешного функционирования [4].

Развивает идеи системного подхода тесно связанный с ним деятельностный подход, содержание и критика которого раскрыты Р. К. Лавриненко и А. И. Воскобоевым [7], указывающими, что безопасностью должно считаться не состояние защищенности, а процесс создания внешних и внутренних условий, при которых личность и общество могли бы реализовать свои цели, задачи, вести достойный образ жизни.

Важно отметить, что точка зрения, формируемая системным и деятельностным подходом, дает очень широкое представление о предметной области теории безопасности именно как социальной системе, однако и это понимание не является безупречным. Причиной критики системного подхода, отражённой в трудах А. И. Позднякова [13], является его претензия на объективность и всеохватность суждений, в то время как применение этого подхода зачастую проводится без учета представлений о том, что понятия о стабильности и опасности носят условный и конструируемый характер. В частности, в разных условиях, для каких-то социальных систем сохранение стабильности и целостности может быть опасным, а оказываемое

деструктивное влияние – благом. Поэтому автор предлагает использовать в современных исследованиях безопасности аксиологический подход, предполагающий применение систем ценностных координат, раскрывающих каждый конкретный случай в контексте его индивидуальных особенностей [3].

Аксиологический поход, согласно мнению А. И. Позднякова, является одним из наиболее эффективных методов анализа проблем безопасности. По его мнению, введение в анализ понятия «ценности» помогает доказательно показывать уровень приносимого объекту безопасности ущерба, выводить из этих показателей степень угроз и определять возможность достижения состояния безопасности [13]. Отличительной характеристикой данного подхода является его стремление обосновать, что «ущербом», приносимым объектам безопасности, необходимо считать не только материальные, но и духовные ценности, включая ценности общественной морали, национальной религии, искусства, культуры, морально-психологического состояния народа и т.д. Ущерб, наносимый духовным ценностям, представляет в данной концепции небезразличные народу, общественному сознанию деструктивные действия, направленные не только на их уничтожение, но и дискредитацию, что именуется опосредованным ущербом [19]. Содержание идей аксиологического подхода раскрывает А. Н. Куковский, по мнению которого в последние годы, когда произошло существенное обострение отношений с западным миром, противопоставление ценностных, мировоззренческих систем стало очень актуальным. Он использует данный подход для указания на возможность причинения ущерба национальным российским ценностям, таким как религия, традиции, общественные устои [6].

Однако, на наш взгляд, трудность представляет определение критериев ущерба, который, как предполагается, может быть нанесен духовным ценностям, так как сами они не имеют конкретной цены. Кроме этого, среди ученых, как отмечает сам А. Н. Поздняков, имеется осознание того, что в реальном социальном дискурсе не существует нулевых значений для безопасности любых типов духовных ценностей, которые обсуждаются, критикуются, трансформируются в результате общественного развития и социальной практики [13]. Введение понятия «порог значимости ущерба» здесь, на наш взгляд, не может быть универсальным решением, так как определяет лишь количественные, а не качественные параметры, зависящие только от конкретного случая и субъективной оценки, даваемой ему.

Таким образом, данный подход, как и другие подходы к пониманию сущности и сути этого феномена, распространенные в отечественной науке, основывается на идеях, обосновывающих результативность стратегий реагирования на возникающие угрозы для российского государства, и не способны отразить необходимость всеобъемлющего стратегического целеполагания, охватывающего сферу социально-экономического развития общественной системы [21].

В то же время внедрение системных мер, основанных на целостной политике, связанной с обеспечением социальной безопасности, наталкивается на ряд трудностей, истоком которых является недостаточная проработанность методологических и теоретических подходов к проблемам обеспечения общества и личности.

Это объясняется тем, что в российской науке отсутствует единое понимание того, что можно считать основополагающими общественными ценностями, интересами и целями. Кроме этого, отсутствует согласие по вопросам о ценностях и целях между российскими регионами и центром. Фиксируется огромная разница между пониманием смысла безопасности на федеральном и региональном уровнях, между различными социальными слоями и группами [9]. Здесь очевидно, что коренной причиной этих различий является то, что безопасность, по сути, является проблемой каждой отдельной личности. Только безопасность личности может стать фундаментом безопасности общества и государства, представляющих собой единую социальную структуру. Однако это состояние возможно обеспечить только отказавшись от стратегии противодействия всем типам угроз и вызовов и нацелившись на реализацию широкой программы создания условий для совместного развития социальной системы, включающей личность, общество и государство, находящиеся в условиях непрерывного развертывания вызовов и угроз.

Все существующие в российской науке подходы к исследованию безопасности

по-прежнему объединяет убеждение о том, что субъектом безопасности продолжает оставаться государство, которое берет на себя обязанности защиты граждан от внешних и внутренних угроз с учетом широкого комплекса политических, экономических, военных, культурных, духовных факторов и ценностных оценок, которые не выходят за рамки критического рассмотрения самой государственной политики безопасности [22].

Отсюда вытекает, что по отношению к нормативному идеалу «состояния защищенности», которое рассматривается в отечественных концепциях безопасности, только частично применим идеал западной философии, касающийся обеспечения социальной безопасности. Это происходит потому, что парадигма отечественного понимания данного состояния остается в рамках модели социально-государственного взаимодействия, построенного на принципах так называемой разумной достаточности, подчиняющей оценку состояния безопасности каждого из социальных субъектов интересам устойчивого существования в рамках государственного единства. Данный принцип, оправдываемый отечественными исследователями, обосновывает необходимость сохранения состояния защищенности во имя общих задач, стоящих перед государством в ущерб интересам каждого из субъектов всей социальной системы. Этот принцип подвергается многочисленной критике со стороны экспертного сообщества, указывающего на неэффективность и ущербность современных подходов анализу, обоснованию и оценке подходов к безопасности на уровне личности, общества и государства, которые так и не приобрели статус системы социальной безопасности [10]. С точки зрения критики не совсем ясной выглядит понятие «защищенность», которое не указывает ни на проблемы объекта безопасности, ни на наличие угроз ему или его состоянию. Данная беспредметность делает состояние защиты самоцелью без учета интересов тех субъектов, во имя которых воздвигается система защиты; таким образом, происходит обоснование односторонней системы защиты, не подразумевающей обратной связи между государством и социальными институтами, которые собирается защищать государство, что ведет к неэффективности современных мер защиты и необходимости поиска новых путей ее обоснования, нового определения ее содержания и сущности.

Таким образом, несмотря на то, что достижения отечественных исследований вносят существенный вклад в развитие теории безопасности, представленные в современной российской науке концепции безопасности не в полной мере отражают развитие методологии исследований безопасности в мировой философии, где получили хождение концепции «политический реализм» и теория «мирового сообщества», разрабатываемые такими исследователями, как Ратцель, Х. Маккиндер, Г. Моргентау [23], и поэтому не могут предложить качественно новых решений проблем российского общества, перерабатывая вариант, в рамках которого государство берет на себя решение проблем безопасности, личности, общества, нации, народа, однако не собирается учитывать их представления о необходимом для них качественном состоянии безопасности. Поэтому в России продолжает ощущаться необходимость трансформации политики, основанной на применении средств защиты от внешних и внутренних угроз к реализации программы, нацеленной на со-развитие социальной системы, включающей личность, общество и государство, для чего необходимо обоснование стратегических целей всех участников социального процесса и последующий учет выполнения задач, направленных на сохранение безопасности.

В контексте этого взгляда можно указать на то, что любое государство конструирует свою систему ценностей, которые могут восприниматься в качестве государственных, национальных, экономических, политических, культурных, духовных и т. д. интересов. На основе этой системы ценностей государства осуществляют свою внешнюю и внутреннюю политику, направленную на защиту. В то же время системы ценностей одних государств могут восприниматься как угроза для систем ценностей других государств и сообществ, конструирующих политику, направленную на защиту собственных интересов. Ключевым понятием теории безопасности в контексте данного типа философствования становится социальная безопасность, включающая представления о безопасности всех субъектов, составляющих структуру российского общества. Именно это понятие объединяет различные виды безопасности, обсуждае-

мые в современной российской литературе, включая государственную, политическую, экономическую, национальную, культурную, религиозную и другие типы безопасности.

Таким образом, анализ современных проблем безопасности человека, общества и государства в рамках концепций безопасности современной российской науки показал необходимость переосмысления современных проблем безопасности в рамках теоретических подходов, предполагающих рассмотрение проблем социальной безопасности, что является стратегической необходимостью для обществ и стран, находящихся в условиях влияния процессов глобализации, порождающих условия для формирования многополярности современной мировой политической и экономической системы, когда каждый из социальных субъектов начинает восприниматься и выступать в качестве носителя собственных представлений и ценностей безопасности.

Список литературы

1. Демченко С. В. Концептуальные основы теории национальной безопасности и их трансформация в начале XXI столетия // Политология: актуальные аспекты. 2013. № 1. С. 87–101.

2. Жуков А. В. Религиозное мифотворчество в обыденной религиозности населения Байкальского региона: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.14. Чита, 2011. 45 с.

3. Жуков А. В. Религиозность, субъективизм и конструирование концепций религиозной личности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2. С. 129–136.

4. Жуков А. В. Традиционная народная религиозность и проблема «двоеверия» // Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 2. С. 10–15.

5. Жуков А. В. Формирование религиозно-мифологического мировоззрения и мифы о религиозности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 3. С. 27–33.

6. Куковский А. Н. Аксиологический подход к национальной безопасности в Российской Федерации // Научный Вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. 2015. № 2. С. 35–38.

7. Лавриненко Р. К., Воскобоев А. И. Современные подходы к исследованию безопасности личности // Проблемы борьбы с экстремизмом и терроризмом, обеспечения национальной безопасности. 2017. № 4. С. 171–176.

8. Манилов В. Л. Теория и практика организации системы обеспечения национальной безопасности России: дис. … д-ра полит. наук: 22.00.05. Москва, 1995. 366 с.

9. Мареева С. В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365–385.

10. Маслова М. В. Риски гуманитарной безопасности российского общества // Педагогическое образование и наука. 2012. № 2. С. 28–31.

11. Неверов А. Я. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации как политический приоритет // Социум и власть. 2016. № 6. С. 88–93.

12. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2004. 640 с.

13. Поздняков А. И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 2. 46–52.

14. Прохожев А. А. Новые концепции безопасности в связи с современными концепциями развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 1. С. 8–12.

15. Редкоус В. М. Некоторые вопросы совершенствования Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2009. № 8. С. 14–15.

16. Рыбалкин Н. Н. Философия безопасности: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2006. 293 с.

17. Сергунин А. А., Субботин С. В. В поисках «мирового порядка» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 6. С. 186–196.

18. Степашин С. В. Государственный аудит и экономика будущего. М.: Наука, 2008. 608 с.

19. Сыроваткин А. Н. Деструктивное влияние нетрадиционных религиозных движений на духовную безопасность современного российского общества: автореф. дис. канд. филос. наук: 09.00.11. Пятигорск, 2013. 23 с.

20. Куковский А. А. Государство как основной субъект обеспечения национальной безопасности: механизм реализации // Вестник ЮУрГУ. № 29. 2012. С. 16–21.

21. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. Impact of social myths on the construction of German identity in Russian polyethnic region // Indian Journal of Science and Technology. 2016. T. 9, № 42. C. 104–239.

22. Zhukov A. V., Zhukova A. A. Methodological features of study and development of “ethnic culture” images in China // International Electronic Journal of Mathematics Education. 2016. T. 11, № 5. C. 1321–1330.
23. Morgenthau H.J. Politics among nation. The Struggle for Power and Peace. N.Y.: Knopf, 1984. 489 p.

References

1. Demchenko S. V. *Politologiya: aktualnye aspekty* (Political science: current aspects), 2013, no. 1, pp. 87–101.
2. Zhukov A. V. *Religioznoe mifotvorchestvo v obydennoy religioznosti naseleniya Baykalskogo regiona: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.14* (Religious myth-making in the everyday religiosity of the population of the Baikal region: abstract. ... dis. d-r philos. sciences: 09.00.14). Chita, 2011. 45 p.
3. Zhukov A. V. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2010, no. 2, pp. 129–136.
4. Zhukov A. V. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2011, no. 2, pp. 10–15.
5. Zhukov A. V. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Chita State University), 2010, no. 3\, pp. 27–33.
6. Kukovsky A. N. *Nauchny Vestnik Volgogradskogo filiala RANHiGS* (Scientific Bulletin of the Volgograd branch of the RANEPA), 2015, no. 2, pp. 35–38.
7. Lavrinenko R. K., Voskoboev A. I. *Problemy boriby s ekstremizmom i terrorizmom, obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti* (Problems of combating extremism and terrorism, ensuring national security), 2017, no. 4, pp. 171–176.
8. Manilov V. L. *Teoriya i praktika organizatsii sistemy obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti Rossii: dis. ... d-ra polit. nauk: 22.00.05* (Theory and practice of the organization of the system of ensuring national security of Russia: diss. ... dr. polit. sciences: 22.00.05). Moscow, 1995, 366 p.
9. Mareeva S. V. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* (Monitoring public opinion: economic and social changes), 2018, no. 6, pp. 365–385.
10. Maslova M. V. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* (Pedagogical education and science), 2012, no, 2, pp. 28–31.
11. Neverov A. Ya. *Sotsium i vlast* (Society and power), 2016, no. 6, pp. 88–93.
12. Panarin A. S. *Strategicheskaya nestabilnost v XXI veke* (Strategic instability in the XXI century). Moscow: Algorithm, 2004, 640 p.
13. Pozdnyakov A. I. *Natsionalnye interesy: prioritety i bezopasnost* (National interests: priorities and security), 2013, no. 2, 46–52.
14. Prokhozhev A. A. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennyh nauk* (Central Russian Bulletin of Social Sciences), 2007, no, 1, pp. 8–12.
15. Redkous V. M. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* (Law and State: theory and practice), 2009, no. 8, pp. 14–15.
16. Rybalkin N. N. *Filosofiya bezopasnosti: ucheb. posobie* (Security philosophy: textbook. manual). Moscow: Publishing House of Moscow. Course of studies.-SOTs. in-ta, 2006. 293 p.
17. Sergunin A. A., Subbotin S. V. N*atsionalnye interesy: prioritety i bezopasnost* (National interests: priorities and security), 2016, no. 6, pp. 186–196.
18. Stepashin S. V. *Gosudarstvenny audit i ekonomika budushchego* (State Audit and the Economy of the future). Moscow: Nauka, 2008. 608 p.
19. Syrovatkin A. N. *Destruktivnoe vliyanie netraditsionnyh religioznyh dvizheniy na duhovnuyu bezopasnost sovremennogo rossiyskogo obshchestva: avtoref. dis. kand. filos. nauk: 09.00.11* (The destructive influence of non-traditional religious movements on the spiritual security of modern Russian society: abstract ... diss. cand. philos. sciences: 09.00.11). Pyatigorsk, 2013. 23 p.
20. Kukovsky A.A. *Vestnik YUUrGU* (Bulletin of YuRSU), 2012, no. 29, pp. 16–21.
21. Zhukov A., Bernyukevich T., Zakharova E., Gomboeva M. *Indian Journal of Science and Technology* (Indian Journal of Science and Technology), 2016, T. 9, № 42, pp. 104239.
22. Zhukov A. V., Zhukova A. A. *International Electronic Journal of Mathematics Education* (International Electronic Journal of Mathematics Education), 2016, T. 11, no. 5, pp. 1321–1330.
23. Morgenthau H. J. Politics among nation. *The Struggle for Power and Peace* (Politics among nation. The Struggle for Power and Peace). N.Y.: Knopf, 1984. 489 p.

Коротко об авторе **Briefly about the author**

Кононов Сергей Викторович, канд. филос. наук, ст. преподаватель, Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, г. Благовещенск, Россия. Область научных интересов: философия, этнография, проблемы национальной безопасности, региональная культура приграничья, российско-китайское приграничье
kononov7744@yandex.ru

Sergey Kononov, candidate of philosophical sciences, senior teacher, Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K. K. Rokossovsky, Blagoveshchensk, Russia. Sphere of scientific interests: philosophy, ethnography, problems of national security, regional culture of borderlands, Russian-Chinese borderlands

Образец цитирования

Кононов С. В. Современные проблемы становления дискурса философии социальной безопасности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 51-59. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-51-59.

Kononov S. Modern problems of forming the discourse in the philosophy of social security // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 51-59. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-51-59.

Статья поступила в редакцию: 14.10.2020 г.
Статья принята к публикации: 10.12.2020 г.

УДК 32.19.5
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-60-71

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕНСКОГО ДЕПУТАТСКОГО КОРПУСА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

SOCIO-POLITICAL CHARACTERISTICS OF THE FEMALE DEPUTY OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT

О. В. Милаева,
Пензенский государственный университет, г. Пенза
milaevaov@mail.ru

O. Milaeva ,
Penza State University, Penza

А. Ю. Питерова,
Пензенский государственный университет, г. Пенза
yuganovs@mail.ru

A. Piterova ,
Penza State University, Penza

Актуальность исследования обусловливается институционализацией гендерного дисбаланса в органах представительства Российской Федерации, отсутствием значимых улучшений в аспекте интеграции женщин в систему политического управления. Очевидна непропорциональность двух форм (активного и пассивного) женского участия в политическом процессе и, как следствие, ограниченный доступ к политическому влиянию и властным полномочиям, что позволяет говорить о слабой артикуляции их интересов в различных сферах социально-политического и экономического пространства. Объект исследования – действующий состав представительных органов субъектов ДФО на региональном уровне и уровне органов представительства местного самоуправления административных центров. Предметом исследования является женский депутатский корпус субъектов ДФО. Цель исследования: дескрипция и сравнительный анализ морфологии женского депутатского корпуса субъектов ДФО на региональном и муниципальном уровнях. Основная задача: зафиксировать уровень представленности женщин в законодательных органах и органах представительства местного самоуправления ДФО в сравнении с общероссийскими показателями. Основным методом исследования является метод статистической типологической группировки первичного статистического материала, на основе которого выявлены сводные показатели по критериям анализа основных характеристик женского депутатского корпуса ДФО (количественные показатели, образование, социально-профессиональный опыт, возраст, политическая принадлежность и пр.). Источниками исследования являются официальные сайты органов представительства 11 субъектов ДФО, избирательных комиссий субъектов, сайты информационного электорального сервиса, партийных информационных систем. В органах представительства ДФО сохраняется значительный гендерный дисбаланс и гендерная пирамида, при этом уровень участия женщин в органах представительства ДФО выше, чем средние показатели по РФ. Морфология моделей представительства регионального и местного уровней разнится по количественным показателям, однако социально-демографические и социально-политические характеристики практически дублируются. Фиксируется отсутствие доминирования представителей бюджетной сферы, в равной степени представлено бизнес-сообщество, однако в политическом продвижении женщин практически не используется институт НКО. Отмечается относительная социальная открытость женского депутатского корпуса ДФО: отсутствует подавляющее большинство высшего организационного менеджмента, есть кластер не руководящих работников

Ключевые слова: *Дальневосточный федеральный округ; гендерный анализ; женщина в политике; женское представительство; женский депутатский корпус; публичная политика; политическое представительство; региональная политика; муниципальные органы власти*

The relevance of the study is determined by the institutionalization of gender imbalance in the representation bodies of the Russian Federation, the lack of significant improvements in the aspect of women's integration into the political management system. It is obvious that the two forms of women's active and passive participation in the political process are disproportionate and, as a result, they have limited access to political influence and

© О. В. Милаева, А. Ю. Питерова, 2020

power, which suggests a weak articulation of their interests in various spheres of socio-political and economic space. The object of study – the current composition of the representative bodies of subjects the Far Eastern Federal District (FEFD) at the regional level and bodies' representative of local government administrative centers. The subject of the study is the female deputy corps of the subjects of the FEFD.

The purpose of the study: description and comparative analysis of the morphology of the female deputy corps of the subjects of the FEFD at the regional and municipal levels. The main task is to fix the level of representation of women in legislative bodies and local self-government bodies of the FEFD in comparison with all-Russian indicators. The main method of research is the method of statistical typological grouping of primary statistical material, on the basis of which summary indicators are identified according to the criteria for analyzing the main characteristics of the female deputy corps of the FEFD (quantitative, education, socio-professional experience, age, political affiliation, etc.). The sources of the study are the official websites of the representative bodies of 11 subjects of the FEFD, election commissions of the subjects, websites of the electoral information service, and party information systems.

In the organs of representative offices of the FEFD remains a significant gender imbalance and gender pyramid, the level of participation of women in bodies of representation the FEFD is higher than the average for Russia. The morphology of regional and local representation models differs in quantitative terms, but the socio-demographic and socio-political characteristics are almost identical. The lack of dominance of representatives of the public sector is recorded, the business community is equally represented, but the institution of NGOs is practically not used in the political promotion of women. The relative social openness of the women's deputy corps of the FEFD is noted: there is no overwhelming majority of senior organizational management, there is a cluster of non-executives

Key words: *Far Eastern Federal District (FEFD); gender analysis; women in politics; women's representation; women's deputy corps; public policy; political representation; regional policy; municipal authorities*

Актуальность исследования находится в сфере фиксации реального состояния гендерного равноправия в РФ в области политического представительства. Несмотря на попытки обсуждения вопросов гендерного равноправия на государственном уровне (отметим, что такие формулировки даже не используются, заменяясь на «равенство между мужчиной и женщиной»), следует констатировать, что с момента подписания Россией Пекинской декларации и Платформы действий в 1995 г., включавших меры расширения женского участия, в том числе и в политической сфере, формирование национальных институций, способствующих ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, значимого улучшения в аспекте интеграции женщин в систему политического управления не произошло. При сравнении индексов гендерного равенства за последние 15 лет можно отметить, что в отношении женского политического представительства РФ опустилась со 108-го места в рейтинге в 2006 г. (The Global Gender Gap Report 2006. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2006.pdf) на 122-е место в 2020 г. (Global Gender Gap Report 2020. URL: https://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2020/).

В государственных документах, относящихся к рассматриваемому вопросу, с 1996 г. («Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации») по 2017 г. («Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы»), несмотря на значительный временной промежуток, однотипно констатируется низкий уровень участия женщин в органах законодательной власти. Если в начале «Пекинского процесса» обсуждались вопросы гендерного равенства на уровне правового институционального, государственного регулирования, реализации просветительских программ, гендерной экспертизы законодательства, то в настоящий момент исследователями констатируется консервация патриархальных установок в отношении социальной роли женщин даже на правовом уровне [14]. Актуальность исследования женского представительства связана и с демифологизацией патриархальности траекторий женской социализации и закрепленных консервативных гендерных ролей. Поскольку, например, в бизнес-сфере, где требуется не меньшая деформация традиционных стереотипных женских качеств, эти ограничения действуют не столь очевидным образом, что в международных исследованиях позволяет даже считать модель рос-

сийского бизнеса «матриархальной». Так, по данным индекса женского предпринимательства (*Index of Woman Enterpreneurs*) Mastercard за 2017 г., 32,6 % владельцев бизнеса в России были женщины, по этому показателю страна занимала четвертое место в мире; в 2020 г. – третье. При этом на уровне принятия политических решений сформированы субъект-объектные отношения с такой электоральной группой, как женщины, составляющей более половины населения России [17]. Очевидна непропорциональность двух форм женского участия в политическом процессе: с точки зрения электорального участия женщины проявляют высокий уровень активности, тогда как в отношении пассивного участия (представленность в качестве кандидатов в представительные органы) очевидно кратное уменьшение активности и, как следствие, крайне ограниченный доступ к политическому влиянию и властным полномочиям, что позволяет говорить о слабой артикуляции их интересов в различных сферах социально-политического и экономического пространства, в том числе и жизненно важных, что свидетельствует об актуальности исследований статистики, факторов и причин реального гендерного дисбаланса.

В рамках представительской деятельности женщины чаще всего сосредотачиваются на деятельности, отражающей их социальный и профессиональный опыт, включающей формирование и развитие социальной инфраструктуры (образование, здравоохранение, демографию, социальную помощь, жилищно-коммунальную сферу), что в рамках рассматриваемой темы может представлять актуальность для Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО), поскольку некоторые исследователи отмечают, что с 2009 по 2017 гг. данная сфера не получила опережающего развития на фоне среднероссийской динамики, часть регионов демонстрирует показатели ниже общероссийских [16], что можно сказать и о необходимости трансформации демографической политики Дальнего Востока [1].

Устойчивость и институциализация гендерного дисбаланса в политическом пространстве России, в том числе в политическом представительстве, давно фиксируется исследователями. Относительно причин указанной асимметрии исследователи выдвигают ряд гипотез, касающихся как внешних, так и внутренних факторов: ликвидация системы квотирования в избирательном законодательстве; отсутствие институциональных механизмов реальной интеграции женщин в систему политического управления [17; 20]; слабая информационная работа через СМИ; влияние гендерных стереотипов и патриархальность восприятия мужских и женских социальных ролей [10]; низкий ресурсный потенциал женщин-кандидатов; отсутствие у женщин достаточных профессиональных политических навыков [3].

В своем исследовании мы опираемся на методологию гендерной политологической школы, сложившуюся в России, с разнообразными подходами и направлениями [8; 15]. Субфедеральный уровень женского представительства системно изучается отечественными исследователями в последнее десятилетие как по отдельным субъектам [4; 9; 19], группам регионов, так и по федеральным округам [4; 5; 7; 8], национально-территориальным образованиям (Милаева О. В., Морозов С. Д., Сиушкин А. Е. Участие женщин в органах представительства национальных республик Сибирского федерального округа // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 4. С. 315-326.), [10]. Предметом анализа в проводимых исследованиях служат социально-демографические характеристики, траектории социализации женщин-политиков [14], правовые и институциональные механизмы расширения женского представительства в государственном и местном самоуправлении [17]. В отношении интересующего нас аспекта в ДФО можно отметить исследования В. М. Очировой [11] и И. В. Евсеева [2], посвященные анализу республиканского компонента женского представительства (Республика Саха, Якутия), однако полных исследований действующего состава женского депутатского корпуса Дальневосточного федерального округа на двух уровнях регионального и муниципального представительства в рамках последнего электорального цикла авторами не зафиксировано, что обусловливает актуальность и новизну работы.

Объектом исследования является действующий состав представительных органов субъектов ДФО на региональном уровне и уровне органов представительства местного самоуправления административных центров.

Предметом исследования является женский депутатский корпус субъектов ДФО.

Цель исследования: дескрипция и сравнительный анализ морфологии женского депутатского корпуса субъектов ДФО на региональном и муниципальном уровнях.

В комплекс *задач исследования* включаются следующие: определить долю женского представительства в региональных и муниципальных представительных органах ДФО; сравнить уровень представленности женщин в легислатурах ДФО с общероссийским показателем; зафиксировать экстремумы в женском представительстве в ДФО; проанализировать социально-демографические характеристики, политическую принадлежность, профессионально-должностной состав женщин-депутатов ДФО; выявить уровень участия женщин в управлении представительных органов; сравнить конфигурацию регионального и муниципального женского депутатского корпуса; выявить особенности женского представительства в национально-территориальных образованиях ДФО.

Основным *методом исследования* является метод статистической типологической группировки первичного статистического материала, на основе которого выявлены сводные показатели по критериям анализа основных характеристик женского депутатского корпуса (количественные показатели, образование, социально-профессиональный опыт, возраст, политическая принадлежность и пр.), что позволило дескрипировать морфологические характеристики женского представительства ДФО (статистическая группировка осуществлялась при помощи программы Microsoft Excel. Не учитывались показатели по довыборам, проводимым в ряде субъектов 13 сентября 2020 г.). Применение компаративного метода способствовало выявлению различия и сходства в конфигурации двух уровней моделей женского представительства ДФО. Комбинирование статистических показателей по заявленным критериям позволило определить некоторые особенности представительства разных типов административных образованиях ДФО, сопоставить с аналогичными показателями по РФ в целом. Эмпирическими источниками исследования являются официальные сайты органов представительства 11 субъектов ДФО (республик, краев, областей, автономного округа и автономной области), избирательных комиссий субъектов, сайты информационного электорального сервиса (Сервис для поиска информации о выборах и кандидатах «Выборы ПРО». URL: https://vybory.pro/poisk-vyborov); партийных информационных систем (Информационная система «Избиратель-депутат». URL: https://ideputat.er.ru/). Исследование проводилось в июле–августе 2020 г., после переизбрания 13 сентября 2020 г. двух органов представительства (Магаданская областная Дума, Магаданская городская Дума) результаты были скорректированы.

Из 704 депутатов на двух уровнях власти ДФО женщины составляют 148 человек (21 % всего депутатского корпуса), что является относительно высоким показателем на фоне доли участия женщин в структурах законодательных и представительных органов в большинстве субъектов Российской Федерации. Выборы в единый день голосования 13 сентября 2020 г. не оказали существенного влияния на количественные характеристики женского представительства в ДФО: незначительный рост на региональном уровне за счет выборов в Магаданскую областную Думу (добавилось два депутата) компенсирован потерей для женщин двух мандатов на выборах в Магаданскую городскую Думу. По уровню феминизации легислатур ДФО занимает второе место среди федеральных округов после Северо-Западного федерального округа. Данные по численности женщин-депутатов действующего состава в восьми федеральных округах представлены в табл. 1.

И, тем не менее, если рассматривать эту ситуацию в концепции представительства интересов, то обнаруживаются сниженные возможности артикуляции своих социальных интересов у значительной группы электората через систему представительной и законодательной власти. В данном случае речь идет о женских интересах в качестве функционирующей социально-экономической единицы, представленной на рынке труда. Негласная дискриминация по половому признаку (мы не имеем в виду дискриминацию на уровне законодательства) ведет к конфликту интересов значительных социальных групп, что не может служить основой для стабильного развития гражданского общества.

Таблица 1

Представленность женщин в депутатском корпусе РФ субфедерального уровня / Representation of women in the Deputy corps of the Russian Federation at the sub-Federal level

Федеральный округ / Federal district	**Региональный уровень / Regional level**			**Муниципальный уровень / Municipal level**		
	Всего депутатов / total number of deputies	Из них женщины / women are among them	% женщин / % of women	Всего депутатов / total number of deputies	Из них женщины / women are among them	% женщин / % of women
Южный федеральный округ/ Southern Federal district	401	68	16,9	257	47	18,2
Уральский федеральный округ / Ural Federal district	252	24	9,5	183	38	20,7
Северо-Кавказский федеральный округ / North Caucasus Federal district	394	47	11,9	208	36	17,3
Дальневосточный федеральный округ /Far Eastern Federal district	407	81	19,9	297	67	22,5
Сибирский федеральный округ / Siberian Federal district	497	70	14,08	343	82	23,9
Северо-Западный федеральный округ / North-West Federal district	426	95	22,3	245	69	28,1
Центральный федеральный округ / Central Federal district	807	130	16,6	549	113	20,5
Приволжский федеральный округ / Volga Federal district	784	116	14,7	529	104	19,6
Итого / Total	3968	631	15,9	2611	556	21,29

Исследователями проблемы женского представительства давно отмечено убывание процента представленности женщин в органах власти по мере повышения статуса выборов и уровня органа представительства, что подтверждается и данными нашего исследования. Однако в ДФО фиксируется минимальный разрыв между присутствием женщин в представительных органах на двух уровнях. При этом, если средний процент женского представительства на муниципальном уровне несколько выше регионального (22,56 % против 19,9 %), то по субъектам ситуация не столь однозначна: в шести из 11 субъектов женщины шире представлены на региональном уровне как в количественном, так и в процентном соотношении. В ДФО представлены несколько групп регионов по индикатору женского представительства с процентным шагом в 10 %: менее 10 %, 11...20 %, 21...30 %, 31...40 %, 41...50 %. На региональном уровне в двух субъектах достигнуты максимальные не только по округу, но и в сопоставлении с общероссийскими показателями проценты женской представленности в Еврейской АО и Чукотском АО (42,11 % и 50 % соответственно), в последнем и на уровне муниципалитета фиксируется самый высокий процент (40 %). В представительных органах административных центров такого высокого процента участия женщин не отмечается. Тем не менее, в четырех регионах женщины составляют более 30 % в органах представительства, что для других федеральных округов является исключением. При этом одни и те же субъекты не демонстрируют похожие количественные модели на двух уровнях, за исключением республики Бурятия и Забайкальского края, где в целом женское представительство субфедерального уровня находится в группе 10...20 %. Данные по численности женщин в субъектах ДФО на двух уровнях власти представлены в табл. 2.

Минимальное количество женщин-депутатов зафиксировано в Магаданской областной Думе до и после выборов 13 сентября 2020 г. Если в предыдущем составе женщин-депутатов в областной Думе не было, то по итогам последних выборов избраны две женщины, что составляет 9,5 % от общего количества депутатов. При этом Магаданская область является единственным субъектом ДФО, где на региональном уровне представленность женщин в депутатском корпусе не превысила порог в 10 %. На муниципальном уровне минимальна представленность женщин-депутатов в Благовещенской городской Думе (7,14 %).

Таблица 2

Представленность женщин в органах региональной власти и местного самоуправления ДФО / Representation of women in regional and local government bodies of the Far Eastern Federal District

Область / Region	Региональный уровень / Regional level			Муниципальный уровень / Municipal level		
	Всего депутатов / Total number of deputies	Из них женщины / Women are among them	% женщин / % of women	Всего депутатов / Total number of deputies	Из них женщины / Women are among them	% женщин / % of women
Амурская область / Amur Region	35	7	20	28	2	7,14
РеспубликаБурятия / Republic of Buryatia	66	8	12,12	30	3	10
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	19	8	42,11	20	7	35,0
Забайкальскийкрай / Transbaikal territory	50	9	18	30	5	16,67
Камчатский край / Kamchatka territory	27	7	25,93	31	7	22,58
Магаданская область / Magadan region	21	2	9,52	20	3	15,0
Приморский край / Primorsky Krai	39	5	12,82	35	10	28,57
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	74	11	14,86	28	10	35,71
Сахалинская область / Sakhalin Region	28	7	25	25	8	32
Хабаровский край / Khabarovsk territory	34	10	29,41	35	6	17,14
Чукотский автономный округ / Chukotka autonomous okrug	14	7	50,0	15	6	40
	407	81	19,9	297	67	22,56

В национально-территориальных образованиях ДФО фиксируется контраст как в сравнении с женской представленностью по округу в целом, так и в сопоставлении со среднестатистическим процентом по РФ: от максимально высокого уровня представленности женщин в Чукотском автономном округе и Еврейской автономной области до ниже среднего процента представительства в Республике Бурятия на двух уровнях, а также в Республике Якутия на региональном уровне. При этом в Якутии обнаруживается значительный разрыв по уровню участия женщин в органах законодательной власти и органах местного самоуправления, где доля женщин на 20 % выше, чем в региональном парламенте. Не обнаруживается зависимость показателей от уровня урбанизации (https://www.fedstat.ru/) и этнического состава населения (https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/-Documents/portret-russia.pdf), поскольку, например, сопоставимые по уровню урбанизации Еврейская АО и Республика Якутия демонстрируют разные количественные модели женского представительства. Заметно отличаются по проценту женской представленности Республика Бурятия и Еврейская АО, где преобладает русское население и не столь значительна разница в процентах урбанизации. Представительные органы низкоурбанизированного, с долей русского населения немногим выше 50 %, Чукотского АО схожи с представительными органами намного более урбанизированной с доминирующим русским этническим населением Еврейской АО. В органах представительства Якутии, где процент русского населения самый минимальный из всех в данном округе, при этом уровень урбанизации сопоставим с Еврейской АО и Республикой Бурятией, отмечены разные модели на двух уровнях представительства.

С учетом системы организации выборов выявлено, что процент избрания выше по одномандатным округам: большинство женщин-депутатов (106 человек, что составляет 71,6 % от всего депутатского корпуса) было избрано по мажоритарной избирательной

системе, 42 человека (28,4 %) – по пропорциональной системе. Число женщин-депутатов, избранных по одномандатным округам на региональном уровне, где действует смешанная система, в среднем больше, чем избранных по спискам. Исключение представляет Республика Саха (Якутия), где количество женщин, прошедших по одномандатным и единым округам, примерно равное (11 и 10 человек соответственно). На муниципальном уровне, где применяется в основном мажоритарная система, за исключением Петропавловска-Камчатского, Якутска и Владивостока, число женщин, избранных по одномандатным округам, больше, чем на региональном уровне. В тех органах представительства, где использовалась смешанная система выборов, и на муниципальном уровне доминируют избранные по одномандатным округам: в Петропавловске-Камчатском (5 против 2), Владивостоке (7 против 3), в Якутске женщины, избранные по мажоритарной и пропорциональной системе, имеют равное количество мандатов. Данная тема неоднократно дискутировалась в литературе, выдвигались гипотезы относительно влияния типа избирательной системы на количество женщин-депутатов. На наш взгляд, превалирование количества депутатов, избранных по одномандатным округам, не является показателем преимущества мажоритарной системы над пропорциональной для расширения женского представительства. Более того, для большинства федеральных округов, особенно для регионального уровня, такая диспропорция не характерна, решающим фактором является субъект выдвижения кандидата и количество выдвигаемых кандидатов от партии. И в этом отношении лидирует партия «Единая Россия».

Политическая принадлежность женского депутатского корпуса отражает картину политического состава представительных органов субъектов ДФО в целом, где превалирует политическая партия «Единая Россия». Исследования показывают, что этнический фактор (а ДФО имеет высокое этническое разнообразие) (https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/ Documents/portret-russia.pdf), способствует образованию особого типа политической культуры с высоким уровнем поддержки «партии власти» [12], что может сказываться на электоральных предпочтениях в отношении политической принадлежности и женщин-кандидатов. В ДФО процент представительниц «Единой России» как на муниципальном, так и на региональном уровнях, наравне с Сибирским федеральным округом, является самым низким в России: на региональном уровне «Единой России» принадлежит 59,3 % мандатов, на муниципальном – 64,2 %, что отмечается исследователями и в отношении поддержки «ЕР» в целом [21] по отдельным субъектам ДФО. Наибольшее количество представительниц партии «Единая Россия» в сумме по двум уровням (17 человек) отмечено в Республике Саха (Якутия), наименьшее (один человек) – в Законодательной Думе Хабаровского края. Второе место по представленности занимают женщины-депутаты ЛДПР: 24,6 % на региональном уровне, 17,9 % – на муниципальном. Хабаровский край, отмеченный в контексте очень низкой принадлежности женщин-депутатов к партии власти, в данном случае лидирует на фоне остальных субъектов ДФО по количеству женщин-депутатов (13 человек), являющихся членами партии ЛДПР. Доля участия женщин-депутатов КПРФ составляет 11,1 % на региональном уровне, 10,4 % – на муниципальном (по одному-два человека на субъект). В органах представительства Камчатского и Хабаровского краев, Магаданской области женщины-депутаты КПРФ отсутствуют. Политическая партия «Справедливая Россия» по количеству представительниц женского пола уступает перечисленным партиям. Только четыре женщины являются членами данной партии в следующих органах представительства: Народный Хурал Республики Бурятия, Дума Чукотского автономного округа, Якутская городская Дума, Хабаровская городская Дума. Примерно такое же количество женщин-депутатов (пять человек) являются выдвиженками других политических партий либо самовыдвиженками. Сведения по политическому составу женского депутатского корпуса субъектов ДФО представлены в табл. 3.

При анализе имеющегося у женщин-депутатов опыта политической или административной деятельности выявлено, что в меньшей степени представительницы женского депутатского корпуса обладают прошлым опытом работы в органах исполнительной власти и местного самоуправления (7,4 % от общего женского состава). Различными направлениями политической деятель-

ности (являлись помощниками депутатов, координаторами партийных проектов, руководителями или заместителями руководителя региональных отделений партий и т. п.) занимались 22,3 % женщин-депутатов. Чуть более четверти женщин (25,7 % от общего женского состава) имеют опыт представительской деятельности, т. е. более одного раза избирались в органы власти на региональном или местном уровнях. По общим количественным показателям можно выделить представительные органы Республики Саха (Якутия), а также Сахалинской области, где число женщин-депутатов, обладающих таким опытом, значительно превышает остальные субъекты ДФО.

Таблица 3

Политическая принадлежность женщин-депутатов в органах представительства ДФО / Political affiliation of women deputies in the representation bodies of the Far Eastern Federal District

Субъект РФ / Subject of the Russian Federation	**Партия / Party**									
	Единая Россия / United Russia		КПРФ / The Communist party		Справедливая Россия / Fair Russia		ЛДПР / The Liberal Democratic party		Прочее, включая самовыдвиженцев / Other, including self-nominees	
	Региональный уровень / Regional level	Муниципальный уровень / Municipal level	Региональный уровень / Regional level	Муниципальный уровень / Municipal level	Региональный уровень / Regional level	Муниципальный уровень / Municipal level	Региональный уровень / Regional level	Муниципальный уровень / Municipal level	Региональный уровень / Regional level	Муниципальный уровень / Municipal level
Амурская область / AmurRegion	5	2	1	-	-	-	1	-	-	-
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	6	2	1	1	1	-	-	-	-	-
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Region	5	5	-	1	-	-	3	-	-	1
Забайкальский край / Trans-baikal territory	3	4	2	-	-	-	4	1	-	-
Камчатский край / Kamchatka territory	5	5	-	-	-	-	2	2	-	-
Магаданская область / Magadan region	2	2	-	-	-	-	-	1	-	-
Приморский край / Primorsky Krai	4	6	-	2	-	-	-	1	1	1
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	10	7	1	1	-	1	-	-	-	1
Сахалинская область / Sakhalin Region	4	6	3	2	-	-	-	-	-	-
Хабаровский край / Khabarovsk territory	1	-	-	-	-	1	8	5	1	-
Чукотский автономный округ / Chukotka autonomous okrug	3	4	1	-	1	-	2	2	-	-
Итого / Total	48	43	9	7	2	2	20	12	2	3
В % к общему количеству женщин-депутатов / As a percentage of the total number of women deputies	59,3	64,2	11,1	10,4	2,5	3,0	24,6	17,9	2,5	4,5

В ДФО довольно значительное количество женщин представлено на среднем уровне руководства выборных органов (председатели – 31 человек / заместители председателей постоянных комитетов и комиссий – 23 человека). Руководителями либо заместителями руководителя фракции являются девять женщин-депутатов (6,1 %), такое же количество женщин занимает пост заместителя главы представительного органа.

Четыре женщины (2,7 %) являются главами представительных органов (Законодательное собрание Еврейской автономной области, Законодательная Дума Хабаровского края, Благовещенская городская Дума, городская Дума Петропавловск-Камчатского городского округа). В количественном отношении наибольшее число руководящих должностей в органах представительства, занимаемых женщинами-депутатами, отмечено в Республике Саха (Якутия), наименьшее – в Забайкальском крае.

Весь депутатский корпус имеет высокий образовательный капитал: 84,5 % женщин-депутатов имеют высшее образование, 4,7 % – среднее профессиональное, 2 % – среднее образование. Ученые степени кандидата и доктора наук имеют, соответственно, шесть и семь депутатов. Длительное время в составах депутатских корпусов фиксировалось безусловное доминирование представителей бюджетных организаций, особенно среди женщин. При этом их основной профессиональной принадлежностью были педагогика и медицина. Педагогика продолжает оставаться самой массовой женской «депутатской» профессией, однако медицину значительно потеснили экономические и управленческие специальности. Среди групп специальностей женщин-депутатов ДФО можно выделить три, представленные шире остальных: педагогическое образование имеют 46 женщин-депутатов, что составляет 31,1 % от общего женского состава депутатского корпуса, образование в сфере экономики и управления отмечено у 33 женщин (22,3 %), в сфере медицины – у 20 женщин-депутатов (13,5 %). При этом распределение по сфере деятельности показало практически равное количество женщин-депутатов, работающих в бюджетных организациях и занятых в бизнесе (34,5 % и 33,1 % соответственно), практически не представлен такой институт продвижения женщин в политику, как НКО (два человека). Небольшая часть женщин работает на постоянной профессиональной основе или в структурах политических партий. Должностная структура женского депутатского корпуса отражает их занятость в качестве руководителей различных организаций или предприятий (72 человека, или 48,6 %), в меньшей степени присутствуют специалисты (29 человек, или 19,6 %). В этом отношении женский депутатский корпус ДФО выглядит относительно демократичным в сравнении с другими округами, где доля представительниц руководящего звена составляет более 80% от всего состава.

Исследование также показало значительный разброс по возрастному критерию. Несмотря на очевидную концентрацию количества женщин-депутатов в рамках «среднего» возраста, они представлены в каждой возрастной группе, выделенной для анализа: 49 человек – в возрасте 51…60 лет; 46 человек – 41…50 лет; 28 человек – 31…40 лет; 20 человек – старше 60 лет; пять человек – в возрасте до 30 лет.

Дескрипция актуальных моделей женского представительства, проведенная в нашем исследовании, позволяет сделать вывод о сохранении асимметрии как устойчивой институциональной характеристике модели женского представительства в ДФО. На уровне морфологии самого объекта (женского депутатского корпуса) остается конфигурация пирамиды иерархии уровней с максимальным женским представительством на нижнем ярусе и его убыванием по мере повышения статуса органа представительства. Различия в моделях женского представительства ДФО регионального и местного уровней носят, скорее, внешний характер: разнится количественный состав по субъектам или по двум уровням представительных органов одного субъекта, но в отношении социально-политических характеристик в значительной степени они дублируют друг друга. В целом уровень женского представительства ДФО можно назвать относительно высоким на фоне общероссийских показателей, не фиксируется значительного разрыва в процентах представленности на двух уровнях. В Чукотском АО можно говорить о достижении гендерного паритета по количеству представленности депутатов обоего пола, высокие показатели фиксируются и в Еврейской АО. Из 22 представительных проанализированных органов лишь в двух женщины-депутаты составляют менее 10 % от общего состава (Магаданская Областная дума и Благовещенская городская). Можно говорить об относительной сменяемости состава женского представительства в ДФО, поскольку только четверть женщин имеют неоднократный опыт избрания и постоянной представительской деятельности, однако в то же время выборные

должности не замещают представительницы «профессионального» политического класса (таких депутатов менее четверти). Стоит отметить и социальную открытость женского депутатского корпуса, где менее половины депутатов являются представительницами высшего организационного менеджмента в различных сферах, относительно других федеральных округов заметен процент специалистов, пусть и невысокий в абсолютных цифрах, что не само по себе хорошо, но позволяет выражать интересы более широких социальных слоев.

В ДФО не отмечается тотального доминирования представительниц бюджетной сферы, что традиционно рассматривается как потенциальная подконтрольность депутатского корпуса: напротив, отмечается паритет представительниц бизнес-сообщества и бюджетного сектора, однако такой перспективный институт продвижения женщин в публичную политику, как НКО, остается в ДФО в настоящий момент практически невостребованным. В плане профессионального образования женщины-депутаты ДФО обоих уровней демонстрируют универсальную для всего российского женского представительства триаду специальностей: педагогика, экономика и управление, медицина. В политическом отношении женский депутатский корпус ДФО представляет четыре парламентские партии, однако при превалировании, как и повсеместно, представительниц «ЕР», расклад несколько отличается от депутатского корпуса в целом: на втором месте не КПРФ, а представительницы ЛДПР, КПРФ находится на третьем месте и на обоих уровнях значительно отстает от лидеров, как и «Справедливая Россия».

Если в политическом отношении можно согласится с исследователями относительно влияния этнического фактора на увеличение поддержки кандидатов от правящей партии (хотя, как отмечалось ранее, ДФО в этом далеко не лидер), то в отношении гендерных политических предпочтений связи обнаружить не удалось. В том числе и в национально-территориальных образованиях ДФО не обнаруживает зависимости показателей женской представленности в политической сфере от уровня урбанизации или этнического состава населения.

В заключение отметим, что статистические данные, фиксирующие одномоментный срез женского представительства, представляют в значительной степени теоретический интерес. Однако в совокупности с другими исследованиями, фиксирующими аналогичные проблемы консервации гендерного дисбаланса в политическом управлении РФ, их практическое применение может быть найдено во внедрении повестки гендерного равноправия не только в риторику государственных деклараций, но и в программы политический партий, женских движений и организаций, в которых она практически отсутствует. Данные совокупной статистики институционализации гендерной асимметрии в публичной политике могут стать одним из инструментов формирования коррекционных программ по гендерному представительству на различных уровнях управления, в том числе обоснования такой обсуждаемой практики как гендерное квотирование, доказавшее свою актуальность и эффективность в мировом политическом пространстве, поскольку представляет собой параметр легитимности власти количественного типа. Целесообразным будет являться не формальное, а реальное включение программ по обеспечению равноправия в показатели эффективности деятельности органов региональной власти и местного самоуправления, регулярное обеспечение их данными статистики для адекватного мониторинга прогресса в достижении гендерного равенства во всех его аспектах.

Список литературы

1. Авдеев Ю. А. О демографической политике для российского Дальнего Востока // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 59–68.

2. Евсеев И. В. Гендерная асимметрия в Государственном собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–7. С. 73–79.

3. Зимин В. А. Женщины России в политике и структурах власти // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 297–299.

4. Козлова Н. Н. Депутатский корпус региональных парламентов Южного федерального округа: опыт гендерного анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18, № 2. С. 68–84.

5. Козлова Н. Н. Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 58–71.

6. Козлова Н. Н. Законодательное Собрание Тверской области (1994–2016): гендерный профиль // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2016. № 3. С. 202–211.

7. Козлова Н. Н. Реализация избирательных прав женщин в современной России: представительство женщин в региональных легислатурах Северо-Западного федерального округа // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 1–2. С. 114–127.

8. Козлова Н. Н., Монахова Ю. А. Женщины-депутаты представительных органов Приволжского федерального округа: опыт анализа политических биографий // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2019. Т. 13. № 2. С. 57–69.

9. Козлова Н. Н., Овчарова О. Г., Рассадин С. В. Женщины во власти: региональная специфика // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы XI Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН (Нижний Новгород, 4–7 октября 2018 г.). М.: ИЭА РАН, 2018. С. 86–88.

10. Музыка Е. В. Гендерные особенности восприятия власти в современной России: автореф. дис. … канд. полит. наук: 19.00.12. М., 2017. 32 с.

11. Очирова В. М. Женщины в составе региональных политических элит: к проблеме представительства // Власть. 2011. № 12. С. 57–60.

12. Панов П. В. Пространственная локализация этнических групп как фактор голосования на выборах в национальных республиках Российской Федерации // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. Политологические науки. 2019. № 2. С. 53–62.

13. Подоплелова О. Г. Гендерные стереотипы в конституционном праве России: ловушка «особого отношения»? // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. №3. С. 73–91.

14. Попова О. В. Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 21–30.

15. Рябова Т. Б., Овчарова О. Г. Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы // Женщина в российском обществе. 2016. № 1. С. 3–21.

16. Хван И. С. Типологизация регионов Дальнего Востока по уровню развития социальной инфраструктуры // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 3. С. 8–14.

17. Чуб Н. В. Гендерное соотношение кадров: опыт местного самоуправления в России и за рубежом // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. С. 197–223.

18. Шафигуллина Л. Р. Социальный портрет женщин-депутатов законодательного органа Республики Татарстан // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2018. № 2. С. 19–25.

19. Швец Л. Г., Шепелева Ю. Л. Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития. М.: КРЕДО, 2015. 148 с.

20. Шумилина Д. В. Гендерное равенство в контексте политического развития Российской Федерации: проблемы, инициативы, потенциал // Politbook. 2017. №3. С. 78–92.

21. Panov P., Ross C. The dynamic nationalisation of voting for United Russia: the stability / Instability of regional deviations from national results // East European Politics. 2018. Vol. 34. № 1. P. 97–114.

References

1. Avdeev Yu. A. *Statistika i ekonomika* (Statistics and economics), 2017, no. 6, p. 5968.

2. Evseev I. V. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk* (International Journal of Humanities and Natural Sciences), 2016, no. 1–7, p. 7379.

3. Zimin V. A. *Teoriia i praktika obschestvennogo razvitiiya* (Theory and practice of social development), 2013, no. 10, p. 297299.

4. Kozlova N. N. *Chelovek. Soobschestvo. Upravlenie* (Person. Community. Management), vol.18, 2017, no. 2, p. 6884.

5. Kozlova N. N. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* (A woman in Russian society), 2016. no. 4, p. 5871.

6. Kozlova N. N. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia "Ekonomika i upravlenie"* (Bulletin of the Tver State University. Series "Economics and Management"), 2016, no. 3, P. 202–211.

7. Kozlova N. N. *Grazhdanin. Vybory. Vlast* (Citizen. Elections. Power), 2017, no. 1–2, pp. 114–127.

8. Kozlova N. N., Monakhova Yu. A. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia "Politologiia"* (Bulletin of the Perm University. Political Science Series), vol. 13, 2019, no. 2, pp. 57–69.

9. Kozlova N. N., Ovcharova O.G., Rassadin S.V. *Gorozhanki i gorozhane v politicheskih, ekonomicheskih i kulturnyh protsessah rossiiskoi urbanizatsii XIV-XXI vekov: materialy XI mezhdunar. nauch. konf.* (Town women

and men in the political, economic, and cultural processes of Russian urbanization of the XIV-XXI centuries: materials of the XI International Scientific Conference RAIIZHI i IEA RAS (Nizhny Novgorod, 4–7 October 2018). Moscow: IEA RAS, 2018. pp. 86–88.

10. Muzyka E. V. *Gendernye osobennosti vospriiatiia vlasti v sovremennoi Rossii: avtoref. dis. … kand. polit. nauk: 19.00.12* (Gender features of the power perception in modern Russia: abstract. dis. … cand. polit. sciences: 19.00.12). Moscow, 2017. 32 p.

11. Ochirova V. M. *Vlast* (Power), 2011, no.12, pp. 57–60.

12. Panov P. V. *Vestnik Permskogo federalnogo issledovatelskogo tsentra. Politologicheskie nauki* (Bulletin of the Perm Federal Research Center. Political science), 2019, no. 2, pp. 53–62.

13. Podoplelova O. G. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie* (Comparative Constitutional Review), 2018, no. 3, pp. 73–91.

14. Popova O. V. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* (Women in Russian society), 2013, no. 3, pp. 21–30.

15. Riabova T. B., Ovcharova O. G. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* (Women in Russian society), 2016, no. 1, pp. 3–21.

16. Khvan I. S. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* (Power and management in the East of Russia), 2019, no. 3, pp. 8–14.

17. Chub N. V. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniia* (Issues of state and municipal administration), 2020, no. 1, pp. 197–223.

18. Shafigullina L. R. *Istoriko-kulturnoe nasledie narodov Uralo-Povolzhia* (Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region), 2018, no. 2, p. 19–25.

19. Shvets L. G., Shepeleva Iu.L. *Gendernyi aspekt vlastnyh otnoshenii: problemy i napravleniia razvitiia* (Gender aspect of power relations: problems and directions of development). Moscow: CREDO, 2015, 148 p.

20. Shumilina D. V. *Politbook* (Politbook), 2017, no. 3, p. 78–92.

21. Panov P., Ross C. *East European Politics* (East European Politics), 2018, vol. 34, no. 1, pp. 97–114.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта№ 20-011-31091

Коротко об авторах

Милаева Оксана Всеволодовна, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия. Область научных интересов: политические институты, процессы и технологии
milaevaov@mail.ru

Питерова Анна Юрьевна, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия. Область научных интересов: массовые коммуникации, политическая коммуникация, медиа рилейшнз
yuganovs@mail.ru

Briefly about the authors

Oksana Milaeva, candidate of historical sciences, associate professor, assistant professor, Philosophy and Social Communication department, Penza State University, Penza, Russia. Sphere of scientific interests: political institutions, processes and technologies

Piterova Anna, candidate of historical sciences, associate professor, assistant professor, Philosophy and Social Communication department, Penza State University, Penza, Russia. Sphere of scientific interests: mass communication, political communication, media relations

Образец цитирования

Милаева О. В., Питерова А. Ю. Социально-политические характеристики женского депутатского корпуса Дальневосточного федерального округа // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 60–71. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-60-71.

Milaeva O., Piterova A. Socio-political characteristics of the female deputy of the far eastern federal district // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 60–71. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-60-71.

Статья поступила в редакцию: 29.12.2020 г.
Статья принята к публикации: 11.01.2021 г.

УДК 332.1(470)
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-72-81

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ЦЕНТРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ: СООТВЕТСТВУЮТ ЛИ ЦИФРОВОМУ БУДУЩЕМУ?

PROSPECTIVE ECONOMIC GROWTH CENTERS IN THE SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA: DO THEY CORRESPOND TO THE DIGITAL FUTURE?

В. И. Блануца, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

V. Blanutsa, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk
blanutsa@list.ru

Проанализирован перечень перспективных центров экономического роста по «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». Цель исследования – проверка соответствия между центрами экономического роста, представленными в стратегии, и полюсами роста будущей цифровой экономики на основе искусственного интеллекта. Теоретическую основу исследования составила концепция «полюсов роста» Ф. Перру с последующими расширениями. Для выделения полюсов роста цифровой экономики использовались авторская база данных о линиях электросвязи Российской Федерации и данные Росстата о численности населения городов на 1 января 2019 г. Методом исследования стал авторский алгоритм идентификации цифровых городских агломераций. Предложено выделять ведущие, ведомые и потенциальные полюсы роста цифровой экономики. По исходной гипотезе исследования все центры экономического роста, представленные в стратегии, являются перспективными, поскольку полностью соответствуют полюсам роста цифровой экономики. Альтернативная гипотеза исследования заключалась в отсутствии соответствия между центрами роста по стратегии и выявленными полюсами роста цифровой экономики. Анализ величины задержки сигнала в волоконно-оптических линиях связи между 1115 российскими городами позволил выделить 43 цифровые городские агломерации. Они представляли скопления городов со сверхмалой задержкой сигнала от центров агломераций. Эти центры рассматривались как ведущие полюсы роста цифровой экономики России. Их сравнение с 95 центрами экономического роста по стратегии позволило отклонить исходную гипотезу как ошибочную и принять альтернативную гипотезу. Это позволило прийти к выводу, что не все центры роста, приведенные в стратегии, являются перспективными для развития цифровой экономики. Перечислены ведомые и потенциальные полюсы роста цифровой экономики. Множество всех видов полюсов роста также не соответствует множеству центров роста по стратегии. Проанализированы десять наиболее проблемных центров экономического роста. Результаты исследования могут использоваться при разработке новой стратегии пространственного развития России. Предложено семь направлений дальнейших исследований

Ключевые слова: *региональная экономика; стратегия пространственного развития; центр экономического роста; городская агломерация; цифровая экономика; полюс роста; сверхмалая задержка сигнала; оптоволоконная сеть; «умная» городская агломерация; Российская Федерация*

The list of promising centers of economic growth is analyzed according to the “Strategy for the spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025”. The aim of the study was to test the correspondence between the centers of economic growth represented in the strategy and the growth poles of the future digital economy based on artificial intelligence. The theoretical basis of the study was the concept of “growth poles” by F. Perroux with subsequent extensions. To identify the growth poles of the digital economy, the author’s database on telecommunication lines of the Russian Federation and Rosstat data on the population of cities as of January 1, 2019 were used. The author’s algorithm for identifying digital urban agglomerations was used as the research method. It is proposed to identify the leading, driven and potential growth poles of the digital economy. According to the initial hypothesis of the study, all centers of economic growth presented in the strategy are promising,

© В. И. Блануца, 2020

since they fully correspond to the growth poles of the digital economy. An alternative hypothesis of the study was the lack of correspondence between the growth centers in terms of strategy and the identified growth poles of the digital economy. Analysis of the signal delay value in fiber-optic communication lines between 1115 Russian cities made it possible to identify 43 digital urban agglomerations. They represented clusters of cities with ultra-low signal delay from agglomeration centers. These centers were seen as the leading growth poles for Russia's digital economy. Comparing them with 95 centers of economic growth in terms of strategy made it possible to reject the initial hypothesis as erroneous and accept an alternative hypothesis. This allowed us to come to the conclusion that not all the growth centers listed in the strategy are promising for the development of the digital economy. The driven and potential growth poles of the digital economy are listed. The set of all kinds of growth poles also do not correspond to the set of growth centers by strategy. The ten most problematic centers of economic growth are analyzed. The research results can be used to develop a new strategy for the spatial development of Russia. Seven directions for further research are proposed

Key words: *regional economy; spatial development strategy; economic growth center; urban agglomeration; digital economy; growth pole; ultra-low signal delay; fiber-optic network; smart urban agglomeration; Russian Federation*

Введение. Пространственное развитие государства, нацеленное на повышение качества жизни территориальных сообществ и сглаживание межрегиональных социально-экономических различий, обычно осуществляется в соответствии со специально разработанным стратегическим документом [11; 14]. В России в феврале 2019 г. утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р; далее – Стратегия). Одна из новаций документа – перспективные центры экономического роста (перечислены в прил. 3 к Стратегии). Предполагается, что рост российской экономики будет связан именно с этими центрами (городскими агломерациями, отдельными городами и муниципальными образованиями). Согласно другому документу – программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р), будущая хозяйственная деятельность в нашей стране будет опираться на цифровые технологии. Однако ни в одной научной публикации не рассматривалось соответствие между перспективными центрами роста по Стратегии и возможными полюсами роста цифровой экономики.

Объектом исследования являются перспективные центры экономического роста по Стратегии, а *предметом исследования* – соответствие этих центров полюсам роста цифровой экономики России. *Цель работы* заключается в количественной оценке степени такого соответствия. Для достижения цели потребовалось решить следующие *задачи*: сформулировать исходную и альтернативную гипотезы исследования, провести выделение полюсов роста будущей цифровой экономики России, осуществить сравнение анализируемых центров роста с выявленными полюсами роста и сделать вывод о принятии той или иной гипотезы с последующим обсуждением полученных результатов.

Гипотезы и методы. Методологической основой выделения центров экономического роста является концепция «полюсов роста» Ф. Перру [18], согласно которой ускоренное развитие ограниченной территории, называемой «полюсом» (городская агломерация, крупнейший или крупный город), должно стимулировать саморазвитие остальной территории региона. В соответствии с этой концепцией формировалась региональная экономическая политика во многих странах [4; 10; 20]. Концепция неоднократно критиковалась [12; 17] из-за отсутствия эмпирических доказательств основных положений и наличия примеров, когда сосредоточение всех ресурсов на развитии полюса приводило к экономическому упадку остальной территории. Различные модернизации концепции, связанные с учетом, например, территориальных кластеров [9], транспортных коридоров [13], городов «второго уровня» [8] и «полицентричности» [19], позволяют использовать ее до настоящего времени [5; 16]. При переходе к цифровой экономике сохранятся полюсы роста [5; 15], но для их идентификации потребуются новые подходы.

Ранние представления Д. Тапскотта о цифровой экономике [22], связанные с возможностью значительного снижения транзакционных издержек за счет внедрения

информационно-коммуникационных технологий, со временем существенно расширились, что привело к множеству трактовок [1]. В нашем исследовании цифровое будущее России связано с реализацией правительственной программы развития цифровой экономики и «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490). Поэтому под цифровой экономикой понимается хозяйственная деятельность с применением производственных, транспортных и сервисных систем искусственного интеллекта, взаимодействующих в среде «Интернета вещей» и «Тактильного интернета». Это приведет к новой территориальной структуре экономики, основу которой составят «умные» городские агломерации. При таком понимании будущего полюсами роста станут города-центры цифровых («умных») агломераций.

Установлены две гипотезы исследования. По исходной гипотезе, перспективные центры экономического роста, перечисленные в Стратегии, должны соответствовать полюсам роста будущей цифровой экономики. Тогда альтернативная гипотеза указывает на отсутствие такого соответствия. В первом случае подтверждается перспективность конкретных российских городов и, соответственно, правильная идентификация центров роста в Стратегии, во втором – констатируется неправильный выбор перспективных центров и ошибочность Стратегии. Для более точной оценки соответствия целесообразно различать ведущий (город-центр цифровой агломерации), ведомый (крупный город в агломерации, но не ее центр) и потенциальный (город, способный запустить агломерационный процесс и находящийся вне цифровых агломераций) полюс роста. Соответствие между центрами и полюсами роста может быть полным (все без исключения центры роста, выделенные в Стратегии, отнесены к ведущим полюсам роста цифровой экономики) или условно полным (все центры роста являются ведущими, ведомыми или потенциальными полюсами роста). Если хотя бы один центр роста не относится к полюсам роста, то констатируется несоответствие и принимается альтернативная гипотеза исследования. Степень соответствия может количественно оцениваться как удельный вес центров роста, выполняющих функции полюсов роста цифровой экономики, в общем количестве таких центров по Стратегии. Интервал изменения степени соответствия будет от нуля (полное несоответствие, когда ни один из центров роста не является полюсом роста) до единицы (полное или условно полное соответствие).

Для реализации методики выделения цифровых городских агломераций необходимы данные о протяженности волоконно-оптических линий связи между всеми российскими городами и численности населения каждого города. Принято допущение, что процесс агломерирования городов запускается при людности города-центра агломерации не менее 250 тыс. человек, в особых случаях – более 100 тыс. человек [3]. Отсюда ведущий и ведомый полюса роста должны иметь более 250 тыс., а потенциальный полюс – более 100 тыс. человек. Наличие такой минимальной численности населения необходимо для формирования региональных цифровых рынков, когда количество различных информационно-коммуникационных гаджетов (точек доступа к Всемирной паутине) тесно связано с количеством жителей.

Критерием выделения «умных» агломераций стала сверхмалая задержка сигнала в оптоволоконных линиях связи (до 1 мс; 1 миллисекунда = 0, 001 секунды; формула расчета величины задержки сигнала в зависимости от протяженности линии связи приведена в статье «Тактильный интернет. Сети связи со сверхмалыми задержками» [2]) от города-центра агломерации до городов-спутников. Суть алгоритма делимитации цифровых агломераций в следующем: формируется симметричная матрица задержки сигнала между каждой парой российских городов; все города ранжируются по численности населения; выбирается город с наибольшей людностью и относительно него определяется множество городов, до которых задержка сигнала не превышает 1 мс; затем среди городов, не включенных в первую агломерацию, выбирается город с наибольшей численностью населения и относительно него определяются города-спутники по сверхмалой задержке сигнала; так продолжается до тех пор, пока не останется городов с численностью населения более 250 тыс. человек (если какой-то город имеет сверхмалую задержку до нескольких городов-центров агломераций, то он относится к тому городу-центру, до которого у него наименьшая задержка).

Для небольших городов-центров агломераций (250…500 тыс. человек) введено ограничение на суммарную численность населения городов-спутников не менее 250 тыс. жителей. Таким образом, в цифровых агломерациях не может быть менее 500 тыс. человек.

Результаты исследования и их обсуждение. В Стратегии представлены пять групп перспективных центров экономического роста: (1) города, образующие крупные и крупнейшие городские агломерации («обеспечат вклад в экономический рост Российской Федерации более 1 % ежегодно»); (2) города-центры агломераций (более 500 тыс. человек; 0,2...1,0 %) и города с численностью населения менее 500 тыс. человек (0,2...1,0 %); (3) города-центры субъектов (до 0,2 %); (4) минерально-сырьевые и агропромышленные муниципальные образования (более 0,2 %) и (5) научно-образовательные центры мирового уровня. Последние две группы не анализировались из-за отсутствия перечня конкретных муниципальных образований и учета городов-центров «мирового уровня» в первых двух группах (кроме Обнинска). В первую группу включены Владивосток, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Краснодар, Красноярск, Набережные Челны – Нижнекамск, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара – Тольятти, Тюмень, Челябинск, Уфа, Санкт-Петербург и Москва; в первую подгруппу второй группы – Астрахань, Барнаул, Ижевск, Калининград, Кемерово, Липецк, Махачкала, Новокузнецк, Оренбург, Пенза, Рязань, Саратов, Ставрополь – Михайловск, Томск, Тула–Новомосковск, Ульяновск, Хабаровск, Чебоксары – Новочебоксарск, Улан-Удэ, Ярославль и Пятигорск – Кисловодск – Ессентуки–Минеральные Воды – Георгиевск; во вторую подгруппу второй группы – Белгород, Архангельск, Великий Новгород, Владимир, Вологда, Калуга, Комсомольск-на-Амуре, Магнитогорск, Мурманск, Нижний Тагил, Норильск, Петрозаводск, Выборг – Усть-Луга – Высоцк, Тамань – Новороссийск, Псков, Сургут, Сыктывкар, Тамбов, Тверь, Сочи, Ханты-Мансийск, Череповец и Южно-Сахалинск. В третью группу включены региональные столицы, не вошедшие в первые две группы. В итоге имеют место 95 перспективных центров экономического роста.

С позиции будущей цифровой экономики невозможно количественно оценить «вклад в экономический рост» каждого центра. При такой ситуации принято допущение, что «вклад» города или агломерации пропорционален их людности. Для оценки перспективности 95 центров можно использовать ранее полученные данные по цифровым агломерациям России по состоянию на 1 января 2017 г. (Blanutsa V. I. Territorial structure of the Russian digital economy: Preliminary delimitation of smart urban agglomerations and regions // Regional Research of Russia. 2019. Vol. 9, No. 4. P. 17–35). Однако более корректны данные на 1 января 2019 г., что наиболее приближено к дате утверждения Стратегии. Поэтому проведена новая делимитация цифровых агломераций на основе авторской базы данных «Линии электросвязи Российской Федерации» (составлено по отчетам отечественных операторов связи на 1 января 2019 г.) и данных Росстата о численности населения на эту же дату (www.gks.ru/compendium/document/13282).

Несмотря на изменение людности городов и ввод в эксплуатацию новых оптоволоконных линий связи в 2017–2018 гг., в России выделены те же 43 цифровые агломерации. При этом в 19 агломерациях выросла численность населения (больше всего в Московской агломерации – примерно на 0,5 млн человек). Состав трех агломераций увеличился на один город: Кудрово (Ленинградская область) вошел в Санкт-Петербургскую; Кукмор (Республика Татарстан) – в Казанскую; Курчалой (Чеченская Республика) – в Махачкалинскую агломерацию.

Город-центр каждой агломерации стал ведущим полюсом роста цифровой экономики (названия агломераций даны по городам). В состав цифровых агломераций России вошли следующие ведомые полюса роста (более 250 тыс. человек): Балашиха, Владимир, Калуга, Подольск, Рязань, Тверь, Тула и Химки в Московской агломерации (21015,6 тыс. человек на 01.01.2019; 109 городов); Нижний Тагил в Екатеринбургской (3106,9; 35); Тольятти в Самарской (2617,1; 15); Йошкар-Ола и Чебоксары в Казанской (2508,7; 19); Липецк в Воронежской (2272,9; 19); Новороссийск в Краснодарской (2309,1; 23); Набережные Челны в Ижевской (2145,8; 16); Стерлитамак в Уфимской (2128,3; 18); Иваново и Кострома в Ярославской (2037,8; 31); Волжский в Волгоградской (1609,5; 13); Белгород и Орёл в Курской (1592,7; 20); Грозный

во Владикавказской (1575,4; 23); Саранск в Пензенской (1233,0; 16); Севастополь в Симферопольской (1267,1; 16); Вологда в Череповецкой (711,6; 9). Ведомые центры отсутствуют в следующих цифровых агломерациях: Санкт-Петербургской (6447,4 тыс. человек; 30 городов); Ростовской (2640,0; 19); Нижегородской (2602,7; 33); Челябинской (2108,0; 17); Новосибирской (1885,0; 9); Ставропольской (1715,8; 21); Саратовской (1605,9; 14); Пермской (1593,8; 17); Красноярской (1453,7; 9); Махачкалинской (1309,4; 11); Омской (1254,7; 6); Новокузнецкой (1156,6; 11); Владивостокской (1130,1; 7); Иркутской (1068, 3; 8); Барнаульской (982,6; 5); Тюменской (957,2; 7); Ульяновской (904,1; 10); Кемеровской (872,7; 7); Брянской (869,5; 26); Томской (799,0; 5); Калининградской (770,9; 22); Оренбургской (759,9; 6); Сургутской (759,0; 8); Кировской (738,6; 13); Хабаровской (703,5; 3); Смоленской (599,0; 14); Астраханской (591,7; 5) и Мурманской (540,2; 11). Всего в цифровые агломерации вошло 736 из 1115 российских городов.

Вне цифровых агломераций оказались следующие потенциальные полюсы экономического роста: Абакан (Республика Хакасия); Альметьевск (Республика Татарстан); Архангельск (Архангельская область); Благовещенск (Амурская область); Братск (Иркутская область); Волгодонск (Ростовская область); Керчь (Республика Крым); Кисловодск (Ставропольский край); Комсомольск-на-Амуре (Хабаровский край); Курган (Курганская область); Кызыл (Республика Тыва); Магнитогорск (Челябинская область); Нижневартовск (Ханты-Мансийский автономный округ–Югра); Новомосковск (Тульская область); Новый Уренгой (Ямало-Ненецкий автономный округ); Норильск (Красноярский край); Ноябрьск (Ямало-Ненецкий автономный округ); Орск (Оренбургская область); Петрозаводск (Республика Карелия); Петропавловск-Камчатский (Камчатский край); Псков (Псковская область); Рубцовск (Алтайский край); Северодвинск (Архангельская область); Сочи (Краснодарский край); Сыктывкар (Республика Коми); Тамбов (Тамбовская область); Улан-Удэ (Республика Бурятия); Чита (Забайкальский край); Элиста (Республика Калмыкия); Южно-Сахалинск (Сахалинская область) и Якутск (Республика Саха (Якутия). Всего 31 потенциальный полюс роста.

Сопоставление 95 перспективных центров экономического роста по Стратегии с 99 полюсами роста цифровой экономики показало, что исходную гипотезу следует признать ошибочной и принять альтернативную гипотезу. Таким образом, если в перспективе в России будет развиваться цифровая экономика, то не все центры роста по Стратегии можно считать перспективными. Цифровое будущее потенциальных полюсов роста весьма проблематично в силу их расположения вне «умных» агломераций. Что касается городов, которые не претендуют стать ведомыми или потенциальными полюсами, то их отнесение к перспективным центрам экономического роста является ошибочным. В Стратегии это следующие города: Анадырь (Чукотский автономный округ); Биробиджан (Еврейская автономная область); Великий Новгород (Новгородская область); Горно-Алтайск (Республика Алтай); Магадан (Магаданская область); Магас (Республика Ингушетия); Майкоп (Республика Адыгея); Нальчик (Кабардино-Балкарская Республика); Нарьян-Мар (Ненецкий автономный округ); Салехард (Ямало-Ненецкий автономный округ); Ханты-Мансийск (Ханты-Мансийский автономный округ–Югра) и Черкесск (Карачаево-Черкесская Республика).

Степень полного соответствия двух перечней составила 0,45 (43 ведущих полюса из 95 перспективных центров), а степень условно полного соответствия – 0,87 (83 ведущих, ведомых и потенциальных полюсов из 95 центров). Оба значения подтверждают альтернативную гипотезу исследования. Представляется странным, что в Стратегию не включены несколько городов как потенциальных полюсов роста, которые в силу удаленного расположения от ведущих полюсов могли бы способствовать экономическому развитию периферии и сглаживанию межрегиональных различий (это является целью Стратегии): Альметьевск (157,3 тыс. человек; Республика Татарстан); Братск (227,5; Иркутская область); Волгодонск (172,0; Ростовская область); Керчь (151,0; Республика Крым); Нижневартовск (276,5; Ханты-Мансийский автономный округ–Югра); Новый Уренгой (116,9; Ямало-Ненецкий автономный округ); Ноябрьск (106,1; Ямало-Ненецкий автономный округ); Орск (227,9; Оренбургская область); Рубцовск (142,6; Алтайский край) и Северодвинск (182,3; Архангельская область).

Из трех рассмотренных групп перспективных центров экономического роста цифровое будущее можно считать относительно определенным только у городов первой группы. Это связано с их значительной людностью и способностью агломерировать близлежащие города за счет объединения «умных» объектов и управления ими в режиме реального времени при сверхмалых задержках сигнала в оптоволоконных сетях. С учетом ведомых и потенциальных полюсов роста имеются некоторые перспективы у городов второй группы (кроме Ханты-Мансийска и портовых городов Ленинградской области). Наиболее проблематичной является третья группа. Здесь из 31 города только 6 относятся к ведущим полюсам роста (Брянск, Владикавказ, Киров, Курск, Симферополь и Смоленск), а 10 городов (Анадырь, Биробиджан, Горно-Алтайск, Магадан, Магас, Майкоп, Нальчик, Нарьян-Мар, Салехард и Черкесск) при формировании «умных» агломераций не смогут стать ведомыми полюсами или создать удаленный от агломерации потенциальный полюс роста. Включение этих 10 городов в Стратегию, скорее всего, было сделано по принципу «чтобы охватить все российские регионы».

Перспективность десяти отмеченных региональных столиц весьма проблематична и с позиции существующей (не цифровой) экономики. Если опираться на «Перечень перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации» (прил. 1 к Стратегии), то для 84 российских регионов (кроме Москвы) намечены 34 специализации. Наибольшее количество специализаций запланировано для Республики Татарстан, Нижегородской и Ростовской областей (по 27); наименьшее количество – для Ненецкого автономного округа (4). При существующем экономическом кризисе, вызванном пандемией коронавируса и падением нефтяных цен, небольшое число специализаций может привести к появлению проблемных «монорегионов» (по аналогии с моногородами). Поэтому более устойчивой будет региональная экономика со значительным разнообразием перспективных специализаций. Что касается рассматриваемых региональных столиц, то для их регионов намечено относительно небольшое число специализаций (в среднем по России на один регион приходится 17,4 специализации): 4 (Нарьян-Мар); 5 (Горно-Алтайск, Магадан); 6 (Анадырь, Салехард); 7 (Биробиджан); 11 (Черкесск); 12 (Магас); 15 (Майкоп) и 20 (Нальчик).

В Стратегии в перечне перспективных экономических специализаций отсутствуют отрасли цифровой экономики. С некоторой условностью к цифровой экономике могут быть отнесены только две специализации – «производство компьютеров, электронных и оптических изделий» и «деятельность в области информации и связи». По Стратегии обе специализации не перспективны для Республик Адыгея, Алтай и Ингушетия, Карачаево-Черкесской Республики, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотского автономного округа. В оставшихся трех регионах перспективна одна из двух специализаций (первая – в Кабардино-Балкарской Республике; вторая – в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах). Совместно две отмеченные специализации не встречаются ни в одном из десяти регионов и, соответственно, цифровое будущее столиц этих регионов не просматривается по прил. 1 к Стратегии.

В восьми разделах Стратегии будущий переход к цифровой экономике конкретно не прописан, а распознается по отдельным установкам. К таковым могут быть отнесены, например, следующие формулировки: «развивать энергетическую инфраструктуру ... за счет содействия внедрению интеллектуальных систем управления электросетевым хозяйством на базе цифровых технологий»; «развивать информационно-телекоммуникационную инфраструктуру путем: устранения “цифрового неравенства” субъектов..., повышения информационно-телекоммуникационной связности территории..., развития сети центров хранения и обработки больших массивов данных (дата-центров) ... и содействия экспорту услуг по обработке и хранению данных», «повысить качество и комфортность городской среды ... за счет внедрения интеллектуальных транспортных систем; внедрить информационно-телекоммуникационные технологии, платформенные решения и интеллектуальные системы управления городской инфраструктурой (“умный город”)». Однако в четырех приложениях, конкретизирующих установки Стратегии, специфика цифровой экономики не просматривается. Как показали результаты проведенного исследования, перечень пер-

спективных центров экономического роста составлялся без учета будущего перехода к цифровой экономике.

Одно из противоречий Стратегии заключается в скрытом (латентном) противопоставлении перспективных центров экономического роста цели пространственного развития в виде «сокращения межрегиональных различий». Для сглаживания социально-экономических различий между регионами необходимо относительно равномерное распределение центров роста по регионам. Однако в Российской Федерации в силу сложившейся системы расселения сделать это не представляется возможным. Поэтому остается только один вариант – ускоренное развитие центров, удаленных от городских агломераций. Этим периферийным центрам роста необходимо придать особый статус и оказывать чрезмерную федеральную поддержку, но их потенциал должен соответствовать хотя бы минимальному уровню для запуска агломерационного процесса. В нашем исследовании такие центры названы потенциальными полюсами роста. В Стратегию не включены 10 таких полюсов (Альметьевск, Братск и др., перечисленные выше), однако включены малые города (Анадырь и др.) с неопределенной перспективой. Данное противоречие, скорее всего, не возникло, если бы разработчики Стратегии опирались на концепцию «экономической конвергенции» [6; 7; 21].

Социально-экономические различия между российскими городами не позволяют ориентироваться на абсолютную (общую) конвергенцию, когда траектории развития городов сходятся к одному уровню. Остается рассчитывать только на относительную (клубную) конвергенцию, при которой траектории сходятся к нескольким иерархическим уровням. Цель Стратегии соответствует абсолютной экономической конвергенции, а российские реалии указывают на необходимость относительной конвергенции. Клубы конвергенции как группы городов с одинаковым уровнем социально-экономического развития в Стратегии не обозначены и отсутствуют ссылки на задание разных скоростей конвергенции для тех или иных городов, чтобы они смогли выйти на определенные уровни.

Заключение. Анализ отечественной стратегии пространственного развития в части перспективных центров экономического роста показал, что перечень таких центров составлен без учета запланированного перехода к цифровой экономике на основе искусственного интеллекта. В будущем координация взаимодействий между производственными, транспортными и сервисными системами искусственного интеллекта будет осуществляться из ядер (городов) «умных» (цифровых) городских агломераций. Эти ядра станут полюсами роста будущей цифровой экономики. По состоянию примерно на дату утверждения Стратегии в России насчитывалось 43 полюса роста, а в анализируемом документе представлены 95 центров роста. Оставшиеся 52 центра не являются перспективными в плане развития цифровой экономики. Кроме этого, некоторые российские города как потенциальные полюсы роста цифровой экономики отсутствуют в Стратегии, а ряд малых городов, включенных в пространственное развитие, не могут считаться перспективными для цифрового агломерирования населенных пунктов.

Практическая значимость полученных результатов связана с необходимостью корректировки Стратегии для исключения всех ошибок и неопределенностей. В противном случае имеющиеся противоречия из национальной стратегии пространственного развития перейдут в региональные стратегии социально-экономического развития, которые должны разрабатываться на основе анализируемого правительственного документа. Возможно, корректировки будет недостаточно и потребуется разработать новый документ – «Стратегию пространственного развития цифровой экономики Российской Федерации на основе искусственного интеллекта в период до 2050 года».

Перспективными направлениями дальнейших исследований по данной проблематике могут стать проведение социально-экономического районирования территории Российской Федерации с целью выявления специфических и целостных районов взаимодействия автономных систем искусственного интеллекта; делимитация цифровых городских агломераций по другим основаниям, не связанным с задержкой сигнала в оптоволоконных сетях; прогнозирование очередности формирования «умных» агломераций России; проверка соответствия между перспективными центрами экономического роста и перспективными экономическими

специализациями регионов; формирование перечня перспективных цифровых специализаций для российских регионов, агломераций, крупнейших и крупных городов; верификация макрорегионов и геостратегических территорий с позиции цифровой экономики; разработка системы искусственного суперинтеллекта, способной самостоятельно проводить экспертизу стратегических документов и генерировать недостающее новое знание о территориальной структуре цифровой экономики.

Список литературы

1. Дьяченко О. В. Дефиниция категории «цифровая экономика» в зарубежной и отечественной экономической науке // Экономическое возрождение России. 2019. № 1. С. 86–98.

2. Кучерявый А. Е., Маколкина М. А., Киричек Р. В. Тактильный Интернет. Сети связи со сверхмалыми задержками // Электросвязь. 2016. № 1. С. 44–46.

3. Полян П. М. Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. М.: Изд-во Института географии АН СССР, 1988. 283 с.

4. Andrikopoulou-Kafkala E. Growth-pole theory and its application in French regional planning // City & Region. 1983. Vol. 6. P. 7–29.

5. Atkinson R. D., Muro M., Whiton J. The Case of Growth Centers: How to Spread Tech Innovation across America? Washington: Brookings Institution, 2019. 94 p.

6. Barro R. J. Economic growth in a cross section of countries // Quarterly Journal of Economics. 1991. Vol. 106, No. 2. P. 407–443.

7. Barro R. J., Sala-i-Martin X. Convergence // Journal of Political Economy. 1992. Vol. 100, No. 2. P. 223–251.

8. Bere R. C., Precup I. B., Silvestru C. I. On growth poles from EU countries in the framework of Europe 2020 // Procedia – Economics and Finance. 2015. Vol. 23. P. 920–925.

9. Chapman K. From “growth center” to “cluster”: Restructuring, regional development, and the Teesside chemical industry // Environment and Planning A: Economy and Space. 2005. Vol. 37, No. 4. P. 597–615.

10. Christofakis M., Papadaskalopoulos A. The growth poles strategy in regional planning: The recent experience of Greece // Theoretical and Empirical Researches in Urban Management. 2011. Vol. 6, No. 2. P. 5–20.

11. Cortinovis C., Haase D., Zanon B., Geneletti D. Is urban spatial development on the right track? Comparing strategies and trends in the European Union // Landscape and Urban Planning. 2019. Vol. 181. P. 22–37.

12. Lasuen J. R. On growth poles // Urban Studies. 1969. Vol. 6, No. 2. P. 137–161.

13. Li Y., Lu D., Tian Y. Modeling corridor and growth pole coevolution in regional transportation network // Transportation Research Record. 2014. Vol. 2466, No. 1. P. 144–152.

14. Marot N., Golobic M. Delivering a national spatial development strategy: A success story? // European Planning Studies. 2018. Vol. 26, No. 6. P. 1202–1221.

15. Ma W. China’s Mobile Economy: Opportunities in the Largest and Fastest Information Consumption Boom. Chichester, UK: Wiley, 2017. 340 p.

16. Meijers E., Hoogerbrugge M., Cardoso R. Beyond polycentricity: Does stronger integration between cities in polycentric urban regions improve performance? // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. 2018. Vol. 109, No. 1. P. 1–21.

17. Monsted M. François Perroux’s theory of “growth pole” and “development pole”: A critique // Antipode. 1974. Vol. 6, No. 2. P. 106–113.

18. Perroux F. Economic space: Theory and application // Quarterly Journal of Economics. 1950. Vol. 64, No. 1. P. 89–104.

19. Rauhut D. Polycentricity – one concept or many? // European Planning Studies. 2017. Vol. 25, No. 2. P. 332–348.

20. Richardson H. W., Richardson M. The relevance of growth center strategies to Latin America // Economic Geography. 1975. Vol. 51, No. 2. P. 163–178.

21. Sala-i-Martin X. Regional cohesion: Evidence and theories of regional growth and convergence // European Economic Review. 1996. Vol. 40, No. 6. P. 1325–1352.

22. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York: McGraw-Hill, 1994. 368 p.

References

1. Diyachenko O. V. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* (Economic Revival of Russia), 2019, no. 1, pp. 86–98.

2. Kucheryavy A. E., Makolkina M. A., Kirichek R. V. *Elektrosvyaz* (Telecommunications), 2016, no. 1, pp. 44–46.

3. Polyan P. M. *Metodika vydeleniya i analiza opornogo karkasa rasseleniya* (Methods for Identifying and Analyzing the Settlement Support Frame). Moscow: Publishing house of the Institute of Geography of the Academy of Sciences of the USSR, 1988. 283 p.

4. Andrikopoulou-Kafkala E. *City & Region* (City & Region), 1983, vol. 6, pp. 7–29.

5. Atkinson R. D., Muro M., Whiton J. *The Case of Growth Centers: How to Spread Tech Innovation across America?* (The Case of Growth Centers: How to Spread Tech Innovation across America?). Washington: Brookings Institution, 2019. 94 p.

6. Barro R. J. *Quarterly Journal of Economics* (Quarterly Journal of Economics), 1991, vol. 106, no. 2, pp. 407–443.

7. Barro R. J., Sala-i-Martin X. *Journal of Political Economy* (Journal of Political Economy), 1992, vol. 100, no. 2, pp. 223–251.

8. Bere R. C., Precup I. B., Silvestru C.I. *Procedia – Economics and Finance* (Procedia – Economics and Finance), 2015, vol. 23, pp. 920–925.

9. Chapman K. *Environment and Planning A: Economy and Space* (Environment and Planning A: Economy and Space), 2005, vol. 37, no. 4, pp. 597–615.

10. Christofakis M., Papadaskalopoulos A. *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management* (Theoretical and Empirical Researches in Urban Management), 2011, vol. 6, no. 2, pp. 5–20.

11. Cortinovis C., Haase D., Zanon B., Geneletti D. *Landscape and Urban Planning* (Landscape and Urban Planning), 2019, vol. 181, pp. 22–37.

12. Lasuen J. R. *Urban Studies* (Urban Studies), 1969, vol. 6, no. 2, pp. 137–161.

13. Li Y., Lu D., Tian Y. *Transportation Research Record* (Transportation Research Record), 2014, vol. 2466, no. 1, pp. 144–152.

14. Marot N., Golobic M. *European Planning Studies* (European Planning Studies), 2018, vol. 26, no. 6, pp. 1202–1221.

15. Ma W. *China's Mobile Economy: Opportunities in the Largest and Fastest Information Consumption Boom* (China's Mobile Economy: Opportunities in the Largest and Fastest Information Consumption Boom). Chichester, UK: Wiley, 2017. 340 p.

16. Meijers E., Hoogerbrugge M., Cardoso R. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie* (Tijdschrift voor economische en sociale geografie), 2018, vol. 109, no. 1, pp. 1–21.

17. Monsted M. *Antipode* (Antipode), 1974, vol. 6, no. 2, pp. 106–113.

18. Perroux F. *Quarterly Journal of Economics* (Quarterly Journal of Economics), 1950, vol. 64, no. 1, pp. 89–104.

19. Rauhut D. *European Planning Studies* (European Planning Studies), 2017, vol. 25, no. 2, pp. 332–348.

20. Richardson H. W., Richardson M. *Economic Geography* (Economic Geography), 1975, vol. 51, no. 2, pp. 163 – 178.

21. Sala-i-Martin X. *European Economic Review* (European Economic Review), 1996, vol. 40, no. 6, pp. 1325–1352.

22. Tapscott D. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York: McGraw-Hill, 1994. 368 p.

Исследование выполнено за счет средств государственного задания (регистрация темы №АААА-А17-117041910166-3).

Коротко об авторе **Briefly about the author**

Блануца Виктор Иванович, д-р геогр. наук, эксперт РАН по экономическим наукам, ведущий научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Россия. Область научных интересов: политическая география, стратегическое планирование, экономическое развитие blanutsa@list.ru

Viktor Blanutsa, doctor of geographical sciences, RAS expert in economic sciences, leading researcher, Laboratory of Geo-Resources Studies and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia. Sphere of scientific interests: political geography, strategic planning, economic development

Образец цитирования

Блануца В. И. Перспективные центры экономического роста в пространственном развитии России: соответствуют ли цифровому будущему? // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 72–81. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-72-81.

Blanutsa V. Prospective economic growth centers in the spatial development of Russia: do they correspond to the digital future? // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 72–81. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-72-81.

Статья поступила в редакцию: 16.11.2020 г.
Статья принята к публикации: 10.12.2020 г.

УДК 338.22.021.4
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-82-87

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ОЦЕНКИ РИСКОВ ПРИ ВЫБОРЕ ИНОСТРАННОГО ПОСТАВЩИКА ПО ВНЕШНЕТОРГОВОМУ КОНТРАКТУ

FORMATION OF A RISK ASSESSMENT MODEL WHEN SELECTING A FOREIGN SUPPLIER UNDER A FOREIGN TRADE CONTRACT

Линь Пэн, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск
malex1j@yandex.ru

Lin Peng, National research Irkutsk State Technical University, Irkutsk

Множество предприятий, работающих с большим числом товарных позиций, сталкиваются с проблемой выбора поставщика товаров или услуг. Проблема поиска поставщиков встает перед большинством предприятий, которые ведут бизнес и ищут новые пути оптимизации издержек. Предприятиям необходимо периодически искать поставщиков, причем дается это им гораздо сложнее ввиду недостаточного опыта, особенно во взаимоотношениях с зарубежными поставщиками. Планирование закупок осуществляется методом отбора поставщиков, которые должны соответствовать ранее установленным критериям, задаваемым стандартами компании и законодательством. Поиск и анализ поставщиков должен проводиться систематически с использованием всевозможных источников информации. На современном этапе консервативные методы поиска, анализа и выбора поставщиков совершенствуются и дополняются новыми формами и методами, однако ни один из ныне существующих способов выбора поставщика должным образом не учитывает современные условия функционирования. Поэтому управление цепочкой поставок особенно актуально и требует совершенствования. В рамках статьи предложена модель, которая позволяет выявлять потенциально недобросовестных поставщиков еще до исполнения контракта в цепочке поставок и использовать управление. Представлена структурная схема модели управления рисками цепочки поставок. В модели указано ключевое условие, направленное на объединение работы всех отделов с целью повышения прозрачности процедур. Модель позволит снизить риски цепочки поставок и улучшить процесс принятия логистических решений в рамках трех основных блоков. Информация обо всем жизненном цикле оборудования, носителей и предметов хранится в информационной системе цепочки поставок, отражая статус и атрибуты всех аспектов и обеспечивая разнообразную поддержку данных для принятия решений

Ключевые слова: *остаточный риск; модель; иностранный поставщик; внешнеторговый контракт; цепочка поставок; оценка безопасности; конкурентные преимущества; платформа; деловые операции; контрмеры*

Many businesses that work with a large number of product lines face the problem of choosing a supplier of goods or services. The problem of finding suppliers is faced by most businesses that do business and are looking for new ways to optimize costs. Enterprises need to periodically search for suppliers, and this is much more difficult for them due to lack of experience, especially in relations with foreign suppliers. Procurement planning is carried out by selecting suppliers who must meet previously established criteria set by the company's standards and legislation. The search and analysis of suppliers should be carried out systematically using all possible sources of information. At the present stage, conservative methods of searching, analyzing and selecting suppliers are being improved and supplemented with new forms and methods, but none of the existing methods of selecting a supplier properly takes into account the current operating conditions. Therefore, supply chain management is particularly relevant and requires improvement. The article suggests a model that allows identifying potentially unscrupulous suppliers even before the contract is executed in the supply chain and using management. The article presents a block diagram of the supply chain risk management model. The model specifies a key condition aimed at combining the work of all departments in order to increase the transparency of procedures. At the same time, the model will reduce the risks of the supply chain and improve the process of making logistics decisions within 3 main blocks. Information about the entire lifecycle of equipment, media, and items is stored in the supply chain information system, reflecting the status and attributes of all aspects and providing a variety of data support for decision - making

© Линь Пэн, 2020

Key words: *residual risk; model; foreign supplier; foreign trade contract; supply chain; security assessment; competitive advantages; platform; business operations; countermeasures*

Актуальность. Основной причиной проблем в цепочке поставок является их глобализация, которая характеризуется сложной контрактной и субподрядной сетью по всему миру. С точки зрения производителей или потребителей такую сеть на уровне поставщиков чаще всего трудно понять. Злоумышленник может получить доступ к цепочке поставок из разных мест для организации сложных, длительных и многогранных разрушительных операций [7]. В то же время злоумышленники могут использовать эту сложность, чтобы запутать конфиденциальные проекты НИОКР, украсть интеллектуальную собственность и личную информацию, внедрить вредоносное ПО в ключевые компоненты и скрыть их от поставщиков услуг. Атаки на цепочки поставок подорвали конкурентные преимущества большинства стран в сфере бизнеса, технологий и безопасности.

Объектом исследования выступают компании, которые участвуют во внешнеторговой деятельности.

Предмет исследования – отношения между производителями, поставщиками и потребителями товаров или услуг.

Цель исследования. Уменьшение рисков в цепочке поставок является особенно актуальным в условиях большей зависимости ключевых систем и услуг от глобальных закупок коммерческих информационных и коммуникационных технологий [11]. Возникающий в результате остаточный риск передается предприятию конечного пользователя в виде продуктов и услуг. Приобретаемые продукты и услуги могут содержать дефекты, подделку или другие компоненты, объекты интеллектуальной собственности могут быть заражены вредоносным ПО. Поэтому необходимо разработать модель, которая позволит заблаговременно предотвратить потенциальные риски для производителя, поставщика и потребителя.

Задачи исследования. В рамках статьи стоит более детально рассмотреть структуру оценки рисков и выявить наличие точек риска в цепочке поставок, где владельцы рисков не могут контролировать процесс, а решения в этих точках риска принимаются другими лицами. Стоит предложить платформу, которая включает методы для выявления и противодействия атакам в цепочке поставок.

Методология и методы исследования. В ходе проведенного исследования использовался факторный анализ, синтез данных и моделирование.

Разработанность проблемы. Известно, что угроза может быть реализована злоумышленниками или вовсе не произойти, но риск возможен и очевиден. Например, в производственном процессе используется программное обеспечение от ненадежных третьих сторон, скомпрометированное злонамеренными противниками, оно может ими же и контролироваться, таким образом, программные ошибки нарушают производственные процессы [1]. Другой пример: на этапе технического обслуживания стандартные рабочие процедуры могут быть несовершенными. Специалисты по техническому обслуживанию могут входить на объект без присмотра и заменять поврежденные программы непроверенными, поддельными, вредоносными [6]. Все это говорит о том, что на современном этапе компании зависимы от программного обеспечения и влияние сторонних факторов может негативно сказаться на эффективности предприятия.

После того как угрозы уязвимости и последствия измерены, задокументированы и оценены, риски могут быть определены, а процессы управления рисками вовремя разработаны и реализованы [5]. Таким образом, необходимо сформулировать меры по снижению рисков, рассмотреть контрмеры для сдерживания злонамерений и выявления уязвимых мест в системе.

Результаты исследования. Наиболее актуальными решениями в выявлении потенциальных рисков являются:

1. Управление рисками цепочки поставок (*SCRM*) – это управление рисками целостности, надежности и подлинности продуктов и услуг в цепочке поставок [10].

2. Управление рисками цепочки поставок с привлечением нескольких сторон, включая закупку, обеспечение информации, логистику, ключевые проектные офисы, службы безопасности и другие учреждения [15].

3. Понимание и осознание рисков со стороны международных участников цепочки поставок, которое имеет решающее значение для защиты источников и деятельности компаний [3]. Соответствующие требования к сбору информации необходимо повысить при управлении рисками в цепочке поставок.

4. Оценка безопасности должна быть интегрирована во все звенья в плане закупок с целью предотвращения проникновения злоумышленников.

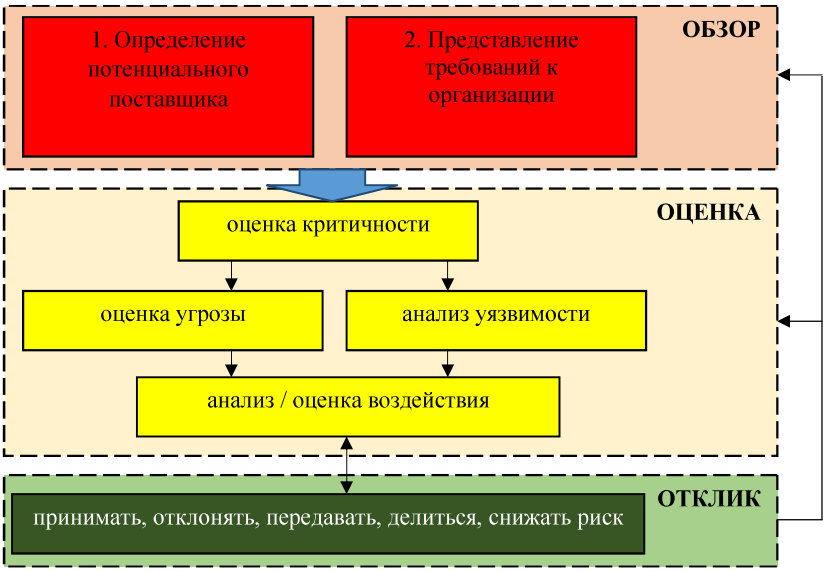
Оценка потенциальных рисков подразумевает следующие элементы:

1. Оценка риска производится со следующих аспектов: выявление угроз аутсорсеров, субподрядчиков, поставщиков и субпоставщиков, а также оценка рисков уязвимости закупочных задач [9]. Основываясь на важности закупаемых продуктов, материалов и услуг, необходимо оценивать влияние потенциальных противников и принятие возможных контрмер.

2. Оценка рисков должна быть завершена в процессе планирования закупок. После выявления рисков немедленно принимаются меры противодействия.

3. Оценка рисков и контрмеры должны переоцениваться и обоснованно пересматриваться каждые два года [4].

Для предотвращения потенциальных рисков предложена модель, которая представляет собой выявление риска еще до момента его наступления. На рисунке представлена структурная схема модели управления рисками цепочки поставок. В модели указано следующее: чтобы направлять и объединять работу всех отделов для повышения прозрачности активов, снижения рисков цепочки поставок и улучшения процесса принятия логистических решений необходимо придерживаться трех основных блоков.



Структурная схема модели управления рисками цепочки поставок / Risk management model of the supply chain

В блоке «Обзор» необходимо придерживаться следующих указаний: 1) определение потенциального поставщика; 2) представление требований к организации.

Следующим этапом является блок «Оценка». В рамках данного блока проводится оценка критичности, оценка потенциальных угроз, анализ уязвимости и оценка возможного воздействия.

В блоке «Отклик» разрабатываются конкретные мероприятия, которые будут направлены на отдельно взятый блок «Обзор» и «Оценка».

В рамках модели разработанная стратегия компании создает основу, в которой отделы работают вместе для выявления возможностей улучшения и пробелов в возможностях.

В рамках технического исполнения в условиях реальных поставок компаниям необходимо использовать такие функции технологии автоматической идентификации (AIT), как радиочастотная идентификация (RFID) и уникальная идентификация проекта (IUID) [2]. Эти функции помогают предоставлять своевременную, точную и полезную инфор-

мацию о местонахождении, количестве и состоянии активов.

В Стратегии следует подробно описать план выполнения, который основывается на работе и улучшает наглядность и доступность данных по мере того, как активы проходят через цепочку поставок [14]. Эти способы подразумевают использование методов обработки конкретных процессов, данных и технологических улучшений, а также возможности, связанные с логистикой, которые могут заметно повысить видимость данных об активах.

По мере увеличения видимости данных об активах необходимо больше внимания уделять интеграции данных в соответствующие бизнес-процессы и системы информационных технологий, чтобы данные могли быть доступны персоналу компании на разных уровнях для предоставления информации и принятия решений.

Управление цепочкой поставок не ограничивается операциями в физическом пространстве, такими как закупка, получение, хранение или транспортировка проектов, но также требует сбора, управления, интеграции и обмена соответствующей информацией о самом проекте в киберпространстве будь то хранение или транспортировка. Несмотря на сбор логистических данных в основных узлах цепочки поставок, это огромный вклад в быстрое принятие логистических решений. Однако своевременность сбора данных, возможность визуализации во время передачи активов и возможность создания корпоративного представления данных по-прежнему имеют ограничения.

Внедрение стратегий автоматизированных информационных технологий (*AIS*) для улучшения видимости активов, интеграции данных и взаимодействия; использование технологий *AIT* (например, *RFID* и QR-коды) для получения данных о товарах и поставках призваны повысить точность, надежность и своевременность при минимальном вмешательстве человека.

Технологии *RFID* повысят видимость и точность, а также сохранят более высокий уровень ответственности для каждого уникального актива в соответствии с обязательными аудитами. Система *RFID* может быть настроена для управления и контроля конфигурации. При ее использовании для проверки фактической конфигурации встроенных компонентов в цифровых активах нет необходимости физически касаться или открывать какие-либо компоненты. Система *RFID* может повысить точность, добавив более подробные сведения об отслеживании активов; быстро собирать информацию об активах, поэтому систему можно использовать для записи более подробной и частой информации; *RFID* может обеспечить более быстрый обмен данными и сократить объем обработки данных, поэтому инвентаризационный учет становится более эффективным и доступным.

Использование предложенной модели должно способствовать внедрению эффективных логистических решений и повысить эффективность деятельности предприятия. Мероприятия по реализации данной модели помогут:

– повысить прозрачность в ходе доставки;

– улучшить процессы транспортировки и хранения материальных и нематериальных объектов;

– повысить эффективность инвентаризации и обработки документов;

– наладить целостность в процессе аудита;

– реализовать единый набор правил, который поможет в поддержке обоснованного и рационального логистического решения.

Заключение. Информация о цепочке поставок – это информация о материальных и нематериальных объектах, источнике их происхождения, о положении в физическом пространстве и киберпространстве. Информация обо всем жизненном цикле оборудования, носителей и предметов хранится в информационной системе цепочки поставок, отражая статус и атрибуты всех аспектов этих физических объектов и обеспечивая разнообразную поддержку данных для принятия решений. Визуализация цепочки поставок в сочетании с технологией интернета вещей – неизбежная тенденция в долгосрочной перспективе. Весь жизненный цикл поставки может быть отслежен, что позволяет помогать в бизнесе и приносить большую пользу в нынешних сложных условиях.

Список литературы

1. Бугай В. А. Методика выбора иностранного поставщика // Инновации и инвестиции. 2018. № 12. С. 1–5.

2. Ван Сяоцзин. Управление поставщиками производственных предприятий = 制造企业供应商管理 // Народное изд-во Цзилинь. 2010. № 5. С. 125–137.

3. Гун Сюньвэй. 10 уроков, которые научат вас быстро находить отличных поставщиков = 10教训，将教你如何快速找到伟大的供应. 2020. URL: https://zhuanlan.zhihu.com/p/109005757 (дата обращения: 15.09.2020). Текст: электронный.

4. Дегтярева Н. М., Яковлев Р. Н. Методические подходы к выбору и оценке поставщиков предприятия // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2015. С. 1–6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-podhody-k-vyboru-i-otsenke-postavschikov-predpriyatiya/viewer (дата обращения: 15.09.2020). Текст: электронный.

5. Зёрнышкин А. Е., Сизов А. С., Добрица В. П., Головин А. А., Халин Ю. А. Модель оценки привлекательности поставщика товарно-материальных ценностей логистических компаний // Вестник Брянского государственного технического университета 2019. №3 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/model-otsenki-privlekatelnosti-postavschika-tovarno-materialnyh-tsennostey-logisticheskih-kompaniy/viewer (дата обращения: 15.09.2020). Текст: электронный.

6. Интерпретация соответствия требованиям FSVP (Программа проверки иностранных поставщиков) США. 2016. URL: https://www.reach24h.com/agrochem/expert-interpretation/459-foreign-suppliers-validation-program-fsvp-compliance.html (дата обращения: 15.09.2020). Текст: электронный.

7. Как выбрать подходящих поставщиков для небольших закупочных компаний // Бизнес и управление. 2020. URL: https://www.sbvv.cn/chachong/4616.html (дата обращения: 15.09.2020). Текст: электронный.

8. Как иностранные покупатели выбирают и оценивают новых поставщиков? Текст: электронный // 52wmb.com. 2020 [сайт]. URL: https://www.52wmb.com/new/514 (дата обращения: 15.09.2020).

9. Климова Г.В. Общие принципы построения модели оценки поставщика // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. №3. С. 45–51. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-printsipy-postroeniya-modeli-otsenki-postavschika/viewer (дата обращения: 15.09.2020). Текст: электронный.

10. Клипин А. О., Берегова Г. М., Шуплецов А. Ф. Методика оптимального распределения инвестиций в блоках промышленного кластера // Перспективы развития фундаментальных наук: сб. науч. трудов XVI Междунар. конф. студ., аспирантов и молодых ученых / под ред. И. А. Курзиной, Г. А. Вороновой. Томск: Нац. исслед. Томский политехн. ун-т, 2019. С. 84–86.

11. Клипин А. О., Ли С. Механизм распределения инвестиций в промышленном кластере в условиях импортозамещения // Проблемы управления производственными и инновационными системами: материалы статей Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск: Иркутский нац. исслед. техн.ун-т, 2018. 2018. С. 61–63.

12. Малюкова С. М., Белякова Е. В. Методы выбора поставщиков для торгового предприятия // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2015. С. 865–868. URL: https://www.chinca.org/CICA/info/20032709411611 (дата обращения: 15.09.2020). Текст: электронный.

13. Полоскова М. И. Основные задачи при выборе потенциального поставщика // Экономика и бизнес: теория и практика. № 1. 2016. С. 1–2.

14. Цяо И. Исследование по выбору и оценке стратегических поставщиков = 战略供应商选择与评估研究 // Xi'anTechnologicalUniversityPress. 2012. №8. С. 254–258.

15. Шаронова Д.М. Электронные торги и тендеры как инструмент выбора поставщиков // Символ науки. 2016. № 12-1. С. 269–273.

16. Шульга М. В. Механизм формирования выбора поставщика // Проблемы экономики и юридической практики. 2012. № 5. С. 130–134. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-formirovaniya-vybora-postavschika/viewer (дата обращения: 15.09.2020). Текст: электронный.

17. Beregova G., Klipin A., Shupletsov A. Problems and prospects of import substitution in the construction industry of the region = 该地区建筑行业进口替代的问题和前景 // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. New Technologies and Special-Purpose Development Priorities. 2019. С. 12–13.

References

1. Bugay V. A. *Innovatsii i investitsii* (Innovations and investments), 2018, no. 12, pp. 1–5.

2. Van Syaotszin. *Narodnoe izdatelstvo Tszilin* (Jilin People's Publishing House), 2010. no. 5, pp. 125–137.

3. Gun Syunvey. *10 urokov, kotorye nauchat vas bystro nahodit otlichnyh postavschikov* = 10教训，将教你如何快速找到伟大的供应. 2020 (10 lessons that will teach you how quickly to find great suppliers = 10教训，将教你如何快速找到伟大的供应. 2020. Available at: https://zhuanlan.zhihu.com/p/109005757 (date access: 15.09.2020). Text: electronic.

4. Degtyareva N. M., Yakovlev R. N. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatischeva* (Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University), 2015. pp. 1–6. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/metod-

icheskie-podhody-k-vyboru-i-otsenke-postavschikov-predpriyatiya/viewer (Date of access: 15.09.2020). Text: electronic.

5. Zyornyshkin A. E., Sizov A. S., Dobritsa V. P., Golovin A. A., Khalin Yu. A. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta* (Bulletin of the Bryansk State Technical University), 2019, no. 3 (76). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/model-otsenki-privlekatelnosti-postavschika-tovarno-materialnyh-tsennostey-logisticheskih-kompaniy/viewer (Date of access:15.09.2020). Text: electronic.

6. *Interpretatsiya sootvetstviya trebovaniyam FSVP (Programma proverki inostrannyh postavschikov) SShA 2016* (Interpretation of compliance with the requirements of fsvp (foreign supplier verification program) USA, 2016. Available at: https://www.reach24h.com/agrochem/expert-interpretation/459-foreign-suppliers-validation-program-fsvp-compliance.html (Date of access:15.09.2020). Text: electronic.

7. *Biznes i upravlenie. 2020* (Business and management. 2020). Available at: https://www.sbvv.cn/chachong/4616.html (Date of access: 15.09.2020). Text: electronic.

8. 52wmb.com. 2020 [sayt] (52wmb.com. 2020 [website]). Available at: https://www.52wmb.com/new/514 (Date access: 15.09.2020). Text: electronic.

9. Klimova G.V. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»* (Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law"), 2013, no. 3, pp. 45–51. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-printsipy-postroeniya-modeli-otsenki-postavschika/viewer (Date of access: 15.09.2020). Text: electronic.

10. Klipin A. O., Beregova G. M., Shupletsov A. F. *Perspektivy razvitiya fundamentalnyh nauk: sb. nauch. trudov XVI Mezhdunar. konf. stud., aspirantov i molodyh uchenyh / pod red. I. A. Kurzinoy, G. A. Voronovoy* (Prospects for the development of fundamental sciences: collection of scientific works of the XVI International Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists / ed.by I. A. Kurzina, G. A. Voronova). Tomsk: National Research Tomsk Polytechnic University, 2019, pp. 84–86.

11. Klipin A. O., Li S. *Problemy upravleniya proizvodstvennymi i innovatsionnymi sistemami: materialy statey Vseros. nauch.-prakt. konf*. (Problems of production and innovation systems' management: Collected articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference). Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University, 2018, pp. 61–63.

12. Malyukova S. M., Belyakova E. V. *Aktualnye problemy aviatsii i kosmonavtiki.* (Actual problems of aviation and cosmonautics). 2015, pp. 865–868. Available at: https://www.chinca.org/CICA/info/20032709411611 (Date of access: 15.09.2020). Text: electronic.

13. Poloskova M. I. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* (Economics and Business: theory and practice), 2016, no. 1, pp. 1–2.

14. Tsyao I. *Xian Technological University Press* (Xian Technological University Press), 2012, no. 8, pp. 254–258.

15. Sharonova D.M. *Simvol nauki* (A symbol of science), 2016, no. 12-1, pp. 269–273.

16. Shulga M. V. Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki (Problems of economics and law practice), 2012, no. 5, pp. 130–134. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-formirovaniya-vybora-post-avschika/viewer (Date of access: 15.09.2020). Text: electronic.

17. Beregova G., Klipin A., Shupletsov A. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. New Technologies and Special-Purpose Development Priorities* (IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. New Technologies and Special-Purpose Development Priorities), 2019, pp. 12–13.

Коротко об авторе **Briefly about the author**

Линь Пэн, аспирант, кафедра менеджмента, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия. Область научных интересов: экономика промышленности, внешнеторговая деятельность, международные отношения, риск-менеджмент
malex1j@yandex.ru

Lin Peng, postgraduate, Management department, National Kesearch Irkutsk State Technical University, Irkutsk, Russia. Research interests: industrial Economics, foreign trade, international relations, risk management

Образец цитирования

Линь Пэн Формирование модели оценки рисков при выборе иностранного поставщика по внешнеторговому контракту // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 82–87. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-82-87.

Lin Peng Formation of a risk assessment model when selecting a foreign supplier under a foreign trade contract// Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 82–87. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-82-87.

Статья поступила в редакцию: 10.12.2020 г.
Статья принята к публикации: 14.12.2020 г.

УДК 338.47
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-88-98

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

THE PROCESS OF THE REGION'S TRANSPORT SYSTEM FORMATION: MAIN FACTORS OF INFLUENCE

М. С. Оборин, Пермский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г. Пермь
recreachin@rambler.ru

M. Oborin, Perm Institute (branch) of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Perm

Транспортная система оказывает ключевое влияние на инфраструктурное развитие регионов страны, способствует повышению качества продукции отраслей материального производства, улучшает качество жизни населения и доступность значимых экономических, социальных и культурных объектов. Статья посвящена исследованию факторов, формирующих транспортную систему регионов, связанных с географическими и социально-экономическими особенностями территорий. Выявлены и охарактеризованы специфические факторы, оказывающие влияние на структуру транспортной системы и темпы ее формирования в субъектах страны. Приведена классификация регионов и транспортных инфраструктур. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что транспортная инфраструктура напрямую связана с системами жизнеобеспечения региона, оказывает непосредственное влияние на производственные отрасли, способствует эффективному функционированию и развитию производственной сферы.

Цель работы – изучение основных и специфических факторов, влияющих на развитие транспортных систем в регионах России.

Методология и методы исследования: системный, ситуационные подходы, анализ и описание теоретико-методологических факторов, определяющих перспективы формирования транспортной системы как элемента региональной экономики и инструмента реализации стратегических целей и задач.

Результаты исследования. В статье рассмотрены разные подходы к развитию эффективного функционирования транспортной инфраструктуры, приведена классификация транспортной инфраструктуры региона, определены специфические факторы влияния на развитие транспортной системы. Проведен анализ транспортной системы Краснодарского края и определены стратегические направления ее улучшения.

Выводы. Результаты проведенного анализа показали, что, несмотря на диверсификацию транспортных путей в Краснодарском крае (водный, железнодорожный транспорт), значительная доля приходится на автомобильные перевозки. Одним из перспективных направлений развития транспортной системы является цифровизация. Интеллектуальные системы позволят оказывать инновационные комплексные транспортные услуги в зависимости от постоянно меняющихся потребностей клиента. Для улучшения региональной транспортной системы необходимо совершенствовать виды дорожных сетей и разрабатывать современную нормативную базу транспортной сферы

Ключевые слова: *транспортная система; транспортная инфраструктура; специфические факторы; эффективность функционирования; природно-климатические условия; рельефные и географические особенности; логистика; грузооборот; взаимосвязанные отрасли; социально-экономическое развитие региона*

The transport system is an important part of the infrastructure of the Russian Federation, the development of which contributes to economic growth and stability, guarantees the integrity of the state, national security and defense of the country, improves the life of the population, and brings the Russian state closer to the world economic level. The article examines the factors that influence the development of transport infrastructure in the region. Specific regional features and their significance in the development of transport infrastructure are identi-

© М. С. Оборин, 2020

fied, and a classification of regions and transport infrastructures is proposed. The relevance of the research topic is related to the fact that transport infrastructure is directly connected with the life support systems of the region, has a direct impact on the production sectors, and contributes to the effective functioning and development of the production sector.

The purpose of the article is to study approaches and factors affecting the development of transport systems in the regions of Russia.

Research methods: system, situational approaches, analysis and description of theoretical and methodological factors that determine the prospects for socio-economic development of the region based on the coordination of strategic goals of regional policy with the goals of transport infrastructure development.

Results. The article considers different approaches, classifies the transport infrastructure of the region, and identifies specific factors that influence the development of the transport system. The analysis of the transport system of the Krasnodar territory was carried out and strategic directions for its improvement were determined.

Conclusions. The results of the analysis have shown that despite the diversification of transport routes in the Krasnodar territory (water, rail transport), a significant share is accounted for by road transport. Digitalization is one of the most relevant and promising areas of development of the transport system. Intelligent systems will allow to provide innovative integrated transport services, depending on the constantly changing needs of the client. To improve the regional transport system, it is necessary to improve the types of road networks and develop a modern regulatory framework for the transport sector

Key words: *transport system, transport infrastructure, specific factors, operational efficiency, natural and climatic conditions, relief and geographical features, logistics, cargo turnover, interconnected industries, socio-economic development of the region*

Введение. Формирование транспортной инфраструктуры характерно влиянием общих региональных факторов и специфических факторов региона. Внутренние и внешние факторы оказывают влияние на всю транспортную систему. Общие факторы формируются под влиянием внутренней и внешней среды, которая связана с транспортной системой. Научный потенциал транспортной инфраструктуры, потенциал для управления инновациями, для инноваций и инвестиций, для производства, человеческие ресурсы и инновационный маркетинговый потенциал связаны с факторами внутреннего воздействия на транспортную систему. Внешняя среда влияет на транспортную систему через такие факторы, как спрос, конкурентоспособность, экологические, политические и социальные факторы [4; 7; 10]. Демографический, экономический, научно-технический прогресс также оказывает влияние на транспортную систему. Роль специфических факторов имеет большое значение для развития транспортной системы регионов. К специфическим относятся климатические, географические, экологические, социальные и политические факторы.

Рассмотрим влияние специфических факторов на развитие транспортной системы в регионах. В регионах с неблагоприятными климатическими особенностями, например, заболоченными территориями или зонами вечной мерзлоты, стоимость транспортной инфраструктуры увеличивается [2; 6; 15]. К специфическим географическим факторам относится рельеф местности. В регионах со сложным рельефом соответственно также увеличивается стоимость транспортной инфраструктуры. Специфические социальные факторы включают плотность населения, территориальное разделение труда. В регионах с низкой плотностью населения транспортная инфраструктура намного дороже. К специфическим экологическим факторам относятся экологические стандарты и нормативы. В регионах, где расположены природоохранные зоны, растут и затраты на транспортную инфраструктуру. Территориальное и национальное единство страны, а также внешнеполитическая политика относятся к специфическим политическим факторам развития транспортной инфраструктуры [13; 14].

Сформировавшаяся инфраструктура и экономика являются ограничивающими факторами развития транспортных инфраструктур в регионах (табл. 1).

Перечисленные подходы эффективного функционирования транспортной инфраструктуры должны способствовать ее формированию с учетом социально-экономического потенциала региона, а также опережающего развития, степени влияния на социально-экономическое развитие субъекта страны.

Таблица 1

Специфические факторы влияния развития транспортной системы [1; 3] / Specific factors influence of the transport system development

Сформировавшаяся инфраструктура / Established infrastructure	**Экономика / Economy**
Возможности транспортной инфраструктуры формировались с учетом ресурсных и технологических ограничений / The possibilities of transport infrastructure were formed taking into account resource and technological constraints	Институциональные субъекты транспортной системы – перевозчик, собственники транспорта – должны получать выгоду от развития региональных транспортных систем / Institutional subjects of the transport system – the carrier, transport owners should benefit from the development of regional transport systems
Все транспортные средства ограничены по объему и скорости движения товаров / All vehicles are limited in terms of volume and speed of movement of goods	Окупаемость инвестиций в модернизацию транспортной системы / Return on investment in the modernization of the transport system
При грузоподъемности автомобильной трассы выше семи тонн необходима перепланировка для выносливости дороги большего объема / When the carrying capacity of the highway is above seven tons, redevelopment is necessary for the endurance of a larger road	Рентабельность перевозок за счет низких расходов на реализацию / Profitability of transportation due to low sales costs

Использование данных подходов имеет ряд ограничений из-за влияния специфических факторов, связанных с техническими, экономическими и эксплуатационными ограничениями имеющихся видов транспорта, что существенно снижает темпы модернизации транспортной инфраструктуры.

Таблица 2

Влияние специфических факторов на развитие транспортной системы [5; 7; 17] / Influence of specific factors on the development of the transport system

Виды транспорта / Mode of transport	**Специфические факторы влияния /Specific factors of influence**		
	Плотность населения / Population density	Рельеф местности / Terrain	Климатические условия / Climate conditions
Железнодорожный транспорт / Railway transport	Средняя плотность, плотность выше среднего значения / Average density, higher than average density	Равнинный, холмистый, предгорный. Примерно 70 % железных дорог в России имеют подъем 6–10 %, кроме арктического и полярного полюсов / Flat, hilly, foothill. Approximately 70 % of Railways in Russia have a lift of 6 to 10 %, except for the Arctic and polar poles	Различные климатические условия. Повышенные эксплуатационные расходы в регионах, которым свойственна вечная мерзлота и в своей основе болотистые зоны / Various climatic conditions. Increased operating costs in regions characterized by permafrost and inherently wetlands
Автомобильный транспорт / Road transport	Средняя плотность, плотность выше среднего значения / Average density, higher than average density	Равнинный, холмистый, предгорный. Кроме арктического и полярного полюсов / Flat, hilly, foothill. Except for the Arctic and polar poles	Различные климатические условия. Повышенные эксплуатационные расходы в регионах с суровым климатом (вечная мерзлота, болота) / Different climatic conditions. Increased operating costs in regions with unfavorable climatic conditions (permafrost, swamps)
Авиатранспорт / Air transport	Средняя плотность, плотность выше среднего значения / Average density, higher than average density	Несущественно / Insignificantly	Несущественно / Insignificantly
Речной транспорт / River transport	Второстепенно / Secondary	Развитая сеть рек / A well-developed network of rivers	Повышенные эксплуатационные расходы в районах с длительным ледниковым периодом / Increased operating costs in areas with a long ice age
Морской транспорт / Sea transpor	Второстепенно / Secondary	Морские зоны Offshore zone	Различные климатические условия. Повышенные эксплуатационные расходы в регионах с длительным ледовым периодом / Different climatic conditions. Increased operating costs in regions with a long ice period

Из данных табл. 2 видим, что перспективным направлением работы транспортной отрасли является железнодорожный транспорт. Однако для более эффективного его функционирования необходимо повысить плотность населения как минимум до 8,5 м² на территории России. Зоны арктического и полярного полюса ограничены в применении данного вида транспорта; таким образом, развитие данных территорий является сложным вопросом и подход, основанный на опережающем развитии, не приемлем для них.

Северные территории Российской Федерации богаты природными ресурсами, полезными ископаемыми, но без развитой транспортной инфраструктуры формировать стратегию развития экономики этих территорий очень сложно. Чтобы определить особенные характеристики развития транспортной инфраструктуры регионов, необходимо их классифицировать (табл. 3).

Таблица 3

Классификация транспортной инфраструктуры регионов [9; 12; 16] / Classification of regional transport infrastructure

Специфика регионов / Regional specifics	**Транспортная инфраструктура / Transport infrastructure**	**Специфические особенности транспортной инфраструктуры / Specific features of transport infrastructure**
Благоприятный климат, высокая плотность населения / Favourable climate, high population density	Железнодорожный транспорт, авиация, автомобили, водный транспорт / Railway transport, aviation, automobiles, water transport	Достаточно рентабельная транспортная инфраструктура благодаря низким расходам на ее формирование и эксплуатацию, большие объемы грузов и большое количество пассажиров. Высокий уровень конкуренции между транспортными компаниями и видами транспорта / Fairly cost-effective transport infrastructure, due to low costs for its formation and operation, large volumes of cargo and a large number of passengers. High level of competition between transport companies and modes of transport
Специфический климат, высокая плотность населения / Specific climate, high population density	Железнодорожный транспорт, авиация, автомобили, водный транспорт / Railway transport, aviation, automobiles, water transport	Формирование транспортной инфраструктуры довольно затратное, как и ее эксплуатация. Рентабельность стабильная, благодаря большим объемам грузов и большому количеству пассажиров. Высокий уровень конкуренции между транспортом / The formation of transport infrastructure is quite expensive, as well as its operation. Profitability is stable, thanks to large volumes of cargo and a large number of passengers. High level of competition between transport
Специфический климат, низкая плотность населения / Specific climate, low population density	Железнодорожный транспорт, авиация, автомобили, водный транспорт / Railway transport, aviation, automobiles, water transport	Высокая стоимость формирования транспортной инфраструктуры. Большинство перевозок финансирует государство. Уровень конкуренции низкий / High cost of forming transport infrastructure. Most transportation is financed by the state. The level of competition is low

Классификация регионов и их транспортной инфраструктуры показывает, что регионы, которым присущи специфические климатические условия и низкая плотность населения, имеют слабо развитую транспортную инфраструктуру; необходимо сформировать новую стратегию развития данных территорий, поскольку неразвитая транспортная система сдерживает общее развитие экономики субъектов и в целом страны.

Важная роль транспорта отражается в структуре региональной экономики. Отрасли по-разному реагируют на изменения в транспортной системе, поэтому существует несколько видов деятельности, одинаково реагирующих на преобразования в логистике.

К первой группе относятся финансовые отрасли, отрасли высоких технологий, обрабатывающей промышленности, в которых преобразования в транспортировке порождают рекомбинацию бизнес-процессов с вовлечением других территорий и субъектов. В такой ситуации фирмы будут увеличивать свои транспортные расходы в общих расходах, искать способы снизить затраты и соответствовать рынкам сбыта, а также делать доставку товаров более мобильной и безопасной.

Вторая группа включает разделы, ориентированные на экспорт и замещающие импорт. Компании в этих секторах работают только вне своих внутренних рынков. Преоб-

разования транспортной системы способствуют более эффективному развитию данных отраслей, являющихся основными для вывода национального хозяйства на высокий уровень [8].

В третью группу входят сферы деятельности, связанные с предпринимательством, ориентированные на внутренний рынок сбыта. Сферы деятельности включают розницу, строительный бизнес, транспортную сеть, местных сервисных подрядчиков, бытовое обслуживание и часть отраслевых организаций; они не нуждаются в длительной транспортировке, поэтому изменения в транспортной системе мало влияют на них.

Развитие транспортного комплекса оказывает влияние на формирование экономики как своих территорий, так и на экономическое развитие регионов. Непрямые действия транспортной сети обусловлены развитием конкурентоспособности региона через инфраструктуру.

На макроэкономическом уровне развитие интеграции регионов и экономики их определяется формированием транспортного комплекса. Одним из ключевых элементов всей производственной системы является транспортный комплекс. Благодаря развитой транспортной сети обеспечивается быстрая перевозка и сохранность товаров. Транспорт – это территориальное сообщение, обеспечивающее беспрепятственную транспортировку грузов в регионе. Кроме того, развитие экономики региона способствует росту спроса на услуги грузового и пассажирского транспорта.

Результаты работы и область их применения. Транспортная система – важная часть инфраструктуры Российской Федерации. Развитие транспортной системы способствует экономическому росту и стабильности, гарантирует целостность государства, национальную безопасность и оборону страны, способствует улучшению жизни населения, приближает российское государство к мировому экономическому уровню. Транспортная сеть является сектором, обеспечивающим транспортировку грузов и населения, и в то же время межотраслевым комплексом, меняющим условия жизни и управления [5, с. 3].

Транспортная инфраструктура взаимодействует с системами жизнеобеспечения региона, оказывает непосредственное влияние на производственные отрасли и способствует эффективному функционированию и развитию всех сфер производства региона.

Единой трактовки термина «транспортная система» нет. Рассмотрим существующие определения: С. В. Ганзин под транспортной системой понимает сеть путей сообщения, объединенных территориально [4, с. 27]; О. Г. Илларионова, И. В. Платонова считают, что транспортная система – это совокупность функциональных подсистем, критерием разграничения которых является транспортное средство, обеспечивающее движение некоторых объектов [6, с. 19]; по мнению Ю. И. Куликова, транспортная система включает все виды автотранспорта, дороги, погрузочно-разгрузочные, информационно-вычислительные системы и другие объекты производственной инфраструктуры по видам транспорта для государства, региона или мегаполиса. Транспортная система делится на общественный и частный транспорт. Первый из них предназначен для обслуживания сферы обращения и населения [14, с. 51].

Общественный транспорт – это железнодорожный, водный, автомобильный, воздушный и трубопроводный транспорт. Частный транспорт – внутрипромышленный транспорт, а также автомобили всех типов, принадлежащие нетранспортным компаниям, которые входят в состав производства. При транспортировке определенного груза учитываются особенности и параметры различных транспортных средств, под этот груз подбирается подходящее транспортное средство. Транспорт классифицируется следующим образом: автомобильный, железнодорожный, морской, внутренний водный транспорт, воздушный, трубопроводный.

Одним из самых распространенных является автомобильный транспорт. Его выгодно использовать для транспортировки на сравнительно небольшие расстояния. Плюсом является и его высокая маневренность. При использовании автомобильного транспорта перевозки могут осуществляться в любое время и малыми партиями. Однако себестоимость автотранспортировки достаточно высока, небольшая грузоподъемность является ограничивающим фактором.

По сравнению с автомобильным железнодорожный транспорт относительно недорог. При организации перевозок требуется учитывать расписание поездов. Отрицатель-

ным моментом является отсутствие конкуренции в отношении данного вида транспорта.

При всех своих положительных характеристиках морской транспорт – самый крупногабаритный в сфере международных перевозок. Плюсами морского транспорта являются дешевые грузовые тарифы и высокая грузоподъемность. Внутренний водный транспорт характеризуется дешевыми грузовыми тарифами.

Воздушный транспорт характеризуется наиболее высокой скоростью по сравнению с другими видами транспорта. Однако стоимость его услуг превосходит тарифы на другие транспортные средства. Кроме того, он чувствителен к неблагоприятным погодным условиям.

Специфическим транспортным средством является трубопроводный транспорт. Основное его преимущество – безопасность транспортировки и сохранность товаров, а минус – узкая номенклатура [15, с. 59].

Рассмотрим транспортную систему Краснодарского края. Протяженность дорог на территории региона представлена в табл. 4.

Таблица 4

Анализ протяженности дорог в Краснодарском крае [9] / Analysis of the length of roads in the Krasnodar territory

Показатели /Indicators	**Км / Km**				**Изменение в 2018 г. к 2015 г. / Change in 2018 to 2015**	
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	абсолютное, + /– absolute, + /–	относительное, % relative, %
Железнодорожные пути общего пользования / Railway lines for general use	2140	2140	2140	2206	66	3,1
Автомобильные дороги – всего, в т. ч.: / Highways-total, including	46601	48991	48440	50097	3496	7,5
– общего пользования / general use	40199	40898	41080	42277	2078	5,2
– необщего пользования / non-public use	8402	8094	7360	7820	–582	-6,9
Трамвайные троллейбусные пути / Tram and trolleybus ways	186	186	186	186	0	0,0
Магистральные трубопроводы / Main pipelines	12869	13737	13748	13815	946	7,35
Внутренние водные судоходные пути / Inland waterways	457	457	457	457	0	0,0

За период исследования на территории края отмечено улучшение ситуации с транспортной инфраструктурой. В 2018 г. по сравнению с 2015 г. возросла протяженность автомобильных дорог на 3496 км. Увеличилась протяженность автомобильных дорог общего пользования на 2078 км. Протяженность трамвайных и троллейбусных путей, как и внутренних водных судоходных, не претерпела изменений.

В регионе функционируют четыре международных аэропорта, в т. ч. крупнейший на юге России – «Пашковский». Это позволяет осуществлять комфортные авиапутешествия в города России и другие страны. По территории края проходит Северо-Кавказская железная дорога. Территория Краснодарского края включает девять крупных морских портов – Новороссийск, Туапсе, Ейск, Кавказ, Анапа, Геленджик, Сочи, Темрюк и Краснодар. По территории региона проходят крупные транспортные коридоры, связывающие край со всеми ключевыми регионами страны.

Таблица 5

Анализ динамики перевезенных грузов в Краснодарском крае [4] / Analysis of the dynamics of transported cargo in the Krasnodar territory

Показатели / Indicators	**2015 г.**	**2016 г.**	**2017 г.**	**2018 г.**	**Изменение в 2018 г. к 2015 г. / Change in 2018 to 2015**	
					абсолютное, + /– absolute, + /–	относительное, % / relative, %
Перевезено грузов транспортом общего пользования, млн т: / Cargo transported by public transport, million tons						
– автомобильным / by car	14,7	18,7	15,7	17,6	2,9	19,7
– водным / by water	2,1	4,5	3,1	2,1	0	0,0
Грузооборот транспорта общего пользования, млрд т-км / Cargo turnover of public transport, billion rubles. t-km						
– автомобильного / automotive	4,4	5,3	5,5	6,1	1,7	38,6
– водного / water	0,1	0,03	0,1	0,03	–0,07	–70,0

Согласно данным табл. 5, масса перевезенных грузов автомобильным транспортом в 2018 г. увеличилась по сравнению с 2015 г. на 2,9 млн т. Однако наибольшее значение данного показателя установлено в 2016 г. – 18,7 млн р. Масса грузов, перевозимых водным транспортом, существенно ниже показателей автомобильного транспорта. В 2018 г. масса грузов составила 2,1 млн т. При этом грузооборот водного транспорта сократился в 2018 г. по сравнению с 2015 г. на 3,07 млн т, или 99 %. А грузооборот автомобильного транспорта характеризуется тенденцией к росту в 2015–2018 гг. Темп прироста составил 38,6 %.

Данные рис. 1 свидетельствуют о том, что в структуре грузооборота преобладает грузооборот автомобильного транспорта. В 2018 г. данный показатель составил 99,5 %. Доля водного транспорта в грузообороте составляет менее 1 %.

Показатели, характеризующие пассажирские перевозки в Краснодарском крае, представлены в табл. 6.

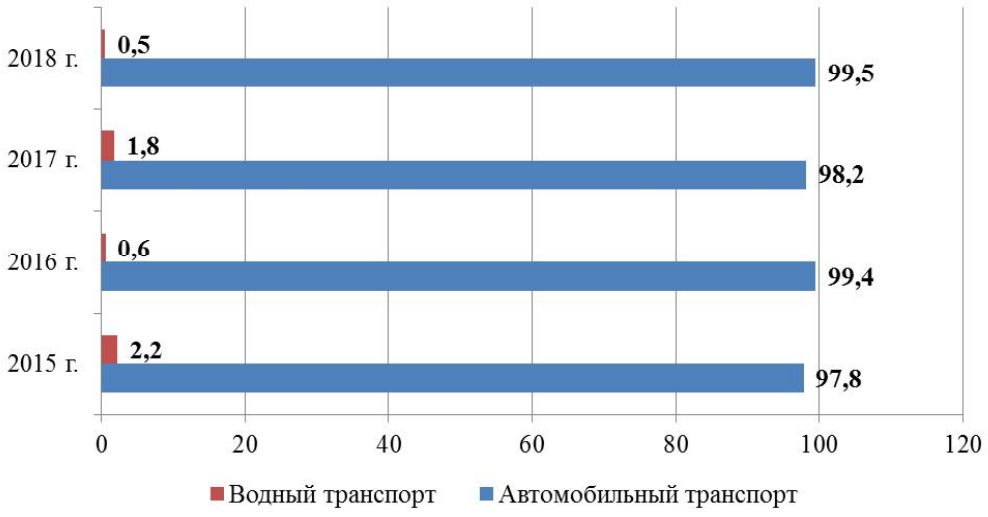


Рис. 1 . Структура грузооборота, % / Fig. 1. the Structure of cargo turnover, %

Таблица 6

Характеристика пассажирских перевозок в Краснодарском, крае [4] / Characteristics of passenger transport in the Krasnodar region

Показатели / Indicators	**2015 г.**	**2016 г.**	**2017 г.**	**2018 г.**	**Изменение в 2018 г. к 2015 г. / Change in 2018 to 2015**	
					абсолютное, + /- absolute, + /-	относительное, % relative, %
Пассажиры, перевозимые общественным транспортом, млн чел., в т. ч. / Passengers transported by public transport, million people, including						
– автомобильным (автобусным) / by car (bus)	301,5	310,1	301,9	292,5	–9	–3,0
– городским электрическим / by city electric	118,1	110,4	106,2	103,7	–14,4	–12,2
– водным / by water	1,1	3,1	2,3	0,6	–0,5	–45,5
Пассажирские перевозки в общественном транспорте, млн пасс.-км, в т. ч. / Passenger transportation in public transport, million pass-km, including						
– автомобильным (автобусным) / by car (bus)	4332	4316	4232	4157	–175	–4,0
– городским электрическим / by urban electric	357	335	322	314	–43	–12,0
– водным / by water	12	22	23	14	2	16,7

Данные табл. 6 показывают, что количество перевезенных пассажиров всеми видами транспорта общего пользования снизилось. Автомобильным (автобусным) транспортом в 2018 г. по сравнению с 2015 г. перевезено на 9 млн человек меньше. Наибольшее снижение количества перевезенных пассажиров приходится на городской электрический транспорт. За анализируемый период снижение составило 14,4 млн человек, или 12,2 %. Пассажирооборот также снизился по всем видам транспорта общего пользования, за исключением водного, где увеличение дохода в 2018 г. по отношению к 2015 г. составило 2 млн р.

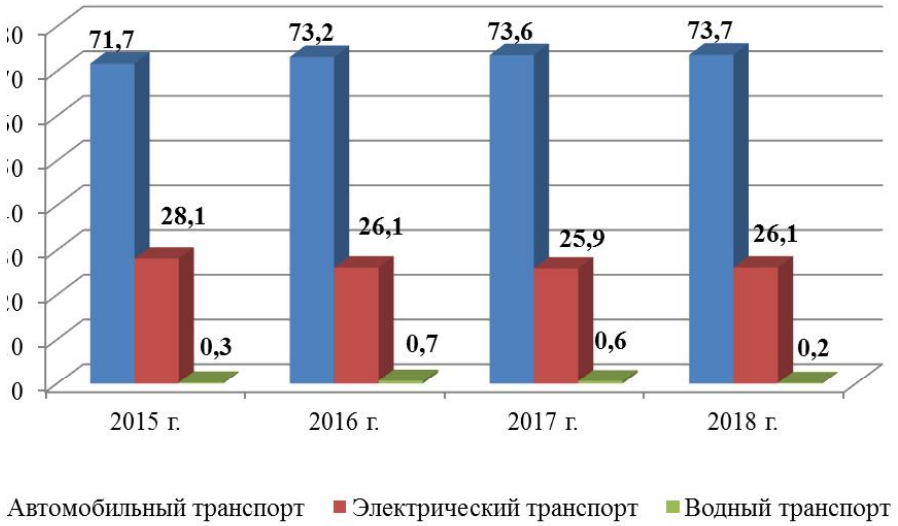


Рис. 2. Структура количества перевезенных пассажиров, % / Fig. 2. Structure of the number of passengers carried, %

Данные рис. 2 демонстрируют, что более 70 % в общей структуре количества перевезенных пассажиров приходится на автомобильный транспорт. Следует отметить тенденцию к росту данного показателя. Доля, приходящаяся на водный транспорт на конец 2018 г., снизилась до наименьшего значения и составила 0,2 %.

На развитие транспортных систем в регионах оказывает влияние целый ряд факторов, представленных на рис. 3.

Рис. 3. Факторы, влияющие на развитие транспортной системы региона [11; 18]
Fig. 3. Factors affecting the development of the region's transport system

Для улучшения региональной транспортной системы необходимо совершенствовать виды дорожных сетей и современную нормативную базу транспортной сферы.

Заключение. В развитии транспортной системы следует выделить несколько направлений. Во-первых, необходимо улучшать транспортное сообщение с теми территориями региона, в которых автомобильные дороги отсутствуют или характеризуются плохим качеством. Во-вторых, активнее использовать электрический транспорт, как наиболее экологически чистый (его доля в транспортной системе Краснодарского края незначительна).

Одним из главных направлений в развитии РФ в целом на последующие годы является внедрение цифровых технологий. Это актуальный тренд повышения конкурентоспособности транспортных компаний на современном рынке. Реализация целей цифровизации потребует масштабной интеграции интернет-технологий в транспортной отрасли – это создание единых цифровых платформ, внедрение новейших IT-технологий, введение в эксплуатацию беспилотных транспортных средств. В итоге данные мероприятия позволят улучшить качество перевозок и уменьшить издержки. В рамках развития данного направления требуется создание единой цифровой среды для взаимосвязанных систем и технологий по организации движения и управлению всеми видами транспорта участниками транспортной системы. Потребуется обеспечить переход на электронный документооборот, внедрить интеллектуальные транспортные системы.

Транспортная система является важным элементом экономики региона. Элементами транспортной системы являются не только разные виды транспорта, но и системы управления транспортом, транспортные узлы и др. Каждый вид транспорта имеет преимущества и недостатки. Как показали резуль-

таты проведенного анализа, несмотря на то, что в Краснодарском крае имеются и водные, и железнодорожные пути, значительная доля приходится на автомобильный транспорт. Одним из актуальных и перспективных направлений развития транспортной системы является цифровизация. Интеллектуальные перевозки позволят оказывать инновационные комплексные транспортные услуги в зависимости от постоянно изменяющихся потребностей клиента.

Список литературы

1. Бакланов П. Я. Транспортные звенья и их основные функции в территориальных социально-экономических системах // Геосистемы в Северо-Восточной Азии. Типы, современное состояние и перспективы развития: сб. науч. статей. Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2018. С. 10–14.

2. Боброва В. В., Бережная Л. Ю. Исследование проблем развития транспортной инфраструктуры (на примере регионов Приволжского федерального округа) // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16, № 12. С. 2292–2302.

3. Боброва В. В., Бережная Л. Ю. Направления совершенствования транспортной инфраструктуры Оренбургской области // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 1. С. 93–96.

4. Ганзин С. В. Транспортная инфраструктура: учеб. пособие. Волгоград: ВолГТУ, 2018. 80 с.

5. Дубровская, Ю. В., Копнинцева, Н. М., Поздеева, А. Н. Транспортная инфраструктура как фактор экономического роста региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. С. 293–296.

6. Илларионова О. Г. Статистическое исследование состояния и тенденций развития транспортной инфраструктуры РФ // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Экономика». 2018. № 2. С. 18–25.

7. Колчинская Е. Э. Влияние транспортной инфраструктуры на промышленное развитие регионов России // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 2. С. 77–82.

8. Комов М. С. Противоречия, проблемы и предпосылки региональной экономической интеграции // Сегодня и завтра российской экономики. 2018. № 83–84. С. 83–90.

9. Кузнецов И. А. Актуальные тенденции развития стратегических альянсов и партнерств в России // Транспортное дело России. 2016. № 4. С. 181–186.

10. Куликов Ю. И. Автомобильный транспорт в транспортной системе России: учеб. пособие. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. 246 с.

11. Лин У. Транспортное обеспечение и практика производства подвижных средств // Прогресс в географии человека. 2018. № 42. С. 92–111.

12. Морковин В. А., Сушков С. И. Факторы развития транспортной инфраструктуры лесного сектора России // Эспасиос. 2018. № 39. С. 12.

13. Сафронов Э. А. Транспортные системы городов и регионов: учебное пособие. М.: Изд. АСВ, 2007. 288 с.

14. Транспортная логистика: организация перевозки грузов: учеб. пособие / под ред. А. М. Петровой. М.: Инфра-М, 2017. С. 123.

15. Управление федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. [Сайт]. URL: https://krsdstat.gks.ru (дата обращения: 17.09.2020). Текст: электронный.

16. Melo P.C., Graham D.J., Levinson D., Aarabi S. Agglomeration, accessibility and productivity: evidence for large metropolitan areas in the US. Urban Stud, 2017.

17. Suresh Chavhan, Pallapa Venkataram. Commuters' traffic pattern and prediction analysis in a metropolitan area // Journal on Vehicle Routing Algorithms. March 2018, Vol. 1, Issue 1, pp. 33–46.

18. Wang, L., Xue, X., Zhao, Z., & Wang, Z. The impacts of transportation infrastructure on sustainable development: emerging trends and challenges // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2018. № 15. P. 1172.

References

1. Baklanov P. Ya. *Geosistemy v Severo-Vostochnoy Azii. Tipy, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: sb. nauch. statey* (Geosystems in northeast Asia. Types, present state and prospects of development: collection of scientific works. Articles). Vladivostok: Pacific Institute of geography Feb RAS, 2018. P. 10–14.

2. Bobrova V. V., Berezhnaya L.YU. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* (Regional economy: theory and practice), 2018, vol. 16, no. 12, pp. 2292–2302.

3. Bobrova V. V., Berezhnaya L. Yu. *Azimut nauchnyh issledovaniy: ekonomika i upravlenie* (Azimuth of scientific research: Economics and management), 2019, vol. 8, no. 1, pp. 93–96.

4. Ganzin S. V. *Transportnaya infrastruktura: ucheb. posobie* (Transport infrastructure: study guide). Volgograd: VolGTU, 2018, 80 p.

5. Dubrovskaya, Yu. V., Kopnintseva, N. M., Pozdeeva, A. N. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* (Humanities, socio-economic and social sciences), 2017, pp. 293–296.

6. Illarionova O. G. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Ekonomika" (Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Economy"), 2018, no. 2, pp. 18–25.

7. Kolchinskaya E.E. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava* (Actual problems of Economics and law), 2016, no. 2, pp. 77–82.

8. Komov, M. S. *Segodnya i zavtra rossiyskoy ekonomiki* (Today and tomorrow of the Russian economy), 2018, no. 83–84, pp. 83–90.

9. Kuznetsov I. A. *Transportnoe delo Rossii* (Transport business of Russia). 2016. no. 4, pp. 181–186.

10. Kulikov Yu. I. *Avtomobilny transport v transportnoy sisteme Rossii: ucheb. posobie* (Road transport in the transport system of Russia: study guide). Khabarovsk: Publishing house of the Pacific State University, 2012, 246 p.

11. Lin U. *Progress v geografii cheloveka* (Progress in human geography), 2018, no. 42, pp. 92–111.

12. Morkovin V. A., Sushkov S. I. *Espasios* (Espacios), 2018, no. 39, p. 12.

13. Safronov E. A. *Transportnye sistemy gorodov i regionov: ucheb. posobie* (Transport systems of cities and regions: a textbook). Moscow: publishing house of the DIA, 2007. 288 p.

14. *Transportnaya logistika: organizatsiya perevozki gruzov: ucheb. posobie / pod red. A. M. Petrovoy* (Transport logistics: organization of cargo transportation: study. manual / edited by A. M. Petrova). Moscow: Infra-M, 2017. P. 123.

15. *Upravlenie federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Krasnodarskomu krayu i Respublike Adygeya* (Department of the Federal state statistics service for the Krasnodar territory and the Republic of Adygea. [Website]). Available at: https://krsdstat.gks.ru (Date of access: 17.09.2020). Text: electronic.

16. Melo P. C., Graham D. J., Levinson D., Aarabi S. *Agglomeration, accessibility and productivity: evidence for large metropolitan areas in the US* (Agglomeration, accessibility and productivity: evidence for large metropolitan areas in the US). Urban Stud, 2017.

17. Suresh Chavhan, Pallapa Venkataram. *Journal on Vehicle Routing* (Journal on Vehicle Routing Algorithms), March 2018, vol. 1, Issue 1, pp. 33–46.

18. Wang, L., Xue, X., Zhao, Z., & Wang, Z. *International Journal of Environmental Research and Public Health* (International Journal of Environmental Research and Public Health), 2018, no. 15, pp.1172.

Коротко об авторе **Briefly about the author**

Оборин Матвей Сергеевич, д-р экон. наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики, Пермский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова; профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории, Пермский государственный национальный исследовательский университет; профессор кафедры менеджмента, Пермский государственный аграрно-технологический университет им. Д. Н. Прянишникова г. Пермь, Россия. Область научных интересов: региональная экономика, сельский туризм, экономика курортного дела, экономика туризма, экономика АПК, устойчивое развитие региона, сфера услуг recreachin@rambler.ru

Matvey Oborin, doctor of economic sciences, professor, Economic Analysis and Statistics department, Perm Institute (branch) of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov; professor, World and Regional Economics department, Economic Theory, Perm State National Research University; professor, Management department, Perm State Agrarian-Technological University named after D. N. Pryanishnikov, Perm, Russia. Sphere of scientific interests: regional economy, rural tourism, economy of resort business, economy of tourism, economy of AIC, sustainable development of the region, sphere of services

Образец цитирования

Оборин М. С. Процесс формирования транспортной системы региона: основные факторы влияния // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 88–98. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-88-98.

Oborin M. The process of the region's transport system formation: main factors of influence // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 88–98. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-88-98.

Статья поступила в редакцию: 12.10.2020 г.
Статья принята к публикации: 22.12.2020 г.

УДК 631.1:635.1 /8(571.1 /5)
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-99-109

ВЛИЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ПРОДУКЦИЕЙ ОВОЩЕВОДСТВА

THE INFLUENCE OF HUMAN CAPITAL ON PROVIDING THE POPULATION OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT WITH VEGETABLE PRODUCTION

О. В. Ожогова,
Новосибирский государственный аграрный университет,
г. Новосибирск
ozhogova@yandex.ru

С. А. Шелковников,
Новосибирский государственный аграрный университет,
г. Новосибирск
shelkovnikov1@rambler.ru

И. Г. Кузнецова,
Новосибирский государственный аграрный университет,
г. Новосибирск
finka31081988@list.ru

O. Ozhogova,
Novosibirsk State Agrarian University,
Novosibirsk

S. Shelkovnikov,
Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk

I. Kuznetsova,
Novosibirsk State Agrarian University,
Novosibirsk

Овощеводство является важной подотраслью сельского хозяйства. От ее успешного функционирования зависит обеспечение населения региона овощной продукцией. В овощах содержатся необходимые человеку витамины, минералы, клетчатка, что делает их незаменимым продуктом питания. Авторами приведен анализ современного состояния производства и потребления овощной продукции в регионе и сделан прогноз потребности в овощной продукции до 2035 г., дан ряд рекомендаций для обеспечения в полной мере овощной продукцией населения региона.

Цель исследования – установить влияние человеческого капитала на обеспечение населения региона овощной продукцией и определить направления совершенствования.

Объект исследования – отношения в процессе формирования и развития человеческого капитала в овощеводстве.

Материалы и методы исследования. Авторы использовали данные Росстата и Сибирского таможенного управления. Применен монографический метод исследования, расчетно-конструктивный, абстрактно-логический.

Основное производство овощей сосредоточено в личных подсобных хозяйствах населения, а товарное – сосредоточено в крупных сельскохозяйственных организациях, тепличных комплексах. За последние годы в регионе наблюдается рост производства овощей защищенного грунта, что связано с запуском крупных современных тепличных комбинатов. Несмотря на это, объемы и ассортимент производства овощей открытого и защищенного грунта не позволяют в полной мере удовлетворять потребности населения региона в овощной продукции местного производства. Часть потребности в овощной продукции удовлетворяется за счет импорта овощей. Исследования показали, что население региона потребляет овощей все еще ниже рациональных медицинских норм, что требует изменения. Для полного удовлетворения потребности населения региона в овощной продукции необходимо перевести овощеводство региона на новый уровень развития технологий, что повлечет необходимость совершенствования, усиления человеческого капитала и в сельской сфере. По нашему мнению, главным показателем, характеризующим качество человеческого капитала, является количество работников с высшим профессиональным образованием, поэтому назрела необходимость перевода аграрного образования на более совершенный уровень подготовки высокопрофессиональных кадров

© О. В. Ожогова, С. А. Шелковников, И. Г. Кузнецова, 2020

Ключевые слова: *овощи; производство овощей; потребление; прогноз; человеческий капитал; образование; квалификация; продовольственное обеспечение; развитие и эффективность человеческого капитала; экспорт*

The purpose of the study is to study the impact of human capital on the provision of vegetable products to the population of the region and to identify areas for improvement.

Vegetable growing is an important sub-sector of agriculture. Providing the region's population with vegetable products depends on its successful operation. Vegetables contain essential vitamins, minerals, and fiber, which make them an essential food. The authors analyzed the current situation in production and consumption of vegetable products in the region and made a forecast of the need for vegetable products until 2035. The authors give a number of recommendations to ensure that the population of the region is fully provided with vegetable products.

The main production of vegetables is concentrated in private farms of the population, while commodity production is concentrated in large agricultural organizations and greenhouse complexes. In recent years, the region has seen an increase in the production of protected ground vegetables, which is associated with the launch of large modern greenhouse plants. Despite this, the volume and range of production of open and protected ground vegetables do not fully meet the needs of the region's population in local vegetable products. Part of the demand for vegetable products is met by importing vegetables. Studies have shown that the population of the region consumes vegetables still below the rational medical standards, which requires changes. To fully meet the needs of the region's population for vegetable products, it is necessary to transfer the region's vegetable production to a new level of development.

The transition of vegetable production to a new level of technology development also requires the development of human capital in the agricultural sector. In our opinion, the main indicator that characterizes the quality of human capital is the number of employees with higher professional education, so there is a need to transfer agricultural education to a new level of professional training

Key words: *vegetables; vegetable production; consumption; forecast; human capital; education; qualifications; food provision; development and efficiency of human capital; export*

Введение. Развитие человеческого капитала и переход на цифровые технологии в сельском хозяйстве являются основой устойчивого развития овощеводства региона и обеспечения населения овощной продукцией в необходимом объеме и с надлежащим качеством. Эффективность деятельности сельхозтоваропроизводителей рынка овощей напрямую зависит от применяемых современных технологий, а это требует соответствующего уровня развития человеческого капитала работников.

Объектом исследования являются отношения в процессе формирования и развития человеческого капитала в овощеводстве.

Материалы и методы исследования. Авторы использовали данные Росстата и Сибирского таможенного управления. Применен монографический метод исследования, расчетно-конструктивный, абстрактно-логический.

Разработанность темы. В широком смысле под человеческим капиталом понимается набор знаний и умений человека, способных приносить экономическую выгоду. А. Л. Пустуев и ряд других ученых дают определение человеческого капитала аграрной сферы как «сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в данной сфере общественного воспроизводства и обеспечивают доходы его носителю» [4, с. 93].

В своих трудах Н. А. Медведева и Н. И. Прока представляют «"человеческий капитал" как совокупность здоровья, знаний, умений, опыта, коммуникационного и психофизического потенциалов, используемых в производственной деятельности, обеспечивающих получение дохода человеку, организации и обществу в целом» [1, с. 198].

История формирования и развития человеческого капитала освещается в работах Г. Беккер, М. Блауга, Э. Долан, К. Менгер, И. Крэвис, Л. И. Абалкина, А. В. Корицкого, В. А. Кундиус, А. Л. Полтарыхина, В. Ф. Стукача, Н. И. Прока и др.

Исследование состояния рынка овощной продукции отражено в работах Ю. И. Агирбова, А. И. Алтухова, В. А. Клюкача, В. Г. Ларионова, Л. П. Силаевой, И. Ю. Чазовой, А. Т. Стадник, И. Г. Ушачева и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Основным показателем, с помощью которого можно охарактеризовать качество человеческого капитала в современной организации – это число сотрудников с высшим образованием. Корреляционный анализ, проведенный в предыдущих исследованиях, показал, что наибольшее влияние образовательный уровень работников сельского хозяйства оказывает на валовой выпуск сельскохозяйственной продукции.

Эффективность человеческого капитала в овощеводстве зависит от ряда факторов: уровня образования; опыта и состояния профессиональной квалификации; мотивации сотрудников сельскохозяйственных организаций к приобретению новых знаний и опыта и их применению в сельском хозяйстве. Важно привлечь молодых специалистов к работе в сельской местности, для этого необходимо развивать социальную инфраструктуру, чтобы жизнь в сельской местности была максимально комфортной. Иначе из-за потери привлекательности сельского образа жизни, уклада человеческий потенциал будет находить применение в других отраслях экономики. Для экономической эффективности функционирования овощеводства в долгосрочном периоде необходимо совершенствование интеллектуального и образовательного потенциала с учетом цифровизации аграрного производства.

Формирование и развитие человеческого капитала в овощеводстве должно осуществляться путем взаимодействия государственных органов, сельского населения, собственников и работников сельскохозяйственных организаций.

Необходима государственная поддержка формирования человеческого капитала. Государственная поддержка должна охватывать два основных направления:

1) совершенствование механизма подготовки высококвалифицированных работников для АПК;

2) совершенствование социально-экономического развития муниципальных образований. Все эти меры должны способствовать привлекательности сельского уклада, закреплению работников в сельской местности, повышению квалификации работников овощеводства, применению новых технологий, увеличению производства и реализации продукции.

Вопросы совершенствования продовольственного обеспечения населения Сибирского федерального округа качественными, безопасными и доступными по цене овощами весьма актуальны. Зарубежные страны часто поставляют овощи в Сибирские регионы с наличием гербицидов, пестицидов, превышающих нормы и др. Для сохранения здоровья граждан страны следует обеспечить их качественными продуктами питания и увеличить потребление овощей в свежем и переработанном виде.

Сибирский федеральный округ занимает более 25 % территории Российской Федерации, здесь проживает свыше 11 % населения страны. Площадь под овощными культурами составляет 6,5 % от общей площади под овощными культурами в стране. В 2015–2019 гг. наблюдается тенденция снижения площадей под овощами открытого грунта во всех регионах Сибирского федерального округа и в Российской Федерации в целом (табл. 1).

Итого в регионе уменьшение площадей под овощными культурами составило 13,2 %. Наибольшее сокращение наблюдается в Алтайском крае (на 1,8 тыс. га за последние пять лет). Наибольшая площадь под овощами занята в Алтайском и Красноярском краях. Из областей лидируют Омская и Кемеровская области.

Площади уменьшились за счет сокращения площади под овощами в личных хозяйствах населения (табл. 2). Заметно снижение интереса городских жителей и жителей районных поселков к выращиванию овощей на собственных личных приусадебных участках (Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: стат. сб. М.: Росстат, 2019. 1204 с.).

Таблица 1 / Table 1

Площади под овощами, тыс. га / Areas under vegetables, thousand hectares

Субъект / Subject	2015 г. / Year	2016 г. / Year	2017 г. / Year	2018 г. / Year	2019 г. / Year	2019 г. в % к 2015 г. / Year
Сибирский федеральный округ / Siberian federal district	38,6	37,6	36,3	35,1	33,5	86,8
в т. ч. республики: Алтай / Altai republic	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	100
Тыва / Tuva	0,2	0,3	0,2	0,3	0,3	150
Хакасия / Khakassia	1,6	1,5	1,6	1,6	1,5	93,8
Края: Алтайский / Altai region	8,0	7,9	7,2	6,5	6,2	77,5
Красноярский / Krasnoyarsk region	6,1	6,2	6,0	6,3	5,8	95,1
Области: Иркутская / Irkutsk region	4,5	4,2	4,2	4,2	3,9	86,7
Кемеровская / Kemerovo region	5,8	5,7	5,1	4,8	4,7	81
Новосибирская / Novosibirsk region	4,7	4,4	4,4	4,4	4,3	91,5
Омская / Omsk region	5,6	5,2	5,5	5,0	4,7	83,9
Томская / Tomsk region	1,8	1,7	1,7	1,7	1,7	94,4
Российская Федерация – итого / Russian Federation – total	563,1	551,1	534,6	525,9	517,6	91,9

Таблица 2 / Table 2

Размер площадей под овощами в Сибирском федеральном округе (в хозяйствах населения), тыс. га / Areas under vegetables in the subjects of the Siberian Federal district (in households), thousand hectares

Субъект / Subject	2015 г. / Year	2016 г. / Year	2017 г. / Year	2018 г. / Year	2019 г. Year	2019 г. в % к 2015 г. Year
Всего Сибирский федеральный округ / Total Siberian Federal district	29,92	27,54	26,65	25,79	24,18	75,12
в т.ч. республики: Алтай / Altai republic	0,38	0,32	0,3	0,3	0,3	78,95
Республика Тыва / Republic of Tuva	0,18	0,18	0,17	0,17	0,15	83,33
Республика Хакасия / Republic of Khakassia	1,16	1,05	1,05	1,06	1,02	87,93
Алтайский край /Altai region	6,35	5,87	5,52	5,15	4,77	75,12
Красноярский край /Krasnoyarsk region	4,84	4,53	4,57	4,71	4,25	87,81
Иркутская область / Irkutsk region	3,41	3,19	3,1	3,08	2,83	82,99
Кемеровская область / Kemerovo region	4,18	4,05	3,77	3,55	3,41	81,58
Новосибирская область / Novosibirsk region	4,03	3,64	3,56	3,52	3,42	84,86
Омская область /Omsk region	4,09	3,49	3,41	3,07	2,9	70,9
Томская область / Tomsk region	1,3	1,22	1,2	1,19	1,14	87,69
Российская Федерация – итого / Russian Federation – total	375,96	363,29	352,1	345,15	328,69	87,43

В большей мере уменьшилась площадь в Омской области и в Алтайском крае, т. е. площадь в хозяйствах населения уменьшилась на 29,1 и 22,5 % соответственно, а в Новосибирской области на 8,5 %. В то же время в Новосибирской области в 2015–2019 гг. наметилась положительная тенденция увеличения площадей под овощами открытого грунта в сельскохозяйственных организациях на 36,5 % и в крестьянских фермерских хозяйствах на 7,1 % (табл. 3 и 4).

Таблица 3 / Table 3

Площади под овощами в Сибирском федеральном округе (в сельскохозяйственных организациях), тыс. га / Areas under vegetables in the Siberian Federal district (in agricultural organizations), thousand hectares

Субъект / Subject	2015 г. / Year	2016 г. / Year	2017 г. / Year	2018 г. / Year	2019 г. / Year	2019 г. в % к 2015 г. / Year
Всего Сибирский федеральный округ / Total Siberian Federal district	4,95	5,71	5,17	4,73	4,31	75,88
в т. ч. республики: Алтай / Altai republic	0,03	0,04	0,04	0,04	0,04	133,33
Тыва / Republic of Tuva	0,05	0,05	0,04	0,06	0,05	100
Хакасия / Republic of Khakassia	x	x	0,02	0,01	0,01	x
Края: Алтайский / Altai region	0,56	0,79	0,67	0,44	0,4	71,43
Красноярский / Krasnoyarsk region	0,73	0,79	0,7	0,65	0,52	71,23
Области: Иркутская / Irkutsk region	0,65	0,64	0,66	0,51	0,5	76,92
Кемеровская / Kemerovo region	1,28	1,4	1,02	0,98	0,87	67,97
Новосибирская / Novosibirsk region	0,52	0,66	0,71	0,77	0,71	136,54
Омская / Omsk region	0,8	0,94	0,94	0,92	0,89	111,25
Томская / Tomsk region	0,33	0,4	0,37	0,33	0,33	100
Российская Федерация – итого / Russian Federation – total	93,04	93,62	95,19	91,82	93,08	100,04

В изучаемом 2019 г. площадь под овощами открытого грунта в сельскохозяйственных организациях в структуре всей площади под овощами в Сибирском федеральном округе составили всего 12, 87 %. За последние пять лет данные площади уменьшились в сельскохозяйственных организациях на 24,12 %. А в сельскохозяйственных организациях осуществляется непосредственное производство товарных овощей, так как хозяйства населения большую часть овощей выращивают для личного потребления.

Таблица 4 / Table 4

Площади под овощами в Российской Федерации и в субъектах Сибирского федерального округа (в крестьянских, фермерских хозяйствах), тыс. га / Areas under vegetables in Russian Federation and in the subjects of Siberian Federal district (in peasant farms)

Регион / Region	2015 г. / Year	2016 г. / Year	2017 г. / Year	2018 г. / Year	2019 г. / Year	2019 г. в % к 2015 г. / Year
Всего Сибирский федеральный округ / Total Siberian Federal district	3,74	4,38	4,44	4,59	4,7	118,39
В т. ч. республики: Алтай / Altai republic	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	100
Тыва / Republic of Tuva	0,02	0,03	0,04	0,06	0,06	300
Хакасия / Republic of Khakassia	0,39	0,47	0,48	0,53	0,44	112,82
Края: Алтайский / Altai region	1,04	1,24	0,98	0,88	0,99	95,19
Красноярский / Krasnoyarsk region	0,52	0,92	0,74	0,89	1,05	201,92
Области: Иркутская / Irkutsk region	0,41	0,42	0,44	0,59	0,51	124,39
Кемеровская / Kemerovo region	0,3	0,25	0,31	0,3	0,39	130
Новосибирская / Novosibirsk region	0,14	0,12	0,14	0,15	0,15	107,14
Омская / Omsk region	0,74	0,79	1,15	0,99	0,87	117,57
Томская / Tomsk region	0,16	0,12	0,14	0,18	0,23	143,75
Российская Федерация – итого / Russian Federation – total	91,14	94,18	87,35	88,9	95,69	104,99

Расширилась площадь под овощами открытого грунта в крестьянских фермерских хозяйствах. В Сибирском федеральном округе увеличение идет более быстрыми темпами, чем в целом по России.

По объему валового сбора овощей Сибирский федеральный округ занял 5-е место в Российской Федерации, первенство осталось за Южным федеральным округом, за ним следует Приволжский, затем Центральный и Северо-Кавказский федеральные округа. Снижение валового сбора овощей в половине регионов Сибирского федерального округа произошло в значительной мере из-за значительного снижения площадей (рис. 1).

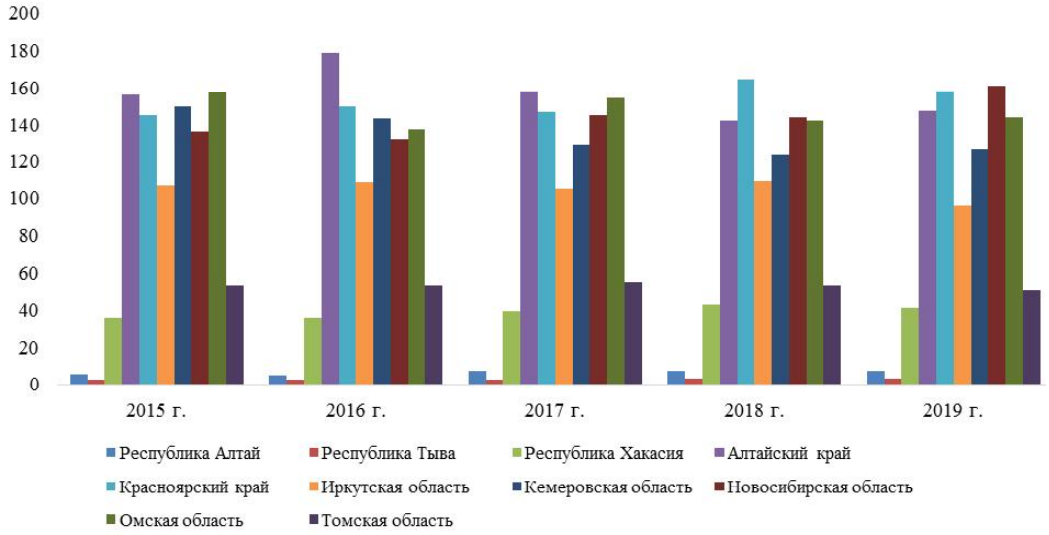


Рис. 1. Валовой сбор овощей в Сибирском федеральном округе (в хозяйствах всех категорий), тыс. т. / Fig. 1. Gross vegetable harvest in the Siberian Federal district (in farms of all categories), thousand tons

По овощным культурам 832,9 из 934,3 тыс. т валового сбора, или 89,15 %, приходится на шесть регионов. Большая часть произведенных овощей в 2019 г. выращена в шести субъектах Сибирского федерального округа: в Новосибирской области (17,21 %), в Красноярском и Алтайском краях (16,9 %), в Омской, Кемеровской и Иркутской областях (15,4, 13,6 и 10,3 % соответственно).

Сибирские регионы находятся в зоне рискованного земледелия, что влияет на возделывание овощей. С одной стороны это ограничивает перечень видов овощей, выращиваемых в открытом грунте, с другой – не позволяет собирать, как в южных странах, несколько урожаев в год. По данным Росстата, за период 2015–2019 гг. производство овощей в регионе уменьшилось на 1,48 %. Производство овощей связано с большими трудозатратами, и это оказалось решающим фактором для большинства сельскохозяйственных организаций и личных хозяйств населения, чтобы отказаться возделывать овощи открытого грунта.

Противоположная ситуация наблюдается при производстве овощей закрытого грунта, иными словами, тепличных овощей. В защищенном грунте идет увеличение объемов производства овощей. В последнее десятилетие в Сибирском Федеральном округе построены достаточно современные тепличные комбинаты, позволяющие круглый год выращивать овощи, применение светокультуры позволило увеличить урожайность томатов от 60 и выше, а огурцов до 100 кг и выше на 1 м^2. В Новосибирской области интенсивными темпами идет строительство современных тепличных комплексов. В конце 2018 г. запущена вторая очередь ТК «Толмачевский» на 8,5 га, это позволило увеличить производство на 12 тыс. т свежих овощей дополнительно. По итогам 2019 г. Новосибирская область более чем на половину закрывает свои потребности в овощах защищенного грунта. Данное состояние достигнуто благодаря деятельности таких современных тепличных комбинатов, как «Толмачевский», «Новосибирский», «Сады гиганта», «Емельяновский».

В 2020 г. планируется ввести в эксплуатацию тепличный комплекс «Обской». «Благодаря деятельности современных тепличных комбинатов, увеличивается производство овощей защищенного грунта в Алтайском крае, Омской, Кемеровской и Томской областях» [6].

Но бурный рост производства овощей защищенного грунта в современных теплицах четвертого и пятого поколений пока не позволил обеспечить спрос населения на свежие овощи в необходимом объеме круглогодично. Ограничены и виды выращиваемых овощных культур в условиях открытого и закрытого грунта Сибири. Климат Сибири не позволяет выращивать овощи в открытом грунте круглый год.

Рис. 2. Современное состояние экспорта и импорта овощей в Сибирском федеральном округе / Fig. 2. Export and import of vegetables in the Siberian Federal district

Большие потери при хранении – из-за недостатка надлежаще оборудованных овощехранилищ и складов, отсутствия переработки овощей. Поэтому без импорта свежих и переработанных овощей пока не удаётся удовлетворить потребности населения региона (рис. 2).

Размер импорта овощей вдвое превышает экспорт в 2019 г. Самой крупной страной-импортером овощной продукции в Сибирский федеральный округ является Китай, поставки в 2019 г. достигли более 52 % от общей стоимости импортируемой продукции. Из стран дальнего зарубежья с самым большим объемом импортируемых овощей в 2019 г. можно выделить Китай – 52 %, Нидерланды – 2 % . Из стран СНГ больше всего овощей импортируется из Казахстана – 26 % и Узбекистана – 9 %.

В 2019 г. жители Сибирского федерального округа составили почти 12 % общей численности населения Российской Федерации (табл. 5).

Число жителей России в 2019 г. увеличилось на 0,14 % по сравнению с 2015 г. Что касается Сибирского Федерального округа в целом, то наблюдается незначительное уменьшение численности населения на 0,82 %. Больше всего жителей в Красноярском крае, почти 2,9 млн человек. Самая малочисленная Республика Алтай 0,2 млн человек. Незначительный прирост населения в пределах 0,1…2 % произошел в Республике Алтай, Новосибирской и Томской областях. По остальным субъектам наблюдается снижение численности населения.

В 2018 г. рекомендуемая норма потребления овощей и овощебахчевых культур не достигнута ни в одном из исследуемых субъектов региона (рис. 3).

Таблица 5 / Table 5

Население, тысяч человек / Population, thousand people

Регион / Region	2015 г. / Year	2016 г. / Year	2017 г. / Year	2018 г. / Year	2019 г. / Year
Всего Сибирский федеральный округ	17259	17263	17230	17173	17118
в т. ч.: Красноярский край	2866	2875	2876	2874	2866
Новосибирская область	2762	2780	2789	2793	2798
Кемеровская область	2718	2709	2695	2674	2658
Иркутская область	2413	2409	2404	2398	2391
Алтайский край	2377	2366	2350	2333	2317
Омская область	1978	1973	1960	1944	1927
Томская область	1077	1079	1078	1077	1079
Республика Хакасия	537	537	538	537	534
Республика Тыва	316	318	322	324	327
Республика Алтай	215	217	218	219	220
Российская Федерация – итого	146545	146804	146880	146781	146749

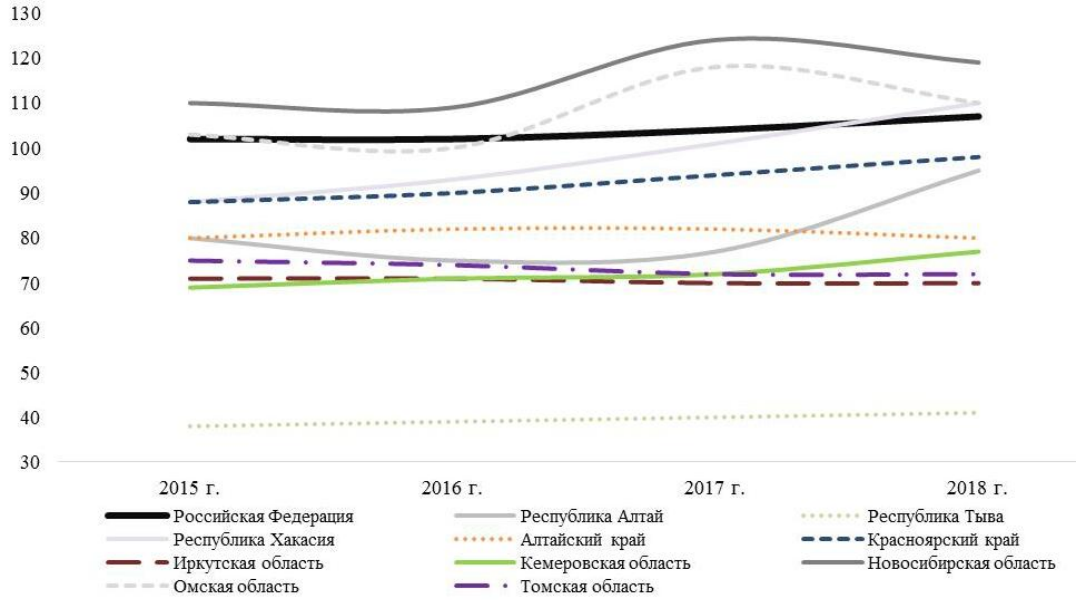


Рис. 3. Фактическое потребление овощей и бахчевых культур на 1 человека, кг/год / Fig. 3 Consumption of vegetables and cucurbits on average per consumer, kg per year

Жители сибирских регионов потребляют овощебахчевых культур на 15...50 % меньше рекомендуемых норм. В Сибирском федеральном округе население тратит на продукты питания 30...70 % от дохода семьи. Что значительно больше, чем в развитых странах мира, где затраты не более 12 % от доходов семьи. Большая часть населения не может позволить себе разнообразия и круглогодичного потребления свежих овощей и зелени.

В исследовании спрогнозирован необходимый объем потребления овощей в регионе. При расчете потребностей использовалась рекомендуемая норма потребления овощной продукции и бахчевых культур (в соответствии с требованиями здорового питания, согласно приказу № 614 от 19 августа 2016 г. Министерства здравоохранения Российской Федерации) – 140 кг на 1 человека в год (рис. 4), учитывались рациональные нормы потребления пищевых продуктов.

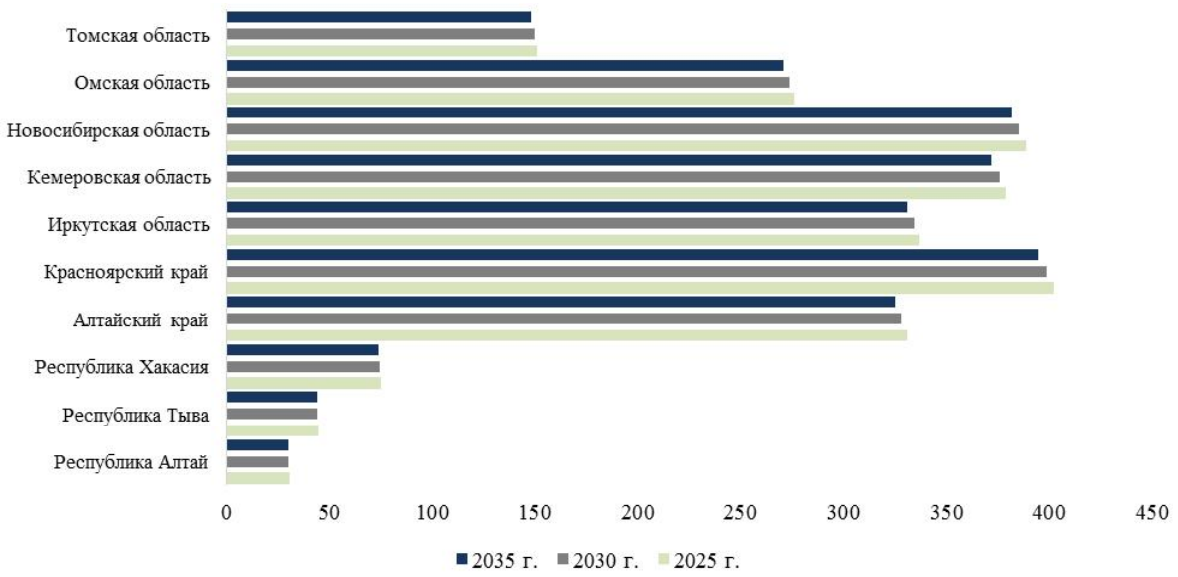


Рис. 4. Прогноз объемов потребления овощей и бахчевых культур по Сибирскому федеральному округу, тыс. т. / Fig. 4. Forecast of consumption of vegetables and cucurbits in the Siberian Federal district, thousand tons

При расчете прогноза численности населения использован средний вариант прогноза численности населения России, представленный на сайте Росстата.

Для обеспечения в полном объеме (согласно медицинским нормам) населения овощной продукцией необходимо:

– разработать и реализовать программы социального развития сельских территорий. Сельское хозяйство нуждается в квалифицированных кадрах. Для этого необходимо привлечь в сельскохозяйственные организации молодых специалистов, используя программы поддержки, по аналогии с программами поддержки, используемыми для выпускников медицинских вузов, что позволит поддержать сельский уклад жизни, повысить конкурентоспособность продукции овощеводства и обеспечить в требуемом объеме овощами население Сибирского федерального округа;

– усилить подготовку высококвалифицированных кадров для работы в условиях цифровизации производства, переведя аграрное образование на новый, более высокий уровень подготовки. Для увеличения доступности высшего профессионального образования расширить систему грантов на обучение и возмещение расходов сельскохозяйственных организаций на подготовку квалифицированных специалистов;

– на условиях государственно-частного партнерства привлечь инвесторов к строительству современных овощных комплексов шестого поколения;

– возродить собственную семеноводческую сеть. Сибирский федеральный округ не должен зависеть от поставок зарубежного семенного материала. Для реализации данного предложения требуется государственная поддержка;

– увеличить производство экологически чистых овощей;

– осуществить специализацию и концентрацию овощеводства в крупных сельскохозяйственных организациях. Это позволит использовать индустриальные технологии возделывания овощей;

– создать оптовые рынки для реализации овощной продукции местными товаропроизводителями. «Во всем мире реализация скоропортящейся продукции осуществляется через оптовые рынки, в России предлагается создавать оптовые распределительные центы (ОРЦ), которых ни в США, ни в Европейском Союзе, ни в других странах нет» [3, с. 12].

Список литературы

1. Медведева Н. А., Прока Н. И. Сценарии развития человеческого капитала в сельском хозяйстве // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2019. № 2. С. 196–207.

2. Минаков И. А. Перспективы импортозамещения на рынке овощей // Теория и практика мировой науки. 2016. № 3. С. 59–63.

3. Нуралиев С. У. Продовольственная безопасность и торгово-сбытовая политика в условиях глобализации // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. №1. С. 9–12.

4. Пустуев А. Л., Горбунова О.С., Набоков В.И. Зарубежные модели формирования человеческого капитала аграрной сферы и их использование // Аграрный вестник Урала. 2017. № 4. С. 92–96.

5. Сибирское таможенное управление. URL: http://stu. customs.ru / folder /146835 /document /191313 (дата обращения: 03.10.2020). Текст: электронный.

6. Состояние и перспективы развития продовольственной системы России (на примере овощеводства и садоводства): монография / В. Г. Ларионов, Р. В. Некрасов, А. А. Коротких и др. – М.: Дашков и К, 2020. 407 с.

7. Чернова С. Г. Состояние и перспективы развития овощеводства в Сибирском федеральном округе // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2018. № 1. С. 99–105.

8. Papaioannou G. et al. The role of adverse economic environment and human capital on collaboration within agri-food supply chains // International Journal of Information Management. 2020. С. 102–177.

9. Wu X. et al. The myth of retail pricing policy for developing organic vegetable markets // Journal of Retailing and Consumer Services. 2019. Т. 51. С. 8–13.

References

1. Medvedeva N. A., Proka N. I. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* (Bulletin of the Voronezh State Agrarian University), 2019, no. 2, pp. 196–207.

2. Minakov I.A. *Teoriya i praktika mirovoy nauki* (Theory and practice of world science), 2016, no. 3, pp. 59–63.

3. Nuraliev S. U. *Ekonomika selskohozyaystvennyh i pererabatyvayushchih predpriyatiy* (Economy of agricultural and processing enterprises), 2017, no. 1, pp. 9–12.

4. Pustuev A. L., Gorbunova O. S., Nabokov V. I. *Agrarny vestnik Urala* (Agrarian Bulletin of the Urals), 2017, no. 4, pp. 92–96.

5. *Sibirskoe tamozhennoe upravlenie* (Siberian customs administration). Available at: http://stu. customs. ru/folder/146835 /document /191313 (Date of access: 03.10.2020).

6. *Sostoyanie i perspektivy razvitiya prodovolstvennoy sistemy Rossii (na primere ovoshchevodstva i sadovodstva): monografiya / V. G. Larionov, R. V. Nekrasov, A. A. Korotkih i dr.* (State and prospects of development of the Russian food system (on the example of vegetable growing and horticulture): monograph / V. G. Larionov, R. V. Nekrasov, A. A. Korotkikh [et al.]). Moscow: “Dashkov and K”, 2020. 407 p.

7. Chernova S.G. *Sibirskiy vestnik selskohozyaystvennoy nauki* (Siberian Bulletin of agricultural science), 2018, no. 1, pp. 99–105.

8. Papaioannou G. et al. *International Journal of Information Management* (International Journal of Information Management), 2020, p. 102–177.

9. Wu X. et al. *Journal of Retailing and Consumer Services* (Journal of Retailing and Consumer Services), 2019, vol. 51. pp. 8–13.

Коротко об авторах

Ожогова Ольга Викторовна, канд. экон. наук, доцент кафедры государственного, муниципального и экономического управления, Новосибирский государственный аграрный университет, г. Новосибирск, Россия. Область научных интересов: устойчивое развитие сельского хозяйства, перспективы развития овощеводства и картофелеводства в регионе, применение инновационных цифровых технологий в сельском хозяйстве
ozhogova@yandex.ru

Шелковников Сергей Александрович, д-р экон. наук, профессор кафедры финансов и статистики, Новосибирский государственный аграрный университет, г. Новосибирск; Россия. Область научных интересов: государственная поддержка сельского хозяйства, устойчивое развитие
shelkovnikov1@rambler.ru

Кузнецова Инна Геннадьевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики, Новосибирский государственный аграрный университет, г. Новосибирск, Россия. Область научных интересов: государственная поддержка человеческого капитала, устойчивое развитие сельских территорий
finka31081988@list.ru

Briefly about the authors

Olga Ozhogova, candidate of economic sciences, assistant professor, State, Municipal and Economic Management department, FGBOU VO «Novosibirsk SAU», Novosibirsk, Russia. Sphere of scientific interests: sustainable development of agriculture, prospects for the development of vegetable and potato growing in the region, application of innovative digital technologies in agriculture

Sergey Shelkovnikov, doctor of economic sciences, professor, Finance and Statistics department, FGBOU VO «Novosibirsk SAU», Novosibirsk, Russia. Sphere of scientific interests: state support of agriculture, sustainable development

Inna Kuznetsova, candidate of economic sciences, assistant professor, Economics department, FGBOU VO «Novosibirsk SAU», Novosibirsk, Russia. Sphere of scientific interests: state support of human capital, sustainable development of rural areas

Образец цитирования

Ожогова О. В, Шелковников С. А., Кузнецова И. Г. Влияние человеческого капитала на обеспечение населения Сибирского федерального округа продукцией овощеводства // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 99–109. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-99-109.

Ozhogova O., Shelkovnikov S., Kuznetsova I. The influence of human capital on providing the population of the Siberian federal district with vegetable production / / Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 99–109. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-99-109.

Статья поступила в редакцию: 19.11.2020 г.
Статья принята к публикации: 10.12.2020. г.

UDC338.43 (574)
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-110-119

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF KAZAKHSTAN'S AGRICULTURE COMPETITIVENESS IN MARKET CONDITIONS

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

M. Ryspekova,
L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan
madina10081957@mail.ru

М. О. Рыспекова,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан

A. Duisenbekova,
L. N.Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan
aigerim.duisenbekova95@gmail.com

А. А. Дуйсенбекова,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан

The article assesses the competitiveness of the country's agriculture, which is necessary for establishment and sustainable development of Kazakhstan's economy. The authors used the sectoral principle, i.e., the distribution by sector or activity area in agriculture, based on agricultural competitiveness classification.

For agricultural producers environment implementation of investment process mechanism becomes prerequisites for organizing public investment procedures as functioning subjects of the national investment market.

Nowadays the analysis of average indicators of food consumption such as the agricultural production structure by categories of farms, and the number and specific weight of breeding stock in all categories of households revealed problems regarding food security in Kazakhstan.

It is concluded that taking into account all the plans and capacity utilization at the processing enterprises, there is an excellent potential for competitiveness in the Kazakh domestic market and even in foreign markets.

In modern Kazakhstan conditions, theoretical and practical analysis of the competitiveness essence, its manifestation specifics can contribute to development of high-priority concerns which improve the efficiency of the market relations and economic success of Kazakh agricultural producers

Key words: *competitiveness; agriculture; agro-industrial complex; market relations; production volume; crop and livestock production; investment process; food consumption and food safety*

В статье дается анализ уровня конкурентоспособности сельского хозяйства страны, необходимого для становления и устойчивого развития экономики Казахстана. В качестве формирования классификации конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции авторами использован отраслевой принцип, что означает распределение сельскохозяйственных секторов или сфер деятельности.

Установлено, что механизм функционирования инвестиционного процесса в рыночной среде для сельхозпроизводителей становится базовым условием для организации инвестиционного процесса в стране в виде функционирования субъектов национального инвестиционного рынка.

На основе анализа основных показателей потребления видов продовольствия в Казахстане в среднем, структуры производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств, а также численности и удельного веса племенного КРС во всех категориях хозяйств выявлено, что в республике существуют проблемы с обеспечением продовольственной безопасности.

Сформулирован вывод о том, что перерабатывающие заводы страны, учитывающие планирование эффективной загрузки мощностей, обладают достаточно высоким потенциалом конкурентоспособности на внутреннем и даже внешнем рынке.

Авторы считают, что теоретико-практический анализ природы конкурентоспособности и особенностей ее проявления в современных казахстанских условиях поможет развитию насущных задач, повышающих эффективность казахстанских рыночных отношений и экономическую успешность сельхозпроизводителя

Ключевые слова: *конкурентоспособность; сельское хозяйство; агропромышленный комплекс; рыночные отношения; объем производства; растениеводство; животноводство; инвестиционный процесс; потребление продуктов питания; продовольственная безопасность*

© M. Ryspekova, A. Duisenbekova, 2020

Introduction. In today's market conditions, formation and sustainable development of the Kazakh economy is impossible without constant management of the agriproduct competitiveness and new instruments' search for its effective management mechanism. In turn, it requires project management enhancement primarilyas a process focusing on reaching desired objectives.

It has become evident that export potential countries would be the most successful and powerful due to increasing number of people worldwide. Farming sector takes the main and the most promising place in the economy of Kazakhstan. N.A.Nazarbayev, the First President of the Republic of Kazakhstan, said: "Kazakhstan's agricultural regions have great expertise and high potential for investment capabilities. The food demand increases on a global scale every year. We cannot ignore this opportunity." The international positions have minimal capacity for agricultural improvement comparable to Kazakhstan's capacity and huge reserves. The Kazakhstani different climatic conditions are favourable to plant various plants and improve animal husbandry in a warm sector [5].

The research object is the economic and organizational relations formed by enlarging the state economy's farming sector competitiveness.

Materials and methodology. The mainly used methods are analysis and synthesis of state and regional regulations governing the agricultural development, socio-economic analysis, scientific knowledge, and empirical and theoretical scientific knowledge methods.

The information sources are materials of Bureau of National statistics of the Republic of Kazakhstan, Ministry of Agriculture of the Republic of Kazakhstan, the country's yearly reports' agricultural enterprises, information published in economic literature and periodicals.

The scientific sophistication extent of the problem should be assessed as crucial. Indeed, the competition has been a close attention object as a phenomenon and as an economical category by researchers for many years. Many eminent economists have been working on this matter.

Galbraith J., Clark J., Marshall A., Porter M., Riccardo D., Robinson J., Smith A., Chamberlin E., and others were foreign economists who pioneered the market competition theory's scientific basis and who investigated its origin, rise and development.

Azoev. G. L., Aleshchenko V. V., Barysheva A. B., Gelvanovsky M. I., Gurieva L. K., Dubrovin I. A., Kudrov V. M., Michurina F. Z., Pankrukhin A. P., Solovyov B. A., Fatkhutdinov R. A., Philosopher T. G., Philobokova L. Yu. and other Russian economists studied the competition development difficulties and the higher-level achievement regards to business entities competitiveness in the current economic conditions.

Altukhov A., Vermel D., Gruzinov V., Gusev V., Deniskin V., Kovalev V., Komarov V., Lebedev E., Pavlyuchenko A., Ryabova T., Filatov O., and others considered issues concerning the agricultural economy and competition.

Simultaneously, the relevant research analysis is mostly theoretical, or substantial and sectoral-applied. Therefore, it should be pointed out that organizational-economic and methodological aspects of the research, in particular, require additional study and analysis on business entities' competition and competitiveness within nowadays Kazakhstan conditions and challenges, and its agricultural production.

The research results and discussion. The National Crop Variety Inspection Committee's main task is to organize and conduct national household usefulness testing and patent review expertise of new home and foreign breeds in order to find the best crop varieties on a range of commercially valuable features and properties.

The State Commission includes 12 regional, three regional inspectorates, three state stations, and 73 variety testing plots.

The state variety sites problem is their equipping with laboratory, agricultural machinery, and hardware which currently accounts for 46% of theneeded capacity [9].

It is worth to mention that improvement of the material and technical equipping of state variety sites and laboratory hardware could allow conducting better quality valuation of tested varieties on economic utility and patent ability, also to acquire reliable analysis data. Technical equipping of variability testing is a key factor of its efficient development. It can improve the various testing processes standard through timely implementing all agricultural work suggested by the regional agricultural system. Consequently, it is possible to see the high-yielding varieties introduced into production, which can increase the crop yields in Table 1.

Table 1 / Таблица 1

A key benchmark aiming to increase the productivity of national crop variety evaluation and verification / Ключевой ориентир, направленный на увеличение продуктивности национальной оценки и проверки сортов сельскохозяйственных культур

Name of the indicator / Наименование показателя	Implementation years / Годы реализации					
	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Number of variety trials carried out to find the most effective and valuable varieties, units / Число проводимых сортоопытов для нахождения самых эффективных и представляющих ценность сортов, единицы	6725	6725	6725	6725	6725	6725

Source: authors' calculations based on data from the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. The authors have analyzed statistics from 2013-2018 as of the time of writing this article the statistics for 2019 are not fully available

In order to improve the public services of agricultural entities, it will pay special attention to implementation of measures toward public services' automation and revitalization of public establishments while providing services through public service centres [11].

The territory of Kazakhstan is immense and also the distance between rural settlements is large. Therefore, recent computer technologies are important to cut back the labour price of agricultural producers and rural population [2].

Nowadays, just two services are partly automated within the agricultural sector, which is 4% of all public services provided by the Ministry of Agriculture. In Kazakhstan, the expansion of electronic public services has excellent potential for development.

A unified list of "Common Economic Space" standards was formed for many agricultural products in order to implement the technical regulations' requirements. International or European standards coordinated a list and then processed it into interstate standards [7]. It is also necessary to equip the testing laboratories of Republican Veterinary Laboratory with the equipment and auxiliary materials required for the agricultural products identified in Table 2.

The President directed to enhance the effectiveness of the state management ~~and~~ supervision system and to reduce the administrative burdens on entrepreneurs as regards inspection planning systematization by the state bodies of the Ministry of Agriculture. In that regard, it is expected to strengthen the dissuasive and preventive measures in Table 3:

a) strengthening the effectiveness of preventive measures means shifting the focus of the control and supervision system, where violations from administrative penalties' imposition to the prescriptions' supplying;

b) the regulatory enforcement makes it possible to eliminate violations within the prescriptions deadlines and avoid the imposition of body penalties by control and supervision subjects.

Table 2 / Таблица 2

A key benchmark aimed to improve the performance of the agricultural technology regulatory system / Ключевой ориентир, направленный на улучшение работы системы агротехнических регламентов

Name of the indicator / Наименование показателя	Implementation years / Годы реализации							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Percentage corresponding to the TR TS range of AIC products, % / Процент, соответствующий диапазону ТРТС продуктов АПК, %	58,3	75	83,3	91,7	100	112	123	134

Source: authors' calculations based on data from the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. The authors have analyzed statistics from 2011–2018 as of the time of writing this article the statistics for 2019 are not fully available.

Table 3 / Таблица 3

A key benchmark aimed to improve the impact of prevention and avoidance activities / Ключевой ориентир, направленный на повышение результативности профилактических и предупредительных мероприятий

Name of the indicator / Наименование показателя	Implementation years / Годы реализации							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Percentage of enforce ability of injunctions for non-compliance with the necessary instructions in Kazakhstan's crop production and phytosanitary safety laws, % / Процент выполняемости предписаний за несоблюдение необходимых инструкций в законах Казахстана в области растениеводства и безопасности фитосанитарии, %	85	87	88	89	90	91	92	95
Percentage of compliance with injunctions for non-compliance with the necessary instructions in the laws of Kazakhstan in the veterinary field, % / Процент выполняемости предписаний за несоблюдение необходимых инструкций в законах Казахстана в ветеринарной области, %	86	88	89	90	91	92	93	96

Source: authors' calculations based on data from the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. The authors have analyzed statistics from 2011-2018 as of the time of writing this article the statistics for 2019 are not fully available.

The risk management system should be considered at the present while formulating an inspection plan, i.e. the standards have been defined for performing inspections, the control and supervision entities have been assigned to risk groups, and the frequency risk group has been determined for each audit [12].

Today a subjective approach might develop inspections plans. It is proposed to automate the process of inclusion control and supervision subjects in the inspections plan, and to consider the risk management system in Table 4 in order to avoid subjectivity in the development of plans.

Table 4 / Таблица 4

A key benchmark aimed to automate the task of including supervisors in the inspection plan, taking into account risk management / Ключевой ориентир, направленный на автоматизирование задачи включения контрольно-надзорных органов в план инспектирования, учитывая менеджмент рисков

Name of the indicator / Наименование показателя	Implementation years / Годы реализации							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Percentage of the subjects' range included in crop inspection and phytosanitary security project using IS % / Процент диапазона субъектов, которые включены в проект инспектирования в растениеводческой сфере и безопасности фитосанитарии, использующие ИС, %	-	-	50	60	70	80	90	100
Percentage of the subjects' range included in the inspection project in veterinary security using the IS, % / Процент диапазона субъектов, которые включены в проект инспектирования в ветеринарной безопасности, использующие ИС, %	-	-	50	70	80	90	100	100

Source: authors' calculations based on data from the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. The authors have analyzed statistics from 2011-2018 as of the time of writing this article the statistics for 2019 are not fully available.

It is becoming vital to create conditions for the operation of the organic production and certification system in the country in order to develop production and organic agriculture turnover, and also to realize the export potential of organic products [1].

The authors used the sectoral principle, when categorizing the agriproduct competitiveness, i.e. the distribution of agricultural activities by sector or region. The most compact, and also informative, factor is the scientific and technological development allocation in the five main agricultural areas: economy, organization and management; agriculture and plant production; animal husbandry and veterinary medicine; mechanization, electrification and automation; agricultural products and raw materials storage and processing (Table 5).

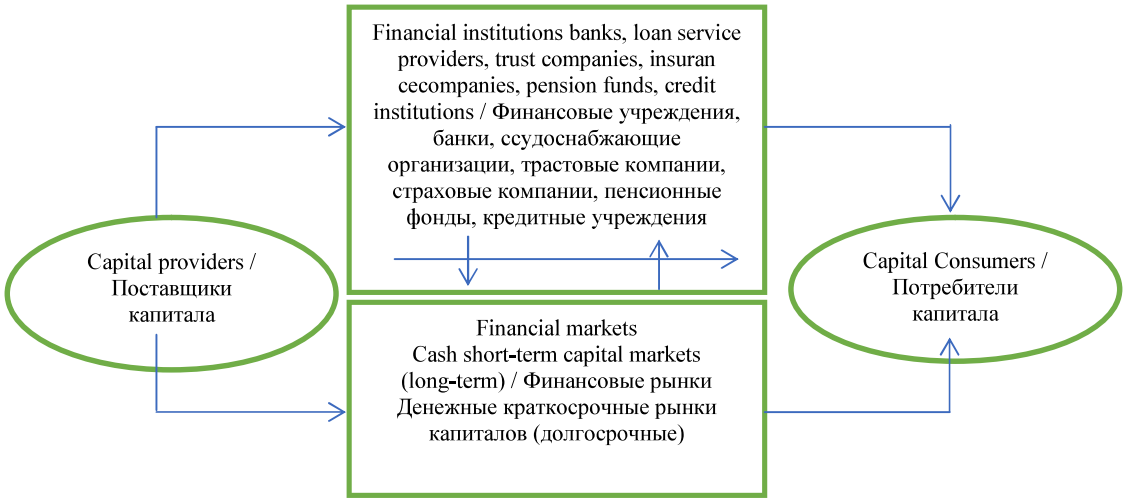
Таблица 5 / Table 5

Classification of agricultural product competitiveness / Классификация конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции в сельском хозяйстве

Breeding and genetics / Селекционные и генетические	**Technical, technological and industrial / Технико-технологические и производственные**	**Organizational, managerial and economic / Организационные, управленческие и экономические**	**Social, ecological / Социальные, экологические**
New varieties and hybrid plants, new breeds of animals and birds / Новейшие сорта и гибридные растения, новые породы животных и птиц	Crop cultivation methods in agriculture, industrial livestock know-how / Методы выращивания культур в сельском хозяйстве, промышленные животноводческие ноухау	The evolution of cooperative structures and new integrated structures / Эволюция кооперационных структур и новые интегрированные структуры	Establishment of an HR system for scientific and technical agricultural support / Создание системы HR научно-технического сельскохозяйственного обеспечения
Creation of flora/fauna that are resistant to disease and harmful adverse environmental factors / Создание флоры/ фауны, которые имеют устойчивость к заболеваниям и вредным неблагоприятным факторам среды обитания	Science-based farming and livestock systems / Имеющие научное обоснование земледельческие и животноводческие системы	Types of maintenance and resourcing / Типы техобслуживания и обеспечения ресурсами	Improving working conditions, solving problems of health care, education and culture of rural workers / Совершенствование охраны труда, разрешение различных трудностей в образовательной сфере, здравоохранении и культуры работников сельских территорий
	Fertilisers as well as fertiliser systems. Flora-protecting products / Удобрения, а также удобрительные системы. Средства, защищающие флору	Organizational and motivational types of work and management / Организационные и мотивационные типы труда, а также менеджмента	Sanitising and improving the quality of the environment / Санация и усовершенствование качественной составляющей окружающих условий
	Agricultural biologization and environmentalization / Земледельческая биологизация и экологизация	Agricultural marketing of competitiveness / Аграрный маркетинг конкурентоспособности	Creating and supporting preferable eco-environmental conditions for sustainable livelihoods / Создание и поддержка предпочтительных экоусловий для устойчивого уровня благосостояния населения
	Techniques that conserve food production and storage resources, increasing the value of food by consumers / Методы, сберегающие ресурсы производства и хранения продовольствия, увеличивающие ценность продуктов питания со стороны потребителей	Establishment of science, technology and innovation advisory and innovation platforms / Формирование консультативно-инновационных платформ в научно-технической и инновационной деятельности	
		Management decisions, methods and principles. Innovative types and systems of development / Управленческие решения, способы и принципы. Инновационные типы и системы развития	

Source: Table compiled by the authors based on scientific research data.

The opportunity for the capital transformation into an investment form, and the needs for its by manufacturers, becomes a basic condition for the organisation of the state investment process as the functioning national investment market entities (Figure).



Mechanism of the investment process functioning in the market environment / Механизм функционирования инвестиционного процесса в рыночной среде

Figure 1 shows that the investment process is becoming a mechanism for communicating with suppliers and consumers of investment capital and for effective turnover organizing. It requires constructing a particular investment process management system, which must regulate the time limit to investment return and its practical use in production. The system comprises:

– availability of prediction tasks on the future market environment with specific parameters: project cycle, costs, time, and results;

– an increase in the dynamic nature with uncertainty elements;

– the emergence of innovatively complex and functionally integrated tasks in the project, which require the completion of works and form the competitive growth of the enterprise, territory and the country;

– the need for a rapid response to market changes with the work duration and solving not only strategic but also tactical tasks;

– many current projects cannot reach established goals

– the increasing need in coordinating various departments in the project implementation course;

– conviction that modern organizations cannot be regarded as sustainable systems [6].

Competitiveness of development processes becomes stagnant in an inertial scenario. The Government cannot effectively address attracting investment into the industry, implementing an improved lending system to agricultural producers, and using public funds to support the initiative. The lack of a compensation mechanism leads to increased depreciation of fixed assets at enterprises and backward technologies, which is necessary to introduce innovative technologies. The national agricultural development plan “remains on paper”. Besides, production volumes do not allow reaching the thresholds for the main products, which are required to ensure the state’s food security.

The absence of an effective agricultural development mechanism is a limiting factor for its modernization and diversification, for increasing the industry’s overall competitiveness and for addressing the prioritizing improvements with regard to commodity structure in agricultural exports [8].

Table 6 / Таблица 6

Regarding average consumer preferences of food in Kazakhstan / Потребительские предпочтения продовольствия в среднем в Республике Казахстан

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Meat and meat products / Мясо и мясные продукты	73	52	44	40	45	49,2	49,2	41,6	82
Milk and dairy products / Молоко и молочные продукты	311	229	208	190	205	208	204	180	220
Fish and fish products / Рыба и рыбные продукты	10,3	4,8	3,5	7,7	8,6	9,1	9,2	4,4	17
Eggs (pieces) / Яйца (штук)	225	97	80	108	114	121	120	103	120
Bread products / Хлебные продукты	148	185	136	114	124	113	119	116,2	105
Potatoes / Картофель	86	70	60	45,7	45,2	45,5	44,8	62	80
Vegetables and gourds / Овощи и бахчевые	76	56	79	71,2	71,8	73,0	72,5	55	146
Fruits and berries / Фрукты и ягоды	23	11	10	35,7	40,8	43,3	43,8	29	60
Vegetable oil / Растительное масло	11,2	7,6	7,2	9,7	10,4	10,4	10,5	8,5	13
Sugar / Сахар	38,0	18,5	19,9	16,4	16,6	17,4	16,6	15,3	36

Source: authors' calculations based on data from the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. The period 2010-2018 is analyzed, as at the time of writing this article the statistical data for 2019 are not fully available.

In comparison with other countries, the common MFN tariffs for the agricultural product are comparatively low – 12.5 % in 2018. However, compared with non-agricultural products, the MFN tariffs for many agricultural products are high, starting from zero to 45 % – mainly from zero to 5 %, and from 10 % to 15 %. Beverages and tobacco products are relatively sensitive due to their high tariffs [8].

Based on an analysis, we can see that the Republic of Kazakhstan still has food security problems [3].

Here, the state cannot fully exercise control, and that is the reason of small-scale production. Today, it has considerably affected the livestock breeding in animal husbandry. According to the Table 8, over 70 % of meat was produced by farms, whereas 14 % was produced by agricultural enterprises, and 11 % – by peasant farms. The state is taking measures to extend stock's genetic potential by introducing oversea high-yielding varieties. However, not a large share of farmers can purchase them.

Table 7 / Таблица 7

Structural characteristics of agricultural production by economic type in 2018, % / Структурные особенности производства сельхозпродукции согласно хозяйственным видам в 2018 г., %

Farm categories / Виды хозяйств Products / Продукция	**All categories of farms / Все категории хозяйств**	**Including / В том числе**		
		agricultural enterprises / сельхозпредприятия	peasant or farm / крестьянские или (фермерские) хозяйства	households / хозяйства населения
Grain / Зерно	100	68,9	31,0	0,1
Potatoes / Картофель	100	5,6	23,9	70,4
Vegetables and gourds / Овощи и бахчи	100	5,6	55,7	38,6
Meat / Мясо	100	14,1	10,5	75,4
Milk / Молоко	100	3,6	8,3	88,1
Wool / Шерсть	100	4,9	27,4	66,7

Source: authors' calculations based on data from the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan.

It is too difficult to carry out the maintenance and breeding process with large scales of small-scale production. Table 8 shows that the pedigree cattle share in the total population was only 8.8 % or 510 thousand heads on 01.01.2018 [4].

Table 8 / Таблица 8

Number and specific weight of breeding cattle in all categories of farms on 01.01.2018, thousand heads / Численность и удельный вес племенного КРС во всех категориях хозяйств по состоянию на 01.01.2018 г., тыс. голов /

Regions / Область	**Total cattle / Всего КРС**	**including breeding / В том числе племенных**	
		In all categories of farms / Во всех категориях хозяйств	Share of breeding animals in the total population, % / Удельный вес племенных животных к общему поголовью, % /
Akmola Region / Акмолинская	357,5	59,1	16,5
Aktobe Region / Актюбинская	381,0	16,4	4,3
Almaty Region / Алматинская	858,3	125,5	14,6
Atyrau Region / Атырауская	145,8	3,1	2,1
East Kazakhstan Region / Восточно-Казахстанская	753,8	55,9	7,4
Jambyl Region / Жамбылская	300,0	36,0	12,0
West Kazakhstan Region / Западно-Казахстанская	417,2	18,2	4,4
Karaganda Region / Карагандинская	443,3	12,9	2,9
Kostanay Region / Кустанайская	402,5	70,0	17,4
Kyzylorda Region / Кызылординская	248,9	4,4	1,8
Mangystau Region / Мангистауская	14,2	-	0
Pavlodar Region / Павлодарская	375,0	32,1	8,6
North Kazakhstan Region / Северо-Казахстанская	297,6	48,5	16,3
South Kazakhstan Region / Южно-Казахстанская	838,7	28,4	3,4
By Republic / По Республике	5 833,8	510,6	8,8

Source: authors' calculations based on data from the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan.

It is observed the pedigree cattle's largest proportion in the Kostanay Region (17.4 %), while there are no pedigree cattle in the Mangystau Region. Therefore, it will be necessary enough time to level up because of import, even within the ongoing programs now. Nowadays, we cannot count on quality products, much less maintaining a competitive position with an almost full amount of barren cattle [8].

Kazakhstan can assert itself as a producer not only of quality meat, but also processed products. The meat industry accounts for 14 % of the food products volume produced in the republic. The importance of country's produced beef ensures the population's meat needs, except for poultry meat [10].

As the "Kazakhstan 2050" strategy implements, one of the major goals is creating a healthy multi-sectoral, balanced and competitive development form of priority national industries with the existing industrial potential. This implies that Kazakhstan should eliminate the inertial agricultural model and turn to an innovative management model by 2050. The important aspects are the high-level implementation and development of modern technology and innovation.

At the first stage, Kazakhstan needs to create conditions for sustainable agricultural growth based on the diversification and development of competitive industries and regional agricultural specialization.

Conclusion. The country has an excellent competitiveness in the domestic market, and even abroad considering the plans and capacity utilization at the processing enterprises.

The funds' development is slower than could be expected. One reason is the lack of financial knowledge among the population. The Kazakhstan Government has adopted a program to improve the investment culture and financial literacy of the Kazakhstan community, the securities' sale of national companies, and other measures to develop the country's stock market. However, these measures affect little in agriculture.

A general review of Kazakhstan's agricultural sector has shown that natural and climatic factors confirm the industry's development pace. It has achieved some positive results in agriculture.

References

1. Gusakov V. G. *Institut sistemnyh issledovaniy v APK* (Institute for Systems Research in the Agroindustrial Complex). Minsk: Belorusskaya nauka, 2008. 430 p.

2. Pelikh, S. A. *Innovatsionno-investitsionnayasreda v agropromyshlennom komplekse Kitaya i Belarusi: analiz, problemy, resheniya* (Innovation and investment environment in the agro-industrial complex of China and Belarus: analysis, problems, solutions). Minsk: law and economics, 2012. 174 p.

3. Porter M. *Konkurentsiya: per. s angl*. (Competition: translation from English). Moscow: Williams, 2015. 608 P.

4. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov* (Study of the nature and causes of wealth of peoples). Moscow: Economy: Key, 2014, p. 475.

5. World Bank. Available at: http://data.worldbank.org/indicator/EA.PRD.AGRI.KD/countries?display= default (Date access: 15.11.2020). Text: electronic.

6. Alexandros N. *Food and Agriculture Organization of the United Nations* (Food and Agriculture Organization of the United Nations), 2015. Available at: http://www.fao.org/docrep/016/ap106e/ap106e.pdf (Date access:: 15.11.2020). Text: electronic.

7. Alston J. M. *Giannini Foundation* (Giannini Foundation), 2016. Available at: http://giannini.ucop.edu/media/are-update/files/articles/v12n2_5.pdf (Date access: 15.11.2020). Text: electronic.

8. *Fostering Productivity and Competitiveness in Agriculture OECD* (Fostering Productivity and Competitiveness in Agriculture OECD). 2016. Available at: http://browse.oecdbookshop.org/oecd/pdfs/product/5111131e.pdf (Date access: 15.11.2020). Text: electronic.

9. Latruffe L. *Competitiveness, Productivity and Efficiency in the Agricultural and AgriFood Sectors: OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers N 30* (Competitiveness, Productivity and Efficiency in the Agricultural and AgriFood Sectors: OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers N 30), 2017. Available at: http://www.oecd-ilibrary.org/agriculture-and-food/competitiveness-productivity-and-efficiency-in-the-agricultural-and-agri-food-sectors_5km91nkdt6d6-en?crawler=true (Date access: 15.11.2020). Text: electronic.

10. Mahdi A. *Soil Erosion, Crop Productivity and Cultural Practices* (Soil Erosion, Crop Productivity and Cultural Practices), 2016. Available at: https://store.extension.iastate.edu/ (Date access: 15.11.2020). Text: electronic.

11. *Population Projection Tables by Country and Group* (Population Projection Tables by Country and Group), 2017. Available at: http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/EXTHEALTHNUTRITION-ANDPOPULATION/EXTDATASTATISTICSHNP/EXTHNPSTATS (Date access: 15.11.2020). Text: electronic.

12. Schwab K. *The Global Competitiveness Report 2013–2014* (The Global Competitiveness Report 2013–2014), 2015. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf. (Date access: 15.11.2020). Text: electronic.

Список литературы

1. Гусаков В. Г. Новейшая экономика и организация сельского хозяйства в условиях становления рынка: научный поиск, проблемы, решения // Институт системных исследований в АПК. Минск: Белорусская наука, 2008. 430 с.

2. Пелих С. А. Инновационно-инвестиционная среда в агропромышленном комплексе Китая и Беларуси: анализ, проблемы, решения. Минск: Право и экономика, 2012. 174 с.

3. Портер М. Конкуренция: пер. с англ. М.: Вильямс, 2015. 608 с.

4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эконом: Ключ, 2014. 475 с.

5. Agriculture value added per worker (constant 2005 US). Текст: электронный // World Bank. URL: http://data.worldbank.org/indicator/EA.PRD.AGRI.KD/countries?display=default (дата обращения: 15.11.2020).

6. Alexandros N. Food and Agriculture Organization of the United Nations. 2015. URL: http://www.fao.org/docrep/016/ap106e/ap106e.pdf (дата обращения: 15.11.2020). Текст: электронный.

7. Alston J. M. Giannini Foundation. 2016. URL: http://giannini.ucop.edu/media/are-update/files/articles/v12n2_5.pdf (дата обращения: 15.11.2020). Текст: электронный.

8. Fostering Productivity and Competitiveness in Agriculture OECD // Organisation for Economic Cooperation and Development. 2016. URL: http://browse.oecdbookshop.org/oecd/pdfs/product/5111131e.pdf (дата обращения: 15.11.2020). Текст: электронный.

9. LatruffeL. Competitiveness, Productivity and Efficiency in the Agricultural and AgriFood Sectors: OECD Food, Agriculture and Fisheries Papers N 30 // OECD iLibrary.2017.URL: http://www.oecd-ilibrary.org/agriculture-and-food/competitiveness-productivity-and-efficiency-in-the-agricultural-and-agri-food-sectors_5km91nkdt6d6-en?crawler=true (датаобращения: 15.11.2020). Текст: электронный.

10. Mahdi A. Soil Erosion, Crop Productivity and Cultural Practices // Iowa State University. 2016. URL: https://store.extension.iastate.edu/ (датаобращения: 15.11.2020). Текст: электронный.

11. Population Projection Tables by Country and Group // The World Bank. 2017. URL: http://web.worldbank.org/Wbsite/External/TOPICS/EXTHEALTHNUTRITIONANDPOPULATION/EXTDATASTATISTICSHNP/EXTHNPSTATS/0 (дата обращения: 15.11.2020). Текст: электронный.

12. Schwab K. The Global Competitiveness Report 2013–2014 // World Economic Forum.2015. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf (дата обращения: 15.11.2020). Текст: электронный.

Briefly about the authors

Madina Ryspekova, candidate of economic sciences, acting professor of the Economics and Entrepreneurship department, L. N.Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. Sphere of scientific interests: construction economics, labour market, real estate market, innovative economic development, agro-industrial complex and agriculture
madina10081957@mail.ru

Aigerim Duisenbekova, master of Economics and Business, 2nd year doctoral student, Economics and Entrepreneurship department, L. N.Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan. Sphere of scientific interests: food market, food supply, food security, agriculture, agro-industrial complex.
aigerim.duisenbekova95@gmail.com

Коротко об авторах

Рыспекова Мадина Оразовна, канд. экон. наук, и.о. профессора кафедры экономики и предпринимательства, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан. Область научных интересов: экономика строительства, рынок труда, рынок недвижимости, инновационное развитие экономики, агропромышленный комплекс, сельское хозяйство

Дуйсенбекова Айгерим Азаткызы, магистр экономики и бизнеса, докторант 2-го курса кафедры экономика и предпринимательства, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан. Область научных интересов: продовольственный рынок, продовольственное обеспечение, продовольственная безопасность, сельское хозяйство, агропромышленный комплекс

Образец цитирования

Ryspekova A., Duisenbekova A. Analysis of the current state of kazakhstan's agriculture Competitiveness in market conditions // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 110–119. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-110-119.
Рыспекова М. О. , Дуйсенбекова А. А. Анализ современного состояния конкурентоспособности сельского хозяйства казахстана в условиях рыночных отношений // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 110–119. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-110-119.

Статья поступила в редакцию: 20.11.2020 г.
Статья принята к публикации: 07.12.2020 г.

УДК 331.52
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-120-126

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА: ТЕНДЕНЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

RUSSIAN LABOUR MARKET: TRENDS AND TRANSFORMATIONS

А. А. Томских, Забайкальский государственный университет, г. Чита
tomskih_aa@mail.ru

A. Tomskikh, Zabaykalsky state University, Chita

Рассматриваются многофакторные аспекты развития рынка труда как особой экономической категории: этапы развития, влияние экономического кризиса, тенденции в период пандемии, движение занятости и безработицы и др. Проведен анализ ситуации на рынке труда в целом по миру и в разрезе России и ее субъектов. Показаны тенденции развития рынка труда через призму общемировых тенденций экономического развития и специфики принятия решений на уровне Российской Федерации, начиная с 1989 г. – периода трансформации ее социально-экономического развития и вхождения в мировой рынок. Большое внимание уделено ситуативной реакции рынка труда на мировую пандемию короновирусной инфекции в части анализа спроса и предложения вакансий, зарплат и их динамики за последний год крупнейшего портала-рекрутмента на территории страны. Показаны секторы риска развития рынка труда на территории России в целом, федеральных округов и субъектов федерации. Сделан вывод о достаточных решениях Правительства РФ в докризисный период и вынужденных антикризисных действиях во время пандемии в условиях многолетних санкций со стороны ключевых мировых акторов. Обозначены меры, необходимые для принятия общефедеральных решений по снижению напряжения на рынке труда в долгосрочном периоде с учетом сокращения доходов экономики: закрытие большего числа территорий или секторов рынка труда для иностранной рабочей силы; организация рабочих мест на реальных предприятиях, оптимизация потоков внутрироссийской трудовой миграции и новых технологических решений в экономике

Ключевые слова: *рынок труда; тенденции рынка труда; занятость; безработица; пандемия; мировой рынок; вакансии; меры*

The article deals with the multifactorial aspects of the labour market development as a special economic category: stages of development, impact of the economic crisis, trends during the pandemic, movement of employment and unemployment, etc. The analysis of the situation on the labour market, both in the whole world, and in the context of Russia and its subjects, is carried out. Trends in the development of the labour market are shown through the prism of global trends in economic development and the specifics of decision-making at the level of the Russian Federation since 1989, the period of transformation of its socio-economic development and entry into the world market. Much attention is paid to the situational response of the labour market to the global coronavirus pandemic in terms of analyzing the supply and demand of vacancies, salaries and their dynamics over the past year of the largest recruitment portal in the country. The risk sectors of the labour market development are shown for the territory of Russia as a whole, federal districts and subjects of the federation. The conclusion is made about sufficient decisions of the government of the Russian Federation in the pre-crisis period and forced anti-crisis actions during the pandemic in the conditions of long-term sanctions by key world actors. The measures necessary for the adoption of federal decisions to reduce the strain on the labour market in the long term, taking into account the reduction in the economy's income, are outlined: closing more territories or sectors of the labor market to foreign labour, organizing jobs at real enterprises, optimizing the flow of domestic labour migration and new technological solutions in the economy

Key words: *labour market; labour market trends; employment; unemployment; pandemic; world market; vacancies; measures*

© А. А. Томских, 2020

Введение. Изменения рынка труда в России принято рассматривать связывая его трансформацию в основном с позиции событий последнего года – ограничений и локдауна вследствие короновирусной инфекции, поразившей весь мир. Между тем тенденции, характерные для его структурных трансформаций, закладывались несколько десятилетий назад под влиянием смены парадигмы социально-экономического развития самой страны и более глубокого вхождения на международный рынок разделения труда.

Актуальность. Ситуация с мировой экономикой и пандемией значительно повлияла на состояние российского рынка труда. Меры поддержки экономики и населения в Российской Федерации положительно сказались на показателях безработицы. Однако они не могут быть долговременными. Требуются системные решения долговременного характера.

Методы исследования. В работе применялись традиционные общенаучные и конкретно-научные методы: сравнения, мониторинга, контент-анализа и синтеза, статистического анализа, обобщения материала.

Результаты исследования и их обсуждение. Как отмечают исследователи, российский рынок труда прошел несколько крупных этапов своего развития: 1991–1998 гг.; 1999–2008 гг.; 2008–2015 гг. – настоящее время [5]. Во время первого этапа происходили самые существенные изменения структуры рынка труда, связанные, с одной стороны, с экономическим кризисом, с другой – сокращением занятости в традиционных отраслях промышленности и ее ростом в непроизводственной сфере, до того имеющей дефициты в развитии в стране (табл. 1). При этом необходимо учитывать, что неформальный сектор экономики, по оценкам, к концу первого этапа достигал 12…40 % в зависимости от отрасли.

Второй этап – период стабилизации и подъема экономики в целом, особенно предпринимательства, в т. ч. в серой зоне.

Третий этап связан, с одной стороны, с мировым экономическим кризисом, последовавшим после многолетнего подъема, с другой – обусловлен высокой зависимостью российской сырьевой экономики, низкими темпами роста, бегством иностранных инвесторов из-за санкций и девальвацией рубля.

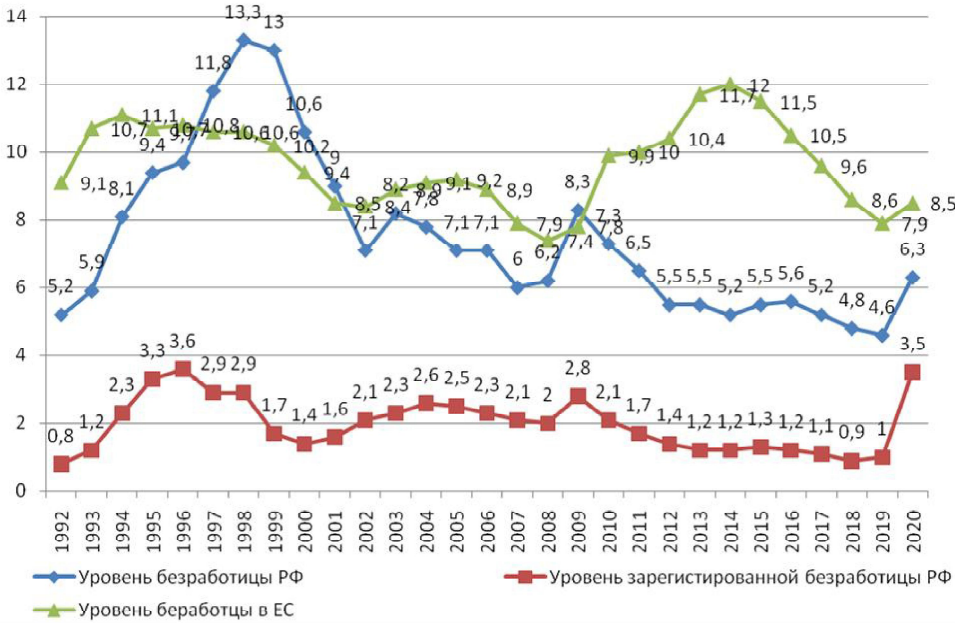
Последний кризис еще не закончился и усугубился в 2020 г. последствиями короновирусной инфекции [9; 10].

Таблица 1 / Table 1

Общеэкономические и социальные показатели СССР и РСФСР в 1989–1990 г., РФ в 2007 г.,% [2] / General economic and social indicators of the USSR and the RSFSR in 1989-1990, RF in 2007,%

Отрасли / Industries	**Валовый национальный продукт в СССР, 1989 г. (в фактически действующих ценах) / Gross national product in the USSR, 1989 (in actual prices)**	**Валовый региональный продукт, 2007 г. / Gross regional product, 2007**	**Среднегодовая численность занятых, по отраслям / Average annual number of employed, by industry**	
			1990 г.	2007 г.
Всего / Total	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе / Including				
– производственная сфера / Production area	60,0	43,8	65,2	39,2
– промышленность и строительство / Industry and construction	42,0	39,1	42,3	28,8
– сельское хозяйство / Agriculture	18,0	4,7	12,9	10,4
– непроизводственная сфера / Non-production sphere	40,0	56,8	44,8	60,8
– транспорт и связь / Transport and communication	6,0	9,8	7,8	8,0

Как видно из графика, представленного на рисунке, рынок труда во все годы реагировал на обозначенные этапы вариативностью показателя безработицы. Во все периоды кризиса она прогнозируемо росла. При этом есть существенные отличия между уровнем безработицы, выражающемся в отношении количества безработных к общей численности рабочей силы (критерии МОТ), и уровнем зарегистрированной безработицы. В целом, как показывает график, последние семь лет безработица была умеренной и, как считают специалисты, не превышала сопоставимые тренды других стран.



Динамика безработицы в России, 1992–2020 гг., % [2; 3; 8] / Dynamics of unemployment in Russia, 1992–2020,%

За последний год уровень безработицы вырос. Это произошло, прежде всего, за счет вновь зарегистрированных безработных, которым правительство России за последний год резко повысило и увеличило по срокам социальные выплаты. Появился стимул – выйти из неформальной занятости.

С другой стороны, и работающее население в полной мере испытало все тяготы пандемии через изменения условий труда: снижение заработной платы – 23 %; урезание премий – 15 %; задержки зарплаты – 5 %; неполное рабочее время – 9 %; вынужденные отпуска – 12 %; дистанционную занятость – 23 %; принудительные больничные – 2 %; потерю занятости – 8 % [3; 5]. Эти процессы сопровождались к тому же значительным снижением покупательной способности населения из-за роста цен на базовые продукты питания, 25…70 % с начала года. Все это привело к резкому увеличению уровня бедности: по данным Росстата – до 13,5 %; по социологическим опросам – до 33 %, или 48 млн человек. [6]. Если с уровнем безработицы правительство, согласно статистике, справилось относительно неплохо за счет помощи работодателям и удержания вакансий, пусть низкооплачиваемых, то с последним (рост цен) принимаемые меры с декабря 2020 г. явно запоздали.

Гораздо более значительные проблемы возникли в ряде отраслей, сильнее всего пострадавших в пандемию. К ним относят строительство и дороги, ЖКХ и сферу рыночных услуг. Первые получили издержки из-за многолетней ориентации на завоз иностранной рабочей силы, в ущерб россиянам (которые не смогли попасть в Россию после закрытия границ в марте 2020 г.) и новым технологиям. Это, прежде всего, касается трудовых ресурсов из стран СНГ. По мнению специалистов, существует два ключевых фактора, которые влияют на трудовую миграцию из Центральной Азии на российском рынке труда, – это

влияние запретов на пересечение границы и падение рубля [1]. По данным МВД, отток трудовых мигрантов в 2020 г. зафиксирован в сфере услуг (33,5 %), ЖКХ (25,8 %), строительстве (22,2 %). Вторые (общепит, сфера развлечений, спорта и др.) оказались еще и в рамках жестких ограничений для себя и посетителей [4]. Наиболее пострадал рынок труда в экономически слаборазвитых федеральных округах страны: Северо-Кавказском, Южном, Сибирском и Дальневосточном (табл. 2). Природа кризиса в них различна. Для первых двух это избыток трудовых ресурсов, для других – многолетняя депрессия традиционных отраслей в регионах и, как следствие, закрытие планово убыточных и по советским меркам производств. В этом плане в Дальневосточном федеральном округе особо отличается экономическая периферия – Республика Бурятия и Забайкальский край.

Таблица 2 / Table 2

Численность и состав рабочей силы в округах и субъектах Российской Федерации в возрасте 15 лет и старше [2] (по данным выборочных обследований рабочей силы в среднем за август–октябрь 2020 г.) / The number and composition of the labour force in the districts and constituent entities of the Russian Federation at the age of 15 years and older [2] (based on data from sample labour force surveys on average for August-October 2020)

Субъекты Российской Федерации / Subjects of the Russian Federation	**Численность рабочей силы, тыс. чел. / Number working strength, thousand people**	**В том числе / Including**		**Уровень, % / Level, %**		
		заня-тые / employed	безработные / unemployed	участия в рабочей силе / labor force participation	заня-тости / employment toes	безра-ботицы / bezor-boots
Российская Федерация, федеральные округа / Russian Federation, federal districts	75189,8	70430,1	4759,6	62,2	58,3	6,3
Центральный / Central	21304,4	20341,2	963,2	64,0	61,1	4,5
Северо-Западный / Northwestern	7465,4	7026,6	438,9	63,7	60,0	5,9
Южный / Southern	8158,8	7635,1	523,7	59,9	56,0	6,4
Северо-Кавказский / North Caucasian	4568,1	3887,1	681,0	60,0	51,1	14,9
Приволжский / Privolzhsky	14753,7	13932,4	821,3	60,9	57,6	5,6
Уральский / Ural	6282,1	5897,3	384,8	63,2	59,3	6,1
Сибирский / Siberian	8417,7	7748,5	669,2	60,6	55,8	7,9
Дальневосточный / Far Eastern	**4239,4**	**3961,8**	**277,5**	**64,5**	**60,3**	**6,5**
Республика Бурятия / The Republic of Buryatia	430,5	385,5	45,0	57,1	51,2	10,4
Республика Саха (Якутия) / The Republic of Sakha (Yakutia)	502,0	465,7	36,3	67,7	62,9	7,2
Забайкальский Transbaikal region край /	523,2	470,7	52,4	62,6	56,3	10,0
Камчатский край / Kamchatka Kray	181,3	174,7	6,6	70,0	67,5	3,6
Приморский край / Primorsky Krai	994,5	942,5	51,9	62,9	59,6	5,2
Хабаровский край / Khabarovsk region	726,4	693,8	32,6	67,1	64,1	4,5
Амурская область/ Amur region	404,1	378,1	26,0	63,1	59,0	6,4
Магаданская область / Magadan Region	90,2	85,0	5,2	77,7	73,2	5,8

Окончание табл. 2

	Численность рабочей силы, тыс. чел. / Number working strength, thousand people	В том числе / Including		Уровень,% / Level, %		
		заня-тые / employed	безработные / unemployed	участия в рабочей силе / labor force participation	заня-тости / employment toes	безра-ботицы / bezor-boots
Сахалинская область / Sakhalin Region	276,0	260,2	15,8	69,2	65,3	5,7
Еврейская авт.обл. / Jewish Autonomous Region	79,7	75,3	4,4	62,2	58,7	5,5
Чукотский авт.округ / Chukotka Autonomous Region	31,6	30,2	1,3	81,2	77,7	4,2

По данным портала-рекрутмента *Superjob.ru* и Национального агентства развития квалификаций, число и направление вакансий с февраля по апрель 2020 г. изменилось (табл. 3). Выборка по данным Росстата на 2020 г. составила 361 тыс. человек из 1,1 млн вакансий. Она не предоставляет всю величину вакансий в стране, но позволяет хорошо отследить спрос и предложение рынка труда. Мощный рост вакансий строителей и специалистов, обслуживающих потребности людей в виде развития аутсорсинга товаров, работ и услуг. Тренды развития рынка труда за последний год представлены в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Профессии с наиболее высокими темпами востребованности среди работодателей / Professions with the highest rates of demand among employers *

Профессии / Professions	Вакансий, апрель 2020 г., чел. / Vacancies, April 2020, people	Прирост к февралю 2020 г., % / Growth versus February 2020,%	Предложения работодателей по оплате труда, апрель 2020 г. / Employers' Proposals for Wages, April 2020	
			в среднем, р. / Average, p .	динамика, март/ апрель,% / Dynamics, March / April,%
Бетонщик-арматурщик / Concrete worker	1303	+37	94997	+72
Монтажник / Installer	1272	+25	95194	+82
Арматурщик / Fitter	1074	+21	96296	+78
Фрезеровщик / Milling machine operator	966	+24	63506	+2
Специалист колл-центра (домашний офис) / Call center specialist (home office)	767	+336	25000	+14
Комплектовщик на склад / Warehouse picker	753	+348	68543	+48
Кредитный представитель / Credit representative	745	+258	43051	+37
Работник торгового зала / Sales floor worker	697	+35	33431	+15
Бетонщик / Concrete worker	681	+62	65481	+21
Повар / Cook	604	+14	47297	+18
Слесарь-сантехник / Plumber	413	+165	50042	-9
Инженер ПТО / VET Engineer	327	+37	85452	+25
Электрогазосварщик / Electric and gas welder	320	+69	73351	+11
Фармацевт-провизор / Pharmacist	293	+30	50682	+21
Мерчендайзер / Merchandiser	293	+14	32787	+44
Машинист экскаватора / Excavator driver	287	+19	95149	+21
Водитель экспедитор с категорией Е / Forwarder driver with category E	237	+144	117281	+45

*По данным Superjob.ru, Национального агентства развития квалификаций

Количество размещенных здесь же резюме позволило выявить профессии, как нам представляется, избыточные на рынке труда или возможно люди находились в поиске более высокого дохода: администратор, менеджер по продажам, продавец-консультант, водитель, бухгалтер, менеджер по работе с клиентами, главный бухгалтер, продавец-кассир и др. В условиях локдауна и «цифры» они стали значительно меньше востребованными экономикой. Пострадал молодежный рынок труда, ориентированный на них: в феврале 2020 г. вакансии для выпускников сократились на 42 % к февралю прошлого года. В декабре 2019 г. уровень безработицы среди людей в возрасте 20…24 лет составил 15,1 %, а среди подростков 15…19 лет – 22,1 % [7]. Поэтому выбор профессии будущего как никогда становится важным для выпускников школ. По нашему мнению он должен стать более прагматичным в условиях экономического кризиса.

Заключение. Рынок труда страны, испытывавший и до пандемии существенные деформации, находится в большом напряжении. Факторы и тренды его развития связаны с кризисом в экономике, «цифрой» и пандемией. Видимо, длительная массовая финансовая поддержка со стороны Правительства РФ по ограничению безработицы и поддержанию вакансий на рынке труда в стране не возможна – ресурсы конечны. Необходимы новые меры по развитию рынка труда. Часть из них болезненны (закрытие большего числа территорий или секторов рынка труда для иностранной рабочей силы); часть мер должна быть связана, по нашему мнению, с организацией рабочих мест на реальных предприятиях, оптимизацией потоков внутрироссийской трудовой миграции, новыми технологическими решениями. Экономика должна развиваться в направлении «новой индустриализации», что позволит преодолеть ее структурные изъяны и сформировать новые внутренние источники роста, в том числе на рынке труда.

Список литературы

1. Абашин С. Cowid-19 и падение рубля: Российский рынок труда больше не будет прежним. URL: https://eusp.org/news/sergey-abashin-regnum-rossiyskiy-rynok-truda-bolshe-ne-budet-prezhnim (дата обращения: 04.01.2021). Текст: электронный.

2. Занятость и безработица в Российской Федерации в октябре 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/220.htm. (дата обращения: 04.01.2021). Текст: электронный.

3. Капелюшников Р. Рынок труда в России: до и во время пандемии: вебинар. URL: //https://yandex.ru/video/preview/?text=wizard&parent-reqid=1609113889810380-730998170497376507700107-production-app-host-vla-web-yp-107&wiz_type=v4thumbs&filmId=5224900924647536283 (дата обращения: 28.12.2020). Текст: электронный.

4. Кулакова В., Ясакова Е. Кадровая эпидемия: из-за нехватки мигрантов срываются сроки ввода жилья. URL: https://iz.ru/1103166/veronika-kulakova-ekaterina-iasakova/kadrovaia-epidemiia-iz-za-nekhvatki-migrantov-sryvaiutsia-sroki-vvoda-zhilia. (дата обращения: 30.12.2020). Текст: электронный.

5. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Текст: электронный // Доклад центра трудовых исследований и лаборатории исследований рынка труда НИУ ВШЭ.М, 2017. – С. 148. URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/218427624 (дата обращения: 28.12.2020).

6. Сергеев М. Бедными называют себя более 48 миллионов. URL: http:// https://www.ng.ru/economics/2020-12-13/1_8038_poverty.html?print=Y. (дата обращения: 30.12.2020). Текст: электронный.

7. Трушин А. Безработный возраст. На рынке труда катастрофически упал спрос на молодых специалистов. Текст: электронный // kommersant.ru: [сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4341606 (дата обращения: 04.01.2021).

8. Уровень безработицы в еврозоне. Текст: электронный // Eurostat: [сайт]. URL: https://ru.investing.com/economic-calendar/unemployment-rate-299 (дата обращения: 04.01.2021).

9. Angang Hu. The World and Chinas Economy the Covid-19 Pandemic. URL: https://valdaiclub.com/a/highlights/the-world-and-china-s-economy-under-the-covid-19/ (дата обращения: 05.01.2021). Текст: электронный.

10. Pandemic crisis: Global economic impact tracker. URL: https://www.ft.com/content/272354f2-f970-4ae4-a8ae-848c4baf8f4a (дата обращения: 05.01.2021). Текст: электронный.

References

1. Abashin S. *Covid-19 i padenie rublya: Rossiyskiy rynok truda bolshe ne budet prezhnim* (Covid-19 and the fall of the ruble: The Russian labour market will no longer be the same). Available at: https://eusp.org/news/sergey-abashin-regnum-rossiyskiy-rynok-truda-bolshe-ne-budet-prezhnim (Date access: 04.01.2021). Text: electronic.

2. *Zanyatost i bezrabotitsa v Rossiyskoy Federatsii v oktyabre 2020 goda* (Employment and unemployment in the Russian Federation in October 2020). Available at: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/220.htm. (Date access: 04.01.2021). Text: electronic.

3. Kapelyushnikov R. *Rynok truda v Rossii: do i vo vremya pandemii: vebinar* (Labour market in Russia: before and during the pandemic: a webinar). Available at: //https://yandex.ru/video/preview/?text=wizard&parent-reqid=1609113889810380-730998170497376507700107-production-app-host-vla-web-yp-107&wiz_type=v4thumbs&filmId=5224900924647536283 (Date access: 28.12.2020). Text: electronic.

4. Kulakova V., Yasakova E. *Kadrovaya epidemiya: iz-za nekhvatki migrantov sryvayutsya sroki vvoda zhiliya* (Personnel epidemic: due to the lack of migrants, timing of housing commissioning is disrupted). Available at: https://iz.ru/1103166/veronika-kulakova-ekaterina-iasakova/kadrovaia-epidemiia-iz-za-nekhvatki-migrantov-sryvaiutsia-sroki-vvoda-zhilia (date accessed: 30.12.2020). Text: electronic.

5. Doklad tsentra trudovyh issledovaniy i laboratorii issledovaniy rynka truda NIU VSHE.M, 2017 (Report of the Center for Labour Research and the Labour Market Research Laboratory of the Higher School of Economics, 2017), p. 148. Available at: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/218427624 (Date access: 28.12.2020). Text: electronic.

6. Sergeev M. *Bednymi nazyvayut sebya bolee 48 millionov* (More than 48 million people call themselves poor). Available at: http:// https://www.ng.ru/economics/2020-12-13/1_8038_poverty.html?print=Y. (date accessed: 30.12.2020). Text: electronic.

7. Trushin A *kommersant.ru: [sait]* **(**kommersant.ru: [website]). Available at: https://www.kommersant.ru/doc/4341606 (Date access: 04.01.2021). Text: electronic.

8. *Eurostat: [sait]* Eurostat: [website]. Available at: https://ru.investing.com/economic-calendar/unemployment-rate-299 (date accessed: 04.01.2021). Text: electronic.

9. *Angang Hu. The World and Chinas Economy the Covid-19 Pandemic* (Angang Hu. The World and Chinas Economy the Covid-19 Pandemic). Available at: https://valdaiclub.com/a/highlights/the-world-and-china-s-economy-under-the-covid-19/ (Date access: 05.01.2021). Text: electronic.

10. *Pandemic crisis: Global economic impact tracker* (Pandemic crisis: Global economic impact tracker). Available at: https://www.ft.com/content/272354f2-f970-4ae4-a8ae-848c4baf8f4a (date accessed: 05.01.2021). Text: electronic.

Коротко об авторе **Briefly about the author**

Томских Андрей Александрович, д-р геогр. наук, доцент, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, сервиса и технологий, директор, Институт управления развития образования; Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия. Область научных интересов: территориальная организация научно-образовательных структур, региональная экономика, географические аспекты качества жизни
tomskih_aa@mail.ru

Andrey Tomskikh, doctor of geographical sciences, associate professor, professor of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Service and Technologies, Director of the Institute of Educational Development Management, Transbaikal state University, Chita, Russia. Sphere of scientific interests: territorial organization of scientific and educational structures, regional economy, geographical aspects of quality of life

Образец цитирования

Томских А. А. Российский рынок труда: тенденции и трансформации // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 120–126. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-120-126.

Tomskikh A. Russian LaboUr Market: Trends and Transformations // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 120–126. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-120-126.

Статья поступила в редакцию: 30.12.2020 г.
Статья принята к публикации: 11.01.2021 г.

УДК 338.22.021.4
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-127-135

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР

FORMATION OF A MANAGEMENT MECHANISM FOR INDUSTRIAL ENTERPRISES

У Баоюй, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск
malex1j@yandex.ru

U. Baoyu, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

В рамках статьи представлены актуальные проблемы, связанные с влиянием эпидемии коронавирусной инфекции, с которыми столкнулись промышленные предприятия. Раскрыты сложности, возникающие в результате производства промышленной продукции, которые напрямую связаны с ограничительными мерами. Определены ключевые направления компаний в области обрабатывающей промышленности: создание системы управления корпоративной информацией, улучшение системы управления денежными средствами, внедрение таких механизмов, как «реализация удаленного офиса» и «продвижение автоматизации производства. Многие производственные компании выдвигают срочные потребности в удаленном совместном управлении задачами, проектами, рабочими процессами и другом программном обеспечении. В то же время они уделяют больше внимания практическому применению BI, анализа больших данных и искусственного интеллекта.

Выявлены ключевые преимущества процессов по автоматизации и интеллектуальной модернизации основных фондов. Доказано, что интеграция в производственные и управленческие процессы промышленных предприятий удаленного управления, интеллектуального оборудования и высокого уровня автоматизации поможет развитию в кратко- и долгосрочной перспективе. Основная задача исследования – определение ключевых особенностей и связей элементов механизма управления промышленными предприятиями между собой. Сформирована общая структурная модель механизма управления промышленным предприятием в условиях дистанционного управления подразделениями. Главной целью интеграции механизма управления промышленным предприятием является наращивание конкурентных преимуществ и увеличение прибыли

Ключевые слова: *промышленные предприятия; интеллектуальное производство; автоматизация; эпидемия; коронавирусная инфекция; конкурентные преимущества; механизм управления; модель управления; интернет-гиганты; интеллектуальные системы*

The article presents current problems faced by industrial enterprises related to the impact of the coronavirus epidemic. Difficulties arising from the production of industrial products, which are directly related to restrictive measures, are disclosed. The key directions of companies in the field of processing are defined, namely: creation of a corporate information management system, improvement of the cash management system, introduction of such mechanisms as" implementation of remote office "and" promotion of production automation. Currently, many manufacturing companies have urgent needs for remote collaborative task management, project management, workflow management, and other software. At the same time, they pay more attention to the practical application of BI, big data analysis, and artificial intelligence. The key advantages of processes for automation and intelligent modernization of fixed assets are identified. It is proved that integration of remote control, intelligent equipment and a high level of automation into production and management processes of industrial enterprises will contribute to development in the short and long term. The main task of the presented research is to determine the key features and relationships of the elements of the management mechanism of industrial enterprises among themselves. At the same time, it was possible to form a conceptual management model based on them. To do this, it is necessary to determine the role of the industrial enterprise management mechanism in the

© У Баоюй, 2020

management system. The General structural model of the industrial enterprise management mechanism in the conditions of remote control of divisions is formed. The main goal of integrating the management mechanism of an industrial enterprise is to increase competitive advantages and increase profits

Key words: *industrial enterprises; intelligent production, automation, epidemic; coronavirus infection; competitive advantages; management mechanism; management model; internet giants; intelligent systems*

Актуальность. Под воздействием эпидемии макроэкономическая ситуация демонстрировала снижение продаж, объемы запасов на предприятиях оставались на высоком уровне, спрос на недвижимость, инфраструктуру, автомобили и бытовую технику в секторе переработки и сбыта резко упал, а противоречие между спросом и предложением в сфере промышленного производства стало существенно заметным.

Объектом исследования выступают промышленные предприятия, которые нуждаются в построении более эффективного механизма управления в условиях ограничительных мер.

Предмет исследования – методические подходы к решению проблем, связанных с коронавирусной инфекцией, в деятельности промышленных предприятий.

Цель исследования. В то время как эпидемия коронавирусной инфекции вызвала огромный кризис в экономике всего мира, структура рынка подверглась значительным трансформациям. Столкнувшись с проблемами снижения прибыли из-за приостановки операций, ожидания работы и трудностей с оборотом капитала, различные отрасли последовательно прилагали все более активные усилия в области интеллектуальных данных, автоматизации и онлайн-сервисов, чтобы внести коррективы в текущую деятельность. При этом как внутри, так и за пределами отрасли активно справлялись с трудностями за счет взаимопомощи и снижения арендной платы. Профилактика эпидемии коронавирусной инфекции и борьба с ней дает возможность прояснить идеи для формирования системы управления промышленными предприятиями.

Задачи исследования: построить эффективный механизм управления промышленными предприятиями, который позволит наращивать конкурентные преимущества и повышать рентабельность. Это позволит достичь баланса между внутренней и внешней средой промышленного предприятия путем воздействия на соответствующие факторы (объекты) управления.

Методология и методы исследования. В ходе проведенного исследования использовались методы синтеза, аналогии и моделирования.

Разработанность проблемы. На современном этапе автоматизированное производство резко среагировало на отложенное возобновление работы [9]. В условиях эпидемии компании были намерены освобождать от работы персонал, для предоставления услуг на месте требовались только определенные люди. В то же время большинство компаний практически отказались от метода встреч на месте и предприняли онлайн-видеоконференции, в том числе встречи в офисе генерального директора [15].

Повседневное управление предприятиями в основном осуществлялось с помощью электронных и онлайн-операций [2]. Что касается видов работ, которые должны выполняться на месте, некоторым компаниям удалось заменить их новым интеллектуальным, не требующим обслуживания оборудованием. Компании также пытались добиться успеха с помощью автоматизированных машин, особенно в условиях ограниченности поставок.

Компании различных стран стали инвесторами инфраструктурных проектов, способных оказать помощь предприятиям, столкнувшимся с проблемами в условиях ограничительных мер [8]. Под влиянием эпидемии мы также будем больше уделять внимания исследовательскому процессу промышленности. Мы считаем, что удаленное управление, высокоинтеллектуальное оборудование, беспилотный режим и высокий уровень автоматизации будут иметь большее влияние на промышленные предприятия в ближайшие 5…10 лет.

В отличие от характеристик «гарантированного снабжения» основных отраслей энергетики (электроэнергетика, уголь, нефть и газ), отсрочка возобновления работы в таких отраслях, как автомобили, электроника и

потребительские товары, часто влияет на все [10]. В качестве примера рассмотрим автомобильную промышленность: вследствие ограниченного производства поставщиков запчастей и аксессуаров из-за эпидемии половина автомобильных компаний не смогли возобновить работу в соответствии с графиком.

Столкнувшись с описанной ситуацией, многие компании активно продвигают интеллектуальные системы и новейшие технологии в области автоматизации, чтобы заменить ручной труд. Китайская компания "*Changan Automobile*" попыталась решить эту проблему. Благодаря роботам в качестве основной силы уровень автоматизации производства достиг более 90 % [6]. Производимые автомобили транспортируются на следующий процесс через автоматические конвейеры. Транспортные средства автоматически перемещаются туда и обратно. Умный завод позволил сократить количество работающих на 56 % по сравнению с традиционным заводом по производству автомобилей, что повысило эффективность производства на 20 % и позволило избежать скопления рабочих [11]. Однако стоит отметить и негативную сторону данных процессов. Если большинство компаний будут использовать автоматизированное производство, то в дальнейшей перспективе это может значительно ударить по рынку труда, вызвать в стране большой рост безработицы.

В Цзянси, чтобы уменьшить нехватку медицинских принадлежностей, многие компании увеличивают внедрение оборудования автоматизации, расширяют производственные мощности, уделяя особое внимание медицинским маскам, дезинфицирующим средствам и инфракрасным приборам для измерения температуры тела [13].

В Цзясине, провинция Чжэцзян, в цехе по производству стекла *Flat Group* роботизированная рука рядом с конвейерной линией завершает процесс производства стекла – от самого производства до упаковки готовой продукции, а уровень автоматизации компании достиг 70 % [1].

После эпидемии все больше компаний проявят интерес к активной автоматизации. Малые и средние предприятия будут осознавать важность автоматизации и беспилотных производств.

Последние данные показывают, что точка перегиба в индустрии промышленных роботов приближается. В декабре 2019 г. производство промышленных роботов в Китае составило 20 014 единиц, увеличившись на 15,3 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, завершив 13 месяцев снижения роста подряд [4]. Данные предварительных индикаторов, таких как заказы на редукторы и соответствующие отраслевые индикаторы, говорят, что индустрия промышленных роботов активизировалась.

Стоит отметить, что в полупроводниковой промышленности высокоавтоматизированные функции предприятий особенно важны, а краткосрочное воздействие эпидемии на полупроводниковую промышленность ограничено. Согласно анализу отчета *Essence Securities Research Report*, эпидемия вызвала краткосрочное производственное давление на цепочку полупроводниковой промышленности, а потребление существенно замедлилось [8]. При этом производители печатных плат пострадали в большей степени. Тем не менее полупроводниковая промышленность имеет относительно высокий уровень автоматизации производства.

Можно предвидеть, что эпидемия также значительно сократит цифровые и интеллектуальные процессы в традиционных отраслях, особенно в производстве. Искусственный интеллект, большие данные, облачные вычисления приведут к взрывному росту, а популярность умных фабрик и автоматизированных фабрик возрастет.

В условиях эпидемии наблюдается ускоренное обновление модели управления предприятиями, многие компании меняют свои методы производства, системы занятости и формы занятости. Это требует всестороннего улучшения, бережливого управления предприятием, создания механизма систематического надзора, проверки и оценки.

После испытания эпидемией в производстве, эксплуатации и операционном менеджменте компании могут возникнуть новые изменения. Анализ, проведенный исследовательским отделом *CICC* [12], показывает, что среди 58 опрошенных в различных отраслях обрабатывающей промышленности компаний заявили, что в будущем они сосредоточатся на таких направлениях, как:

– создание системы управления корпоративной информацией;

– улучшение системы управления денежными средствами;

– внедрение механизмов «реализации удаленного офиса» и «продвижения автоматизации производства».

Многие производственные компании выдвигают срочные потребности в удаленном совместном управлении задачами, управлении проектами, управлении рабочими процессами и другом программном обеспечении. В то же время они уделяют больше внимания практическому применению BI, анализа больших данных и искусственного интеллекта.

Фактически, чтобы остановить распространение эпидемии, многие компании ввели методы удаленной работы из дома после возобновления работы. После того как *WeLink*, дочерняя компания *HUAWEI CLOUD*, объявила о том, что это бесплатно, было добавлено 5000 корпоративных пользователей. Крупные компании также стремятся бесплатно открывать ресурсы, чтобы помочь компаниям «бороться с эпидемией»: *DingTalk* предоставляет бесплатные системы домашнего офиса десяти миллионам компаний, *Tencent* бесплатно упаковала и открыла семь наборов инструментов удаленного офиса *Byte Beat Feishu*, Все услуги удаленного совместного офиса открыты бесплатно. *Suning Technology* бесплатно открывает систему удаленного офиса *Suning Bean Sprout*; компании, предоставляющие корпоративные услуги, *Yunxuetang* и *Xiaoyu Yilian*, также бесплатно открывают многие услуги.

Согласно аналитическому отчету, опубликованному *Tianfeng Securities*, индекс поиска удаленных офисов вырос на 491 % в годовом исчислении в феврале 2020 г. и на 317 % в месячном исчислении [9].

Интернет-гиганты родились в период атипичной пневмонии, и новая эпидемия может породить онлайн-технологию приложений 5G, что является просто необходимой возможностью развития систем управления предприятиями.

Удаленный офис станет неизбежной тенденцией развития будущих моделей корпоративного управления и корпоративного офиса. В 2017 г. 24 % компаний по всему миру, особенно технологические компании, перешли на удаленный офис [2]. В 2020 г., по предварительным оценкам, около 50 % технологических компаний будут использовать удаленный офис, около 29 % своих сотрудников.

Результаты исследования. Для предприятий первоочередной задачей является скорейшее возобновдение работы и производства в условиях эпидемической ситуации, взлом «ненормального механизма работы» предприятий и формирование нормализованного механизма делопроизводства [14].

В процессе разработки эффективного механизма управления промышленным предприятием необходимо принять следующие положения:

1. Механизм управления (хозяйственный, организационный, экономический, организационно-экономический) – система, совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих частей, объединение которых обусловлено целями управления.

2. Любой механизм управления включает совокупность методов как систему правил и процедур, применяемых субъектом управления для решения конкурентных задач, стоящих перед системой управления для достижения целей управления;

3. Механизм управления вне зависимости от его природы содержит конкретно определенный набор инструментов, рычагов, с помощью которого осуществляется целевое воздействие на объекты управления для решения указанных задач.

4. Принципиальное значение, по нашему мнению, имеет конкретизация элементов объекта управления (факторов), на которые будут направлены воздействия инструментов и рычагов, лежащих в основе механизма управления.

5. При формировании механизма управления необходимо учитывать, что полная реализация его функций практически невозможна без соответствующего ресурсного обеспечения (информационного, нормативного, технического, кадрового и т. д.).

С учетом изложенного механизм управления промышленным предприятием можно изобразить схематично (рис. 1).

По нашему мнению, задача приведенного исследования заключается в конкретизации элементов механизма, их особенностей и специфических черт, связей между ними, в формулировке принципиальных требований и построении на этой основе его структурной модели. При этом важно определить место механизма управления промышленным предприятием в системе управления.

Главной целью предприятия в рыночных условиях является обеспечение экономиче-

ской эффективности хозяйствующего субъекта для победы в конкурентной борьбе, с целью получения запланированной прибыли, что возможно только при обеспечении общей экономической устойчивости предприятия. Исходя из этого, главную цель функционирования механизма управления промышленным предприятием можно сформулировать как обеспечение общей экономической устойчивости промышленного предприятия. В качестве системы показателей, определяющей степень достижения главной цели, будут выступать те нормативные соотношения, которые закреплены в диагностических моделях внутренней и внешней устойчивости и которые в совокупности определяют общую экономическую устойчивость промышленного предприятия.

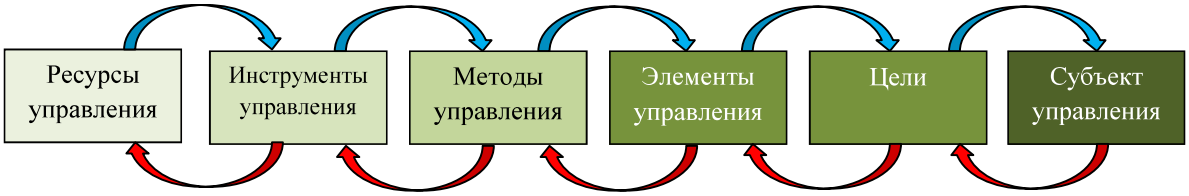


Рис. 1. Принципиальная схема механизма управления промышленным предприятием / Fig. 1. Schematic diagram of the industrial enterprise management mechanism

«Ядром» формирования механизма управления промышленным предприятием должны стать три составляющие, совместимость и эффективность которых определяет процветание и благополучие любого предприятия, следовательно, и устойчивость его функционирования. Речь идет о стратегии, организационной структуре предприятия и его корпоративной культуре. Взаимосвязь трех элементов управления предприятием представлена на рис. 2.

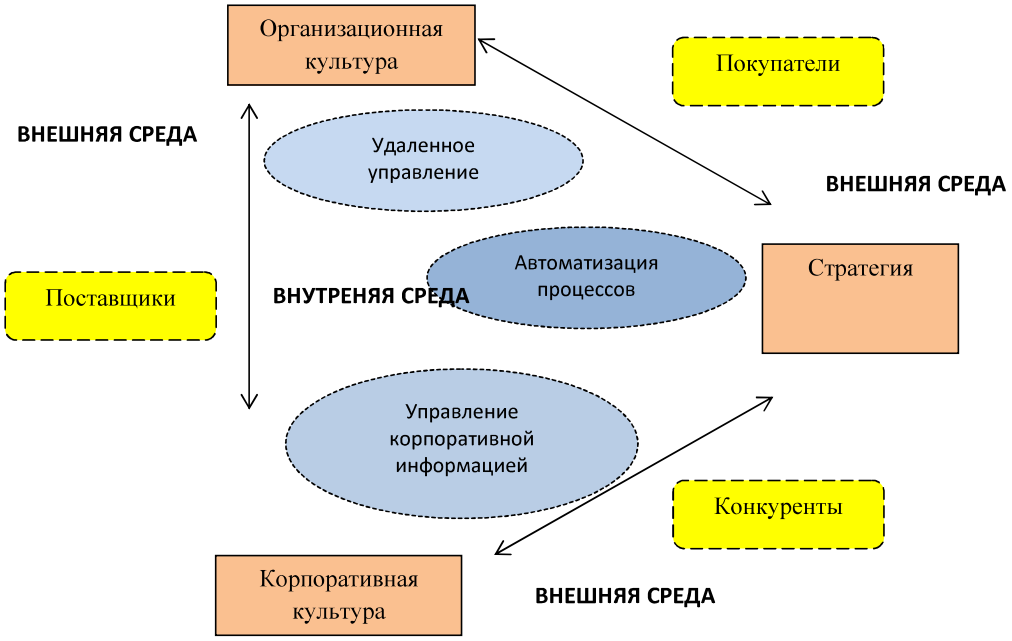


Рис. 2. Взаимосвязь элементов механизма управления промышленным предприятием с изменчивым состоянием внешней и внутренней среды компании / Fig. 2. Relationship of elements of the industrial enterprise management mechanism with the changing state of the external and internal environment of the company

Таким образом, приведенное исследование позволяет сформировать общую концептуальную модель механизма управления промышленным предприятием в условиях повышения автоматизации и удаленного управления подразделениями. Структурная схема представлена на рис. 3.

Согласно представленной модели следует, что механизм управления промышленным предприятием является основой системы управления.

Предложенный механизм основан на целях управления предприятием, а именно обеспечения наращивания конкурентных преимуществ и повышения рентабельности.

Механизм управления промышленным предприятием представляет собой совокупность ключевых принципов, методов, экономических, административных, правовых рычагов и стимулов, с помощью которых решаются вопросы, связанные с обеспечением баланса между внутренней и внешней средой промышленного предприятия путем воздействия на соответствующие факторы (объекты) управления. Кроме того, данная модель позволяет тесно увязать цели, задачи, средства достижения целей и ресурсы.

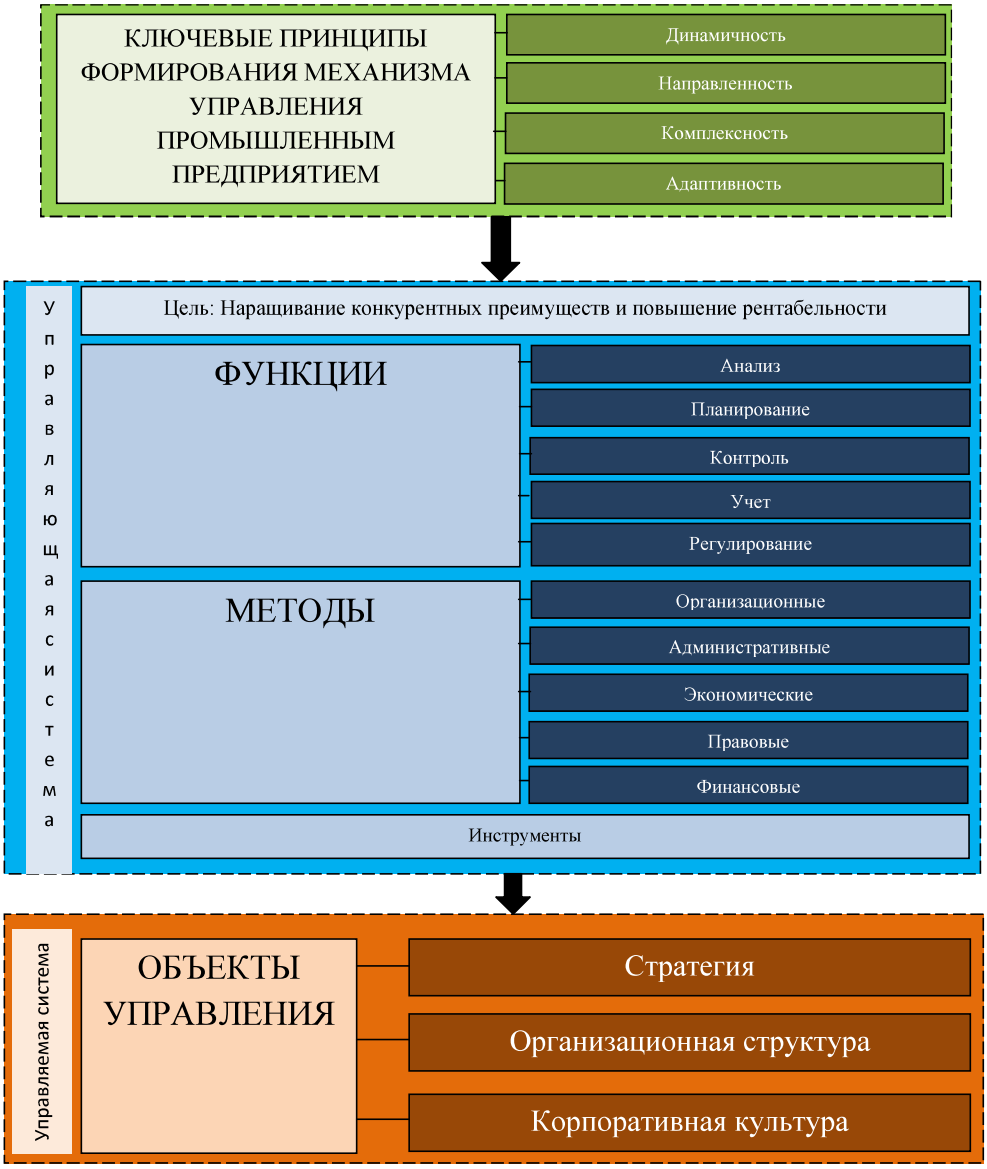


Рис. 3. Общая структурная модель механизма управления промышленным предприятием в условиях дистанционного управления подразделениями / Fig. 3. General structural model of the industrial enterprise management mechanism in the conditions of remote management of divisions

Заключение. Промышленные предприятия прошли путь от индустриализации и информатизации до интеллектуальной стадии. В рамках статьи доказано, что производственные процессы становятся более интеллектуальными, что приводит к интеллектуальным преобразованиям, а также будущему развитию и успеху промышленных предприятий. Выявлено, что интегрированные системы управления промышленными предприятиями, помимо комплексных функций, поддерживают модульную комбинацию, персонализированные настройки, открытую стыковку с целью помощи промышленным предприятиям лучше контролировать расходы и потребление, улучшать качество и эффективность в краткосрочной и долгосрочной перспективе в условиях замедления темпов мировой экономики. Обосновано, что использование инновационных систем управления предприятием позволит достичь высоких результатов и повысить конкурентоспособность выпускаемой продукции. Представлена модель управления промышленным предприятием, позволяющая наращивать конкурентные преимущества и увеличивать размер чистой прибыли.

Согласно приведенному анализу следует, что выбор той или иной системы управления предприятием заключается в адаптации к тем или иным внешним и внутренним факторам компании. Топ-менеджменту промышленных предприятий необходимо учитывать приобретенный опыт и на основе этого разрабатывать стратегию развития.

Список литературы

1. Дедегкаев В. Х., Гутиева А. С., Камбердиева С. С. Система управления промышленным предприятием: контроль эффективности информационного обеспечения // International science journal “Sustainable development of mountain territories”. 2018. №3. С. 76–86

2. Клипин А. О., Берегова Г. М., Шуплецов А. Ф. Механизм импортозамещения в машиностроительном комплексе в формате промышленного кластера // Перспективы развития фундаментальных наук: сб. науч. трудов XVI Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. И. А. Курзиной, Г. А. Вороновой. Томск: Изд-во Томск. политехн. ун-та, 2019. С. 87–89.

3. Попович Н. А. Китайский менеджмент как способ управления компаниями // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2016. №3. С. 68–69.

4. Рыжкова Е. В., Иода Е. В. Особенности управления рисками промышленного предприятия // Социально-экономические явления и процессы (Экономика и экономические науки). 2015. Т. 10, №9. С. 146–152.

5. С точки зрения цепочки создания стоимости. Реформа организационной модели управления в индустрии 4.0. 2020. URL: https://www.hbrchina.org/2017-10-11/5589.html (дата обращения: 12.07.2020). Текст: электронный.

6. Се Вэйхун, Ли Чжуншунь, Цюй Сифэн. Эмпирическое исследование взаимосвязи между прочностью сетевых связей и технологическими инновациями предприятия // Наука и управление наукой и технологиями. 2015. № 5. С. 62–73.

7. Се Хунмин, Рен Яньян, Чен Ин. Исследование взаимосвязи между взаимностью сетей и инновациями в управлении предприятием – на основе перспективы способности к обучению и агломерации членства // Исследовательский менеджмент. 2014. №1. С. 90–97.

8. Содействие развитию МСП (2016–2020). URL: http://www.mofcom.gov.cn/article/bh/201610/20161001542549.shtml (дата обращения: 12.07.2020). Текст: электронный.

9. Тимофеев О. А., Ронжина В. С. Сопряжение программ «Сделано в Китае – 2025» и INDUSTRIE 4.0 как основа инновационного сотрудничества КНР и Германии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. Вып. 22. С. 338–351.

10. Фомин П. А. Инструменты и методы менеджмента промышленных предприятий. М.: Дашков и К, 2008. 492 с.

11. Четвертая революция в управлении: стратегия трансформации. URL: http://www.qyglzz.com/view.php?id=634 (дата обращения: 12.07.2020). Текст: электронный.

12. Чжао Чжунвэй, Ван Пин, Лю Минъяо. Оценка роста высокотехнологичных предприятий на основе динамических возможностей // Исследования в области управления наукой и технологиями. 2016. № 23. С. 74–77.

13. Чэнь Литян, Сюй Цинруй. Исследования по измерению и сравнительной оценке инновационных возможностей малых и средних производственных предприятий в условиях переходной экономики: на основе перспективы равновесия «гибкость-эффективность» // Journal of Engineering Engineering. 2016. № 3. С. 1–8.

14. Эпидемия способствует реформированию управления промышленными предприятиями, автоматизированное производство и онлайн-офис становятся оружием. 2020. URL: http://www.jshqjt.com/index.asp?tjld/1025.html (дата обращения: 12.07.2020). Текст: электронный.

15. Beregova G., Klipin A., Shupletsov A. Problems and prospects of import substitution in the construction industry of the region // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. New Technologies and Special-Purpose Development Priorities. 2019. С. 12–13

References

1. Dedegkaev V. Kh., Gutieva A. S., Kamberdieva S. S. *International science journal "Sustainable development of mountain territories"* (International science journal "Sustainable development of mountain territories"), 2018, vol. 3. pp. 76–86.

2. Klipin A. O., Beregova G. M., Shupletsov A. F. *Perspektivy razvitiya fundamentalnyh nauk: sb. nauch. trudov XVI Mezhdunar. konf. studentov, aspirantov i molodyh uchenyh / pod red. I. A. Kurzinoy, G. A. Voronovoy. 2019* (Prospects for the development of fundamental sciences: collection of scientific works of the XVI International Conference of Students, Postgraduates and young Scientists / ed.by I. A. Kurzina, G. A. Voronova.). Tomsk: Tomsk. Publishing House. Polytech. Univ., 2019, pp. 87–89.

3. Popovich N. A. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* (Bulletin of the Omsk University. Series "Economy"), 2016, no. 3, pp. 68–69.

4. Ryzhkova E. V., Ioda E. V. *Ekonomika i ekonomicheskie nauki* (Economics and economic Sciences), 2015, vol. 10, no. 9. pp. 146–152.

5. *S tochki zreniya tsepochki sozdaniya stoimosti. Reforma organizatsionnoy modeli upravleniya v industrii 4.0. 2020* (From the point of view of the value chain. Reform of the organizational management model in Industry 4.0. 2020). Available at: https://www.hbrchina.org/2017-10-11/5589.html (Date of access: 12.07.2020). Text: electronic.

6. Se Veyhun, Li Chzhunshun, Tsyuy Sifen. *Nauka i upravlenie naukoy i tehnologiyami* (Science and management of science and technology), 2015, no. 5. pp. 62–73.

7. Se Hunmin, Ren Yanyan, Chen In. *Issledovatelskiy menedzhment* (Research Management), 2014, no. 1, pp. 90–97.

8. *Sodeystvie razvitiyu MSP (2016–2020)* (Promotion of SME development (2016–2020). Available at: http://www.mofcom.gov.cn/article/bh/201610/20161001542549.shtml (Date of access: 12.07.2020). Text: electronic.

9. Timofeev O. A., Ronzhina V. S. *Kitay v mirovoy i regionalnoy politike. Istoriya i sovremennost* (China in world and regional politics. History and modernity), 2017, vol. XXII, pp. 338–351.

10. Fomin P. A. *Instrumenty i metody menedzhmenta promyshlennyh predpriyatiy* (Tools and methods of management of industrial enterprises). Moscow: Dashkov and K, 2008. 492 p.

11. *Chetvertaya revolyutsiya v upravlenii: strategiya transformatsii* (The Fourth Revolution in Management: a transformation strategy). Available at: http://www.qyglzz.com/view.php?id=634 (Date of access: 12.07.2020). Text: electronic.

12. Chzhao Chzhunvey, Van Pin, Lyu Minyao. *Issledovaniya v oblasti upravleniya naukoy i tehnologiyami* (Research in the field of science and technology management). 2016, no. 23, pp. 74–77.

13. Chen Lityan, Syuy Tsinruy. *Journal of Engineering Engineering* (Journal of Engineering Engineering), 2016, no. 3. pp. 1–8.

14. Epidemiya sposobstvuet reformirovaniyu upravleniya promyshlennymi predpriyatiyami, avtomatizirovannoe proizvodstvo i onlayn-ofis stanovyatsya oruzhiem. 2020 (The epidemic contributes to the reform of the industrial enterprises' management, automated production and online office are becoming weapons. 2020). Available at: http://www.jshqjt.com/index.asp?tjld/1025.html (Date of access:12.07.2020). Text: electronic.

15. Beregova G., Klipin A., Shupletsov A. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering* (IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. New Technologies and Special-Purpose). Development Priorities, 2019, pp. 12–13.

Коротко об авторе **Briefly about the author**

У Баоюй, аспирант кафедры менеджмента, Институт экономики, управления и права, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия. Область научных интересов: внешняя торговля, системы управления, производственный менеджмент, экономика и управление народным хозяйством
malex1j@yandex.ru

Wu Baouy, postgraduate, Management department, Institute of Economics, Management and Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia. Sphere of scientific interests: foreign trade, management systems, production management, economy and national economy management

Образец цитирования

У Баоюй. Формирование механизма управления промышленными предприятиями в условиях ограничительных мер // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 127–135. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-127-135.

Wu Baoyu. Formation of a management mechanism for industrial enterprises // Transbaikal State University Journal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 127–135. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-127-135.

Статья поступила в редакцию: 24.11.2020 г.
Статья принята к публикации: 10.12.2020 г.

УДК 330.3
DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-136-149

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ К ДИНАМИЧНО МЕНЯЮЩИМСЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ

MODERN MODELS OF POPULATION ADAPTATION TO DYNAMICALLY CHANGING SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS OF LIFE

А. Г. Шеломенцев,
Институт экономики УрО РАН,
г. Екатеринбург
a.shelom@yandex.ru

Т. Н. Бессонова,
Югорский государственный
университет, г. Ханты-Мансийск
T_Bessonova@ugrasu.ru

К С. Гончарова,
Институт экономики УрО РАН,
г. Екатеринбург
ksenia.gon4arowa@gmail.com.

A. Shelomentsev,
Institute of Economics of the
Ural Branch of RAS, Yekaterinburg

T. Bessonova,
Yugra State University,
Khanty-Mansiysk

K. Goncharova,
Institute of Economics of the Ural
Branch of RAS, Yekaterinburg

Условия жизнедеятельности населения стремительно меняются вследствие происходящих сложных социальных, экономических, культурных, политических и иных процессов. Это закономерно приводит не только к трансформации системы ценностей, мотивации, мировоззрения, но и всего образа жизни. Высокие темпы этих изменений одновременно сопровождаются с одной стороны расширением разнообразия форм реакции поведения людей, с другой – их постепенным встраиванием в обновленную систему социально-экономических отношений в результате поиска моделей индивидуальной и коллективной адаптации к новой динамичной среде, отличающейся высокой неопределенностью и неоднородностью.

Таким образом, целью исследования является определение и описание основных моделей адаптации населения на междисциплинарной основе, не ограничивающейся анализом сложных процессов в рамках какой-то одной области знаний. В этом плане задачей становится поиск способа гармонизации (согласования) различных точек зрения на природу одного явления.

Объектом исследования являются разнообразные процессы адаптации населения к динамично меняющимся условиям его жизнедеятельности. При этом предметом должен стать широкий круг различной природы взаимодействия населения и внешней среды, а также населения «внутри себя», в совокупности составляющих модели его адаптации к изменяющимся условиям.

Для достижения цели и решения задач использован комплекс методов, взаимно дополняющих друг друга:теоретического анализа и синтеза, систематизации и сравнительно-аналитического анализа.

В результате было установлено, что адаптация населения представляет собой достаточно сложный феномен, исследование которого выходит далеко за формальные рамки какой-то одной области знаний, находясь на их пересечении, что требует поиска новых подходов, позволяющих интегрировать объяснения природы явлений, которые интерпретируются в рамках своих парадигм. В статье представлены основные виды моделей адаптации населения к динамично меняющимся социально-экономическим условиям жизни, их особенности, идентичность и различия, а также области применения

Ключевые слова: *адаптация населения; модели адаптации населения; динамично меняющиеся условия; социально-экономическая динамика; уровень жизни; экономическое развитие; социальные группы; системный анализ; механизмы адаптации населения; поведенческая экономика*

© А. Г. Шеломенцев, Т. Н. Бессонова,
К С. Гончарова, 2020

In recent years, living conditions of a population have changed rapidly due to complex social, economic, cultural, political and other processes. This naturally leads not only to a transformation of the system of values, motivation, worldview, but also an entire way of life. High rates of these changes simultaneously led a delegation given, on the one hand, a diversity of forms of response behavior, from the other – their gradual integration into the socio-economic relations in a search result models of individual and collective adaptation to a new dynamic environment, characterized by high uncertainty and heterogeneity.

Thus, the purpose of this study is to identify and describe the main models of population adaptation on an interdisciplinary basis, not limited to an analysis of complex processes within a single field of knowledge. In this regard, the task is to find a way to harmonize (coordinate) different points of view on a nature of a single phenomenon.

The object of our research is a variety of adaptation processes of a population to dynamically changing conditions of its life. At the same time, the subject should be a wide range of different types of interactions between a population and an external environment, as well as a population "within itself", as part of the model of its adaptation to changing conditions.

To achieve the goal and solve problems, a set of methods that complement each other is used, namely: theoretical analysis and synthesis, systematization and comparative analysis.

As a result, it was found that population adaptation is a rather complex phenomenon, the study of which goes far beyond the formal framework of any one field of knowledge, being at their intersection, which requires the search for new approaches that allow integrating explanations of the nature of phenomena that are currently interpreted within their paradigms. The article presents the main types of models of population adaptation to dynamically changing socio-economic conditions of life, their features, identity and differences, as well as areas of application

***Key words*:** *adaptation of a population; adaptation model of a population; dynamically changing conditions; socio-economic dynamics; standard of living; economic development; social group; system analysis; mechanisms of population adaptation; behavioral economics*

Актуальность. Вследствие происходящих процессов как на макро-, так и микроэкономическом уровне условия жизни населения регионов России быстро меняются. Это закономерно приводит к трансформации его образа жизни, системы ценностей и мотивации. Вместе с тем можно предположить, что при всем разнообразии форм поведения населения существует его общая модель, описывающая на системном уровне поведенческую реакцию населения на изменения окружающей среды и его последующие действия. Построение такой модели позволит прогнозировать поведение населения и определять эффективные инструменты его коррекции.

Процессы встраивания и разнообразия самым тесным образом связаны между собой. Можно наблюдать, как для большей части населения происходящие изменения вначале приводят к их «культурному шоку», который впоследствии сменяется растерянностью, осознанием неизбежности и последующим выбором индивидуальной или присоединением к коллективным моделям адаптации к новой реальности. Таким образом, адаптация населения становится обусловленной вхождением его в высокодинамичную среду, связанную с высокими рисками, неопределенностью, а также поиском своего места (роли) в ней, что определяет множество вероятных исходов.

Соответственно, *целью исследования* является определение и описание основных моделей адаптации населения на междисциплинарной основе, не ограничивающейся анализом сложных процессов в рамках какой-то одной области знаний. В этом плане задачей становится поиск способа гармонизации (согласования) различных точек зрения на природу одного явления.

Объектом исследования являются разнообразные процессы адаптации населения к динамично меняющимся условиям его жизнедеятельности. При этом предметом должен стать широкий круг различной природы взаимодействия населения и внешней среды, а также населения «внутри себя», в совокупности составляющих модели его адаптации к изменяющимся условиям.

Методологическая основа исследования – интеграция системного подхода и динамического к формированию современных моделей адаптации населения к динамично меняющимся социально-экономическим условиям жизни.

Для достижения цели и решения задач использован комплекс *методов*, взаимно дополняющих друг друга: теоретического анализа и синтеза, систематизации и сравнительно-аналитического анализа.

Разработанность темы. Теоретические подходы к определению понятия «адаптация населения». Термин «адаптация» достаточно широко используется в контексте исследований социальных и экономических систем. Как отмечает О. В. Макеева, «понятия «адаптация» и «экономический субъект» неразделимы, так как только внутренне организованная система обладает свойством адаптивности» [34]. При этом следует отметить, что при всем разнообразии универсальной трактовки этого понятия нет. Так, чаще всего исследователи рассматривают «адаптацию» как междисциплинарное [12] и общенаучное понятие [10; 21; 35]. В литературе можно встретить различные определения адаптации, отражающие ее междисциплинарное содержание, в частности, как «самонастройка к происходящих внешним изменениям», «парирование возмущений», «достижение состояния, удовлетворяющего критерию заранее поставленной цели», «технология принятия и реализации управленческих решений на различных уровнях взаимодействия систем (индивид – общество)», «способность системы модифицировать себя или свое окружение», «обнаружение и идентификация изменений в моделях с целью реоптимизации системы», «обучение – процесс формирования новой альтернативы с последующим запоминанием», «постепенное изменение усредненных свойств в стохастической среде функционирования динамической системы», «управление на основе прецедентов», «удержание существенных переменных в физиологических пределах», «адаптивность рассматривается как форма поведения системы».

Так, в методологии системного анализа адаптация часто определяется как «самонастройка к действующим возмущениям с последующей выработкой воздействий, обеспечивающих ликвидацию угроз путем трансформации системы или парирования возмущений» [36, с. 208]. В определении самонастройка к действующим возмущениям рассматривается как внутренний механизм системы, обеспечивающий преимущественно борьбу с внутренними угрозами (трансформация структуры и отклонение параметров за пределы области безопасности), а реакция на возмущения связана с механизмом, обеспечивающим сохранение системы от внешних воздействий. Явление возникновения адаптации в случае проникновения внешних угроз через внутренний механизм отражено в работах Ю. А. Шрейдера и А. А. Шарова. По их мнению, «парирование возмущений» позволяет системе сохранить ее важное свойство – целостность. По мнению авторов, целостность предполагает возможность естественного объединения в классы, а не естественного членения на компоненты, заранее имеющихся объектов. В данном случае общность проявляется в единой природе объектов, которая позволяет сопоставлять эти объекты между собой и образовывать из них естественные классы [54, с. 69].

При этом системный подход позволяет исследовать совокупность объектов, процессов и явлений, объединенных многообразными связями и взаимодействиями. Традиционно систему считают жизнедеятельной, если она достигает минимума следующих характеристик: энергетических, позволяющих говорить об устойчивости нового образования; информационных, обеспечивающих упорядоченность связей в системе. С позиций системного анализа любая сложная самоуправляемая система адаптивна, ее важнейшим признаком является структурное и функциональное разнообразие составляющих подсистем. Такая система должна «включать в себя как минимум две системы: которая адаптируется и к которой эта адаптация осуществляется» [43, с. 30]. Кроме того, в рамках кибернетического подхода адаптация отождествляется с управлением. Поэтому в широком смысле адаптация рассматривается как достижение состояния, удовлетворяющего критерию заранее поставленной цели. При этом главная цель может порождать локальные цели, которые могут быть устроены иерархически. В социальных и экономических системах не всегда обнаруживается ситуация жестко целевого поведения, а возможно управление на основе системы общих ценностей или множественности критериев [42; 53].

Некоторые исследователи рассматривают адаптацию в более узком аспекте – как технологию принятия и реализации управленческих решений на различных уровнях взаимодействия [4; 11; 44; 50].

Так, С. Л. Подвальный и Е. М. Васильев, рассматривая многоальтернативные информационно-управляющие системы, в которых приспосабливаемость системы обеспечивается путем выбора альтернативных вариантов управления при помощи обратной связи при критических отклонениях переменных системы или при небольших, некритических отклонениях определяют адаптацию как обучение – процесс формирования новой альтернативы с последующим запоминанием [40, с. 38]. В исследованиях И. П. Кузьменко и В. П. Кирпанева адаптивные системы наделяют способностью изменять порядок и устройство в зависимости от характера внешних факторов [31, с. 267]. Е. В. Красавина дает определение социальной адаптации как процесса «вхождения индивида (группы) в новую социальную среду и освоения среды, такого их взаимодействия и взаимного приспособления, в результате которого создаются условия не только для осуществления личностью ее потребностей и жизненных целей, но и для прогрессивного изменения самой адаптирующей среды» [30]. Л. В. Стахович, Л. Ю. Рыжановская определяют адаптацию населения в контексте институциональной теории как «постоянное взаимодействие человека с информационными сигналами, исходящими от системы окружающей среды, понимание формальных и неформальных правил игры, контактов с институтами» [47, с. 105]. В этом плане отмечается аспект адаптации человека в информационном обществе [19].

Таким образом, свести трактовку адаптации к какому-либо универсальному определению едва ли возможно в силу сложности ее как совокупности разнообразных процессов, протекающих под влиянием широкого круга факторов.

Результаты исследования. Модели, описывающие влияние социальных, экономических, политических и иных изменений на адаптацию населения, его отдельных социальных групп и человека. Данную группу составляют исследования, посвященные общим теоретико-методологическим вопросам адаптивного поведения. Особое место здесь занимают математические модели адаптации населения и человека. Одной из первых теоретических работ по вопросам адаптации человека, стала работа У. Росс Эшби, посвященная анализу механизмов деятельности нервной системы, обеспечивающих приспособительное поведение организма. В ней дается определение адаптивного поведения динамических систем, описывающее реакцию сложных систем на внешние раздражители. Процессы адаптации человека и животных рассматриваются в контексте понятий гомеостаза, стабильности, координации. При этом особое внимание им уделено адаптации в системах разного типа, в частности в итеративных и мультистабильных системах с большим и малым числом связей [44]. По мнению К. Иванова, адаптация – это приспособление системы к внешним условиям, которое широко распространено в природе и изучается в контексте различных областей знаний: физике, экономике, физиологии, биологии. Однако, как он отмечает, до сих пор не было предпринято попыток создания обобщенного математического аппарата адаптации, чему и посвящено данное исследование. Понимание, что должна существовать обобщенная математическая закономерность адаптации, привело к созданию математической модели адаптивного механизма, который самостоятельно изменяет скорость движения под действием внешней нагрузки [58]. Предлагаемая модель адаптации основана на использовании замкнутого математического контура. Математическая модель содержит оператор ввода, оператор вывода, операторы переноса, комбинированный оператор системы, оператор внутренних ограничений, оператор внешних ограничений и оператор адаптации. Регулярность математической модели адаптации обеспечивает возможность описания взаимодействующих параметров любой адаптивной системы. Выполненные численные примеры расчета подтверждают найденную закономерность математической модели адаптации [58]. В работе И. Ю. Тюкина, В. А. Терехова с использованием аппарата функционального анализа, нелинейной динамики и теории аппроксимации предлагается авторский подход к проблеме адаптации в нелинейных динамических системах, в которых свойство адаптивности как приспособления рассматривается как задача управления нелинейными открытыми динамическими системами. Данное исследование, описывая поведение динамических систем различной природы, носит междисциплинарный характер [49]. В статье *G. Galiano* с помощью математических

моделей, представленной системой дифференциальных уравнений анализируются процессы пространственной адаптации популяций, в частности притяжение популяций к более благоприятным экологическим регионам, а также приведены результаты двух численных экспериментов, показавших обоснованность и преимущества предложенной модели [56].

В широком плане большинство концептуальных моделей опираются на представление об адаптации как «процессе целенаправленного изменения параметров и структуры системы, который состоит в определении критериев ее функционирования и выполнении этих критериев» [42, с. 9]. Г. Г. Ершова с позиции цивилизационного подхода предлагает свою модель динамики цивилизационного развития общества как антропосистемы в условиях смены экономической модели, политической системы и идеологии. На основе анализа динамики цивилизационного процесса она отмечает, что преобразования в обществе всегда происходят по неожиданному для игроков сценарию. Автор пишет, что происходящие экономические и политические изменения населением воспринимаются как «эпоха неустойчивости» и «предвестники неких глобальных перемен» на фоне «надежд на возвращение к былой стабильности» [17, с. 9–29]. Так, *Linda Urselmans и Steve Phelps* при разработке моделей адаптации населения к толерантности используют модель Шеллинга, в которой люди действуют как агенты, руководствуясь установленным правилам, требующим от них терпимости. Применение агент-ориентированных моделей позволило авторам показать, что адаптивная толерантность приводит к поляризации агентов и их последующей самоорганизации в сообщества единомышленников, что можно наглядно наблюдать на примере мигрантов из арабских стран в страны Европы [59]. *Alexander N. Gorban, Tatiana A. Tyukina* обращаются к понятию «адаптационной энергии», введенному в научный оборот Х. Селье в 1938 г., под которым понимается гипотетическое обширное количество энергии, затрачиваемое на адаптацию. По мнению исследователей, адаптационная энергия Селье является краеугольным камнем нисходящего подхода к моделированию неспецифических адаптационных процессов. В связи с этим они придают естественному отбору ключевую роль в эволюции механизмов физиологической адаптации. При этом для изучения распределения ресурсов для нейтрализации вредных факторов в процессе адаптации к многофакторной среде и анализе оптимальных стратегий для различных систем факторов они используют подход к оптимизации приспособленности [57]. Широкий ряд исследователей анализировали проблемы социальной адаптации сельских мигрантов в условиях кризиса урбанизации и сокращения сельскохозяйственного производства. При этом большинство работ опирается на результаты социологических опросов и направлено на выявление основных причин миграции, моделей поведения, обобщению механизмов адаптации бывших сельских жителей к городским условиям [8, 9; 10; 33]. Л. В. Корел, опираясь на социокультурный подход П. Сорокина, М. Вебера, Т. Парсонса и других, рассматривает теоретико-методологические и методические вопросы новой отрасли знания – социологии адаптаций. При этом основное внимание автор уделяет вопросам научных предпосылок появления и институционализации социологии адаптации, ее объекту, предмету и условиям фрагментации [27]. Кроме того, исследователь дает определение «механизма адаптации», делает обзоры концепций иерархических адаптивных механизмов и дифференциации и структурирования и предлагается популяционную модель механизма адаптации [27]. Л. В. Корел, представляя относительно новую область исследований – социологию адаптации, выделяет три основных модели адаптации общества: эволюционную модель адаптации; модель саноадаптации; модель патоадаптации [27, с. 119]. При этом под моделью адаптации понимается совокупность ее характерологических черт и свойств. Так, по ее мнению, адекватная модель адаптивного поведения может являться результатом рационального выбора и решения, случайного стечения обстоятельств, а также может носить «оригинальный, творческий характер или же быть всего лишь слепком с адаптивного поведения других субъектов адаптации» [27, с. 119]. С. В. Гарник предлагает рассматривать адаптацию на четырех методологических уровнях экономического анализа: на первом (элементарном) уровне рассматриваются состав – свойства элементов системы. На втором (агрегативном) уровне ана-

лизируются структура-функции, на третьем (системном) уровне предлагается изучить организацию – поведение системы; на четвертом уровне исследуют метасистему – деятельность (глобальные системы). Автор отмечает, что в основе экономического анализа социально-экономической адаптации должна лежать концепция метасистемы. Данная концепция позволяет рассматривать третий уровень не изолированно, а как составную часть метасистемы, т. е. полезность системы будет определяться метасистемой более высокого уровня [11, с. 24]. С. В. Дорошенко и Е. А. Трушкова рассматривают модель социально-экономической адаптации как комплекс взглядов на реализацию адаптивного потенциала индивида или социальной группы в условиях изменения среды. Методологическими особенностями данной модели являются: учет субъективности индивидов, возможность реализации способности к адаптации через развитие адаптивного потенциала, последовательность и плановость этапов социально-экономической адаптации. Отличительной особенностью подхода авторов к исследованию адаптации населения является установление взаимосвязи между изменениями условий среды, ментальными аспектами поведения, ценностными составляющими, средовыми факторами детерминации поведения субъектов, а также выбором механизма адаптации и последовательностью осуществления принятия решений относительно адаптации [16].

В широком плане адаптация отдельных социальных групп населения традиционно рассматривается в контексте его моделей поведения [52] и их выбора [2; 23]. При этом выбор моделей часто связывается с формированием или выработкой субъектами своих стратегий [1; 28; 44]. О. А. Свирбутович предложил комплекс моделей социальной адаптации работников предприятий, включающий описательную модель социальной адаптации организации, дополненную математической моделью, включающей дифференциальные уравнения, описывающие динамику движения персонала и капитала [45]. Ряд работ посвящен исследованиям адаптации сельского населения к изменяющиеся социальным и экономическим условиям. В частности В. С Шмаков и Ю. С. Сердюкова, отмечая многообразие процессов социальной адаптации, предлагают многоагентную имитационную модель социального развития сельских локальных сообществ [53]. О. В. Нечипоренко обращает внимание на зависимость модели адаптации населения от институциональной среды и предлагает две модели адаптации: прогрессивно-инновационную и реактивно-пассивную, которые позволили сделать вывод о смене доминирующих моделей социальных взаимодействий в сельском социуме, обусловленной ослаблением неформальных социальных связей [38].

Ю. В. Мугиль на примере Оренбургской области анализирует модели социальной адаптации сельской молодежи в студенческой среде [37]. Следует отметить подробный анализ моделей социально-экономической адаптации, выполненный А. В. Каравай на материалах восьмой волны общероссийского мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН 2018 г. [23]. Исследователем выделяются одиннадцать адаптационных стратегий, зависящих от обеспеченности конкретных социальных групп (страт) ресурсами, места проживания, возрастными и профессиональными характеристиками. По его мнению, «неравномерное распределение жизненных шансов и рисков в современном российском обществе приводит к неравным возможностям в выборе успешных стратегий поддержания и наращивания материального благополучия, что влечет за собой дальнейший рост социальных неравенств» [23]. Е. Ю. Сементовская обосновывает модель социальной адаптацией пожилых людей [46, с. 199], а Е. Е. Грановская предлагает социально-психологическую факторную модель экономической социализации безработной молодежи [13]. Кроме того, в рамках моделей адаптации социальных групп исследователями традиционно называется достаточно широкий круг и других факторов, в том числе: самостоятельность в экономическом поведении респондентов [7]; согласование самооценок и притязаний субъекта с его возможностями и с реальностью социальной среды [3]; ориентацией на достижение максимально желаемого социального (жизненного) успеха [22]. В ряде работ отражен достаточно широкий круг факторов, определяющих выбор модели адаптации населения, в частности: минимизацией издержек, связанных как с внутренним, так и внешним сопротивлением [22]; как от личностных, так и изменений в социально-экономической среде [25]; отноше-

нием к государству как институту в разрешении социально-экономических проблем [15]. З. А. Даниловой на материалах исследований в байкальской Азии описаны и сопоставлены модели самосохранительного поведения населения россиян и монголов. При этом она отмечает, что сохранение здоровья в Монголии характеризуется более низкими рисками [14].

В литературе модели и механизмы адаптации, по существу, часто определяются как синонимы. При этом трактовки механизмов, как и моделей, условно можно разделить на общетеоретические, индивидуальные и коллективные. В качестве примера первого вида трактовок можно привести определение механизма адаптации В. Г. Ильичева, который акцентирует внимание на двух типах приспособительных реакций системы: изменение переменных или изменение параметров. Рассматривая модель применительно к биологическим системам (эволюционное моделирование динамики водных систем при деформации факторов среды (стока рек, климата и др.), автор утверждает, что «в периодически изменяющейся среде множество эволюционно устойчивых параметров массивно, т. е. может включать в себя целые области» [18, с. 21; 30].

В исследованиях, посвященных адаптации безработных, как специфической социальной группы населения, определяются механизмы поведения индивидуумов как вида социальной адаптации, включающие совокупность социальные институтов и коммуникаций [39]. В. Н. Лексин, Б. Н. Порфирьев, исследуя адаптацию населения к условиям арктического климата в механизм адаптации, включают инструментарий управления рисками, обеспечивающий исключение, снижение, удержание или передачу рисков [32; 41]. По мнению Л. В. Андриченко, адаптация мигрантов должна обеспечиваться подбором правовых инструментов, обеспечивающих вовлечение их в повседневную жизнь принимающего их сообщества [5]. Кроме того, в отдельных работах предлагается при формировании механизмов адаптации населения учитывать, с одной стороны, особенности конкретных регионов [26], с другой – фазы циклов адаптации путем снижения дифференциации, сокращения бедности и улучшения структуры потребления [6], а также природные, экономические, социальные, социокультурные, этносоциальные и другие особенности региона [30]. При этом выбор наиболее эффективных моделей адаптивного поведения определяется ориентацией на достижение максимально желаемого социального (жизненного) успеха [22], соответствия реального результата адаптации требуемому [11] и т. п.

Кроме того, ряд исследователей для описания процессов и механизмов адаптации используют понятие «адаптивная система». В частности, Ю. В. Цыганова понятие адаптивных систем связывает с решением проблемы преодоления неопределенности моделей. Эти функции присущие любой адаптивной системе. В данном подходе автор уточняет, что в случае, когда идентификация не отделяется от модификации, рассматривается собственно адаптация, а принятие решения рассматривается как контроль [51]. При этом адаптивная система, по мнению А. И. Татаркина и С. В. Дорошенко, должна обладать адаптивным потенциалом. Авторы проводили исследование на примере социально-экономической системы региона. В данном контексте под адаптивным потенциалом понимается совокупность мобилизационных возможностей системы и механизмы их вовлечения в процессы, позволяющие приспосабливаться к средовым взаимодействиям и обеспечивающие определенную основу для дальнейшего развития системы. В соответствии с рассматриваемым подходом исследователи выделили в адаптивном потенциале консервативную и переменную составляющие. Их соотношение оказывает непосредственное влияние на формирование стратегии развития системы [48, с. 22].

С. В. Костарев, рассматривая социально-экологические системы, отмечает, что основной целью адаптивной системы управления является увеличение адаптационных возможностей системы, при которых она не реагирует на произошедшие нежелательные воздействия, а приспосабливается к изменениям. Данное состояние системы возможно за счет повышения ее адаптационного потенциала и предполагает «комплексное проектирование»: от внедрения новых технических систем до появления новых участников в многосекторальном пространстве [29, с. 97]. Л. Е. Карпов и В. Н. Юдин в своих исследованиях изучают адаптивное управление на основе прецедентов. [24, с. 41]. При данном подходе адаптив-

ная система рассматривается как приспосабливающаяся к изменениям внутренних и внешних условий.

Научная новизна результатов исследования. К результатам исследования можно отнести: во-первых, систематизацию основных подходов к разработке современных моделей адаптации населения к динамично меняющимся социально-экономическим условиям жизни, выявление их особенностей и сфер практической реализации.

Во-вторых, обоснование положения, что поведение населения, с одной стороны, находится под постоянным воздействием изменений окружающей социальной среды; с другой стороны, регулируется сознанием, включая формирующуюся в течение продолжительного периода времени «матрицу ценностей». Разрешение этого противоречия проявляется в многообразии форм адаптации населения. С этой точки зрения адаптация населения представляет собой достаточно сложный феномен, исследование которого выходит далеко за формальные рамки какой-то одной области знаний (экономики, социологии, психологии и др.), находясь на их пересечении, что требует поиска новых подходов, позволяющих интегрировать объяснения природы явлений, которые интерпретируются в рамках своих парадигм.

Заключение. При всем разнообразии форм поведения (адаптации) населения существуют их общие признаки, характеризующие на системном уровне поведенческую реакцию населения на изменения окружающей среды и его последующие действия. Совокупность указанных признаков, по нашему мнению, в самом обобщенном структурном плане составляют аналитическую основу моделей адаптации населения. Кроме того, как показывает практика, процессы коллективного встраивания в значительной степени ограничивают многообразие индивидуальных моделей адаптации населения, что позволяет предположить существование их ограниченного количества, которые являются наиболее распространенными.

Модели адаптации характеризуются большим разнообразием и изменчивостью, а их выбор обусловливается одновременно многими факторами. Поэтому механизм принятия решений и их практическая реализация имеют ключевое значение в прогнозировании поведения населения в условиях трансформации всех сфер его жизнедеятельности, включая систему ценностей и мотивацию.

Список литературы

1. Авраамова Е., Гришина Е., Елисеева М., Ляшок В. Социальные траектории на текущем этапе экономического развития (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. 2017. Т. 24, № 7. С. 55–63.

2. Авраамова Е., Логинов Д. Адаптационные стратегии населения в 2017 г. // Экономическое развитие России. 2018. Т. 25, № 3. С. 74–76.

3. Авраамова Е. М. Социально-экономическая адаптация населения к переменам в российском обществе 1990-х годов: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 05.13.10. М., 1998. 41 с.

4. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах: пер с англ. / под ред. И. А. Ушакова. М.: Советское радио, 1974. 272 с.

5. Андриченко Л. В. Правовые механизмы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 10. С. 5–18. DOI: 10.12737/13251.

6. Балабанова А. В., Усенко Е. Д. Усиление социальной компоненты в механизме адаптации экономики к фазам цикла // Путеводитель предпринимателя. 2011. № 12. С. 48–60.

7. Балабанова Е. С. Социально-экономическая зависимость как феномен сознания и стратегий поведения населения современной России: автореф. дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.04. Н. Новгород, 2006. 46 с.

8. Бреславский А. С. Сельские мигранты в пространстве постсоветского Улан-Удэ // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4, ч. 1. С. 22–25.

9. Быченко Ю. Г., Шабанов В. Л. Современная миграция сельского населения: особенности, направления, последствия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 2. С. 136–142.

10. Верещагин В. Ю. Философские проблемы теории адаптации человека. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1988. 163 с.

11. Гарник С. В. Управление социально-экономической адаптацией выпускников негосударственных вузов: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 05.13.10. М., 1999. 37 с.

12. Георгиевский А. Б. Эволюция адаптаций: ист.-методол. исслед. Л.: Наука, 1989. 189 с.

13. Грановская Е. Е. Социально-психологические факторы экономической социализации безработной молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 25 с.

14. Данилова З. А. Социальные риски в байкальской Азии (на материалах Бурятии и Монголии) // Проблемы прогнозирования. 2015. Т. 26, № 1. С. 84–90.

15. Дискин И. С., Авраамова Е. М. Адаптация населения и элит (Институциональные предпосылки) // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 24–33.

16. Дорошенко С. В., Трушкова Е. А. Макромодель адаптации населения в изменяющейся экономике: подходы и решения // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 4. С. 617–629.

17. Ершова Г. Г. Проблемы адаптации и дезадаптации в период смены эпох // Социокультурные ресурсы человека как способ активной адаптации: поведенческие стратегии в условиях социального стресса: сб. статей / отв. ред. Г. Г. Ершова; И. Н. Косиченко (сост.); Центр междисц. гуманит. исслед.; Рос. гос. гуманит. ун-т. М.: Акад. проект, 2017. 189 с.

18. Ильичев В. Г. Механизмы стабилизации и адаптации в моделях экологии: автореф дис. ... д-ра техн. наук: 05.13.01, 05.13.18. Таганрог, 2003. 36 с.

19. Информационная культура как условие успешной адаптации человека в информационном обществе / сост. М. А. Лощилина, Е. В. Петрова; Университет машиностроения, Институт философии РАН // Известия МГТУ МАМИ. 2013. Т. 2, № 4. С. 76–82.

20. Казенин К. И. Адаптация сельских мигрантов в городах интенсивной урбанизации. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2749069 (дата обращения: 20.09.2020). Текст: электронный.

21. Калайков И. Д. Теория отражения и проблема адаптации. М.: Наука, 1986. 144 с.

22. Капица С. И. Формирование механизмов управления социальной адаптацией трудоспособного населения к изменениям современного российского рынка труда: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. СПб., 2009. 43 с.

23. Каравай А. В. Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus, 2019. №17. С. 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145.

24. Карпов Л. Е., Юдин В. Н. Адаптивное управление по прецедентам, основанное на классификации состояний управляемых объектов // Труды института системного программирования РАН. 2007. Т. 13, № 2. С. 37–58. С. 41.

25. Козлова Т. В. Механизм социально-экономической адаптации в трансформирующемся обществе // Экономика и управление инновационными процессами, проектами, программами: сб. материалов междунар. заочн. науч.-практ. конф. Омск: Омск. гос. ун-т путей сообщения, 2015. С. 183–187.

26. Концевая А. В., Лукьянов М. М., Худяков М. Б., Кляшторный В. Г., Баланова Ю. А., Калинина А. М., Бойцов С. А. Сезонные и помесячные изменения смертности в регионах Российской Федерации с различными климатогеографическими характеристиками // Российский кардиологический журнал. 2014. № 11. С. 25–30.

27. Корел Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.

28. Коровникова Н. А. Особенности социально-экономической адаптации современных россиян // Экономические и социальные проблемы России: сб. науч. тр. РАН. ИНИОН. М.: Центр социал. науч.-информ. исслед, 2019. № 1. 150 с.

29. Костарев С. В. Адаптивное управление в развитии социально-экологической системы // Инновационная экономика и общество. 2014. № 3. С. 95–100. С. 97.

30. Красавина Е. В. Основные подходы к анализу адаптационного механизма молодежи в условиях современного общества // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2015. № 1. С. 49–58.

31. Кузьменко И. П., Кирпанев В. П. Адаптивное управление как инструмент повышения устойчивости хозяйствующих субъектов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5. Экономика. 2011. № 1. С. 266–270.

32. Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Специфика трансформации пространственной системы и стратегии переосвоения российской Арктики в условиях изменений климата // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 3. С. 641–657.

33. Лушникова О.Л. Теоретические основания исследования социальной адаптации сельских мигрантов. Текст: электронный // Грамота. 2018. № 10. С. 82–85. URL: https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.15 (дата обращения: 20.09.2020).

34. Макеева О. В. Адаптация как цель и условие успешного функционирования любой экономической и социальной системы // Библиосфера. 2009. № 3. С. 16–23.

35. Митрофанов А. Г. Специфика адаптации субъектов рынка в условиях переходной экономики: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. М., 2002. 156 с.

36. Могилевский В. Д. Методология систем (вербальный подход) / Отд-ние экон. РАН. М.: Экономика, 1999. 251 с.

37. Мугиль Ю. В. Социальная адаптация сельской молодежи российского региона в студенческой среде: на примере Оренбургской области: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Уфа, 2004.

38. Нечипоренко О. В. Эволюция адаптационных стратегий сельского социума в процессе аграрного реформирования // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». 2011. Т. 9, № 1. С. 85–91.

39. Нуреев Р. М., Алексеев А. В. , Балабанова Е. С., Батяева А. Е., Герцог И. Ф., Дёмин А. Н., Емельянов Д. Н., Кравченко Н. А., Миляева Л. Г., Пациорковский В. В., Петрова Л. Е., Попова И. П., Розмаинский И. В., Темницкий А. Л., Черемисина Т. П., Шабанова М. А. Трансформация экономических институтов в постсоветской России: микроэкон. анализ. М.: Моск. обществ. науч. фонд: Изд. центр научных и учебных программ, 2000. 193 с. (Серия «Научные доклады», вып. XIV).

40. Подвальный С. Л., Васильев Е. М. Многоальтернативное управление открытыми системами: концепция, состояние и перспективы // Управление большими системами: сб. трудов. 2014. № 48. С. 6–58.

41. Порфирьев Б. Н. Природа и экономика: риски взаимодействия (эколого-экономические очерки) / под ред. В. В. Ивантера. М.: Анкил, 2011. 352 с.

42. Растригин Л. А. Адаптация сложных систем. Рига: Зинатне, 1981. 375 с.

43. Ромм М. В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 2002. 275 с.

44. Росс Эшби У. Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения. М.: Изд. иностр. лит., 1962. 397 с.

45. Свирбутович О. А. Система управления социальной адаптацией как комплекс функционального развития организации: на примере предприятий автомобильного транспорта Иркутской области: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Хабаровск, 2013. 22 с.

46. Сементовская Е. Ю. Конструирование модели управления социальной адаптацией пожилых людей сельских поселений Новосибирской области // Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления. 2014. № 2. С. 189–201. С 199.

47. Стахович Л. В., Рыжановская Л. Ю. Адаптация населения к потреблению финансовых услуг как механизм расширения доступа к финансам // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2013. № 3. С. 97–108.

48. Татаркин А. И., Дорошенко С. В. Регион как саморазвивающаяся социально-экономическая система: переход через кризис // Экономика региона. 2011. № 1. С. 15–23.

49. Тюкин И. Ю., Терехов В. А. Адаптация в нелинейных динамических системах. СПб.: ЛКИ, 2006. 378 с.

50. Федорова М. А. Вычислительные и эволюционные методы в стохастических системах с обнаружением и адаптацией: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук: 01.01.09. Ульяновск, 2007. 23 с.

51. Цыганова Ю. В. Алгоритмы адаптации и контроля активного типа в линейных стохастических и стемах управления: автореф. дис. ... канд. физ-мат. наук: 01.01.09. Ульяновск, 2000. 19 с.

52. Шерешева М. Ю., Костанян А. А. Поведенческая экономика: модель человека в экономической теории и оценка роли государства в этой модели. URL: https://www.econ.msu.ru/sys/ raw.php?o=32384&p=attachment (дата обращения: 15.12.2020). Текст: электронный.

53. Шмаков В. С., Сердюкова Ю. С. Моделирование процессов социальной адаптации и определение стратегий развития сельских сообществ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». 2010. Т. 8, № 3. С. 84–91.

54. Шрейдер Ю. А., Шаров А. А. Системы и модели. М.: Радио и связь, 1982. 152 с.

55. Allen K. R., Henderson A. C. Family theories: Foundations and applications. JohnWiley&Sons, 2016. 265 p.

56. Galiano G. Modeling spatial adaptation of populations by a time non-local convection cross-diffusion evolution problem // Applied Mathematics and Computation. Vol. 218, Issue 8, 15 December 2011, P. 4587–4594. https://doi.org/10.1016/j.amc.2011.10.041.

57. Gorban A. N.,Tyukina T. A. Evolution of adaptation mechanisms: adaptation energy, stress, and oscillating death. Текст: электронный // Journal of Theoretical Biology September 2016. DOI: 10.1016/j.jtbi.2015.12.017. URL: https://www.researchgate.net/publication/287251014 (дата обращения: 20.09.2020).

58. Ivanov K. Mathematical Model of Adaptation. Текст: электронный // Journal of Modern Mathematics Frontier. April 2016. DOI: 10.14355/jmmf.2016.05.001.https://www.researchgate.net/publication/303013778. URL: (дата обращения: 20.09.2020).

59. Urselmans L., Phelps S. A. Schelling Model with Adaptive Tolerance // PLOS. Working Paper, February, 2018. P. 1–26. DOI: 10.13140/RG.2.2.20858.70088. URL: https://www.researchgate.net/publication/315715818 (дата обращения: 20.09.2020).

References

1. Avraamova E., Grishina E., Eliseeva M., Lyashko V. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* (Economic Development of Russia), 2017, vol. 24, no 7, pp. 55–63.

2. Avraamova E., Loginov D. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* (Economic Development of Russia), 2018, vol. 25. no 3, pp. 74–76.

3. Avraamova E. M. *Sotsialno-ekonomicheskaya adaptatsiya naseleniya k peremenam v rossiyskom obshchestve 1990-h godov: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk: 05.13.10 / In-t sotsialno-ekon. problem narodonaseleniya* (Socio-economic adaptation of the population to changes in the Russian society of the 90s: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Economic Sciences: 05.13.10 / Institute of Socio-Economic Problems of Population). Moscow, 1998. 41 p.

4. Akoff R., Emery F. *O tseleustremlennih sistemah* (About purposeful systems). M. Sov. radio. 1974. 272 p.

5. Andrichenko L. V. *Zhurnal rossiiskogo prava* (Journal of Russian Law), 2015, no 10, pp. 5–18. DOI: 10.12737/13251.

6. Balabanova A.V., Usenko E. D. *Rukovodstvo predprinimatelya* (Entrepreneur's guide), 2011, no. 12, pp. 48–60.

7. Balabanova E. S. *Sotsialno-ekonomicheskaya zavisimost kak fenomen soznaniya i strategiy povedeniya naseleniya sovremennoy Rossii: avtoref. dis. ... d-ra sots. nauk: 22.00.04* (Socio-economic dependence as a phenomenon of consciousness and strategies of behavior of the population of modern Russia. Abstract of the dissertation for the degree of doctor of social sciences. Speciality 22.00.04). Nizhny Novgorod. 2006. 46 p.

8. Breslavsky A. S. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* (Izvestiya of Altai State University), 2011, no 4, Part 1, pp. 22–25.

9. Bychenko Yu. G., Shabanov V. L. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta* (Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University), 2012. no. 2, pp. 136–142.

10. Vereschagin, V. Yu. *Filosofskie problemy teorii adaptatsii cheloveka* (Philosophical problems of the theory of human adaptation). Vladivostok: far Eastern University Press, 1988, 163 p.

11. Garnik S. V. *Upravlenie sotsialno-ekonomicheskoy adaptatsiey vypusknikov negosudarstvennyh vuzov: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk: 05.13.10* (Management of socio-economic adaptation of graduates of non-state Universities: abstract of the dissertation for the degree of doctor of economics: 05.13.10). Moscow, 1999, 37 p.

12. Georgievsky A. B. *Evolyuciya adaptacij: ist.-metodol. issled.* (Evolution of adaptations: historical and methodological research). L.: Nauka, 1989, 189 p.

13. Granovskaya E. E. *Sotsialno-psihologicheskie faktory ekonomicheskoy sotsializatsii bezrabotnoy molodezhi: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk* (Socio-psychological factors of economic socialization of unemployed youth: abstract of the dissertation for the degree of candidate of psychological sciences). Moscow, 2013, 25 p.

14. Danilova Z. A. *Problemy prognozirovaniya* (Problems of forecasting), 2015, vol. 26, no 1, pp. 84–90.

15. Diskin I. S., Avraamova E. M. *Obschestvennye nauki i sovremennost* (Social Sciences and modernity), 1997, no. 1, pp. 24–33.

16. Doroshenko S. V., Trushkova E. A. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* (Journal of economic theory), 2019, vol. 16, no 4, pp. 617–629.

17. Yershova G. G. *Sotsiokulturnie resursi lichnosti kak sposob aktivnoi adaptatsii:_ povedencheskie strategii v usloviyah sotsialnogo stressa: sb.statei; tsentr mezhdistsiplinarnih gumanitarnih issledovanii; rossiiskii gosudarstvennii gumanitarnii universitet* (Sociocultural resources of a person as a way of active adaptation: behavioral strategies in conditions of social stress: Collection of articles / Ed. By G. G. Yershov; I. N. Kosichenko (comp.); Center for interdisciplinary humanitarian research; Russian state University for the Humanities). M.: Academic project, 2017. 189 p.

18. Ilyichev V. G. *Mehanizmy stabilizatsii i adaptatsii v modelyah ekologii: avtoref dis. ... d-ra tehn. nauk: 05.13.01, 05.13.18* (Mechanisms of stabilization and adaptation in environmental models: abstract of the dissertation for the degree of doctor of technical sciences: 05.13.01, 05.13.18). Taganrog, 2003, 36 p.

19. *Izvestiya MGTU MAMI* (Izvestiya MSTU MAMI), 2013, vol. 2, no. 4. pp. 76–82.

20. Kazenin K. I. *Adaptatsiya selskih migrantov v gorodah intensivnoi urbanizatsii* (Adaptation of rural migrants in cities of intensive urbanization). Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2749069 (Date of access: 20.09.2020). Text: electronic.

21. Kalaykov I. D. *Teoriya otrajeniya i problema adaptatsii* (Theory of reflection and the problem of adaptation). Moscow: Nauka, 1986, 144 p.

22. Kapitsa S. I. *Formirovanie mehanizmov upravleniya sotsialnoy adaptatsiey trudosposobnogo naseleniya k izmeneniyam sovremennogo rossiyskogo rynka truda: avtoref. dis. ... d-ra sots. nauk* (Formation of mechanisms for managing the social adaptation of the working-age population to changes in the modern Russian labour market: author's abstract. dissertations for the degree of doctor of social sciences). SPb., 2009, 43 p.

23. Karavay A.V. *Terra Economicus* (Terra Economicus), 2019, no. 17, pp. 128–145. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145.

24. Karpov L. E., Yudin V. N. *Trudi institute sistemnogo programmirovaniya RAN* (Proceedings of the Institute of system programming of the Russian Academy of Sciences), 2007, vol. 13, no. 2, pp. 37–58.

25. Kozlova T. V. Ekonomika i upravlenie innovatsionnymi protsessami, proektami, programmami: sb. materialov mezhdunar. zaochn. nauch.-prakt. konf. (Economics and management of innovative processes, projects, programs: collection of materials of the international journal. correspondence scientific-practical Conf). Omsk: Omsk State University of Railways, 2015, pp. 183–187.

26. Kontsevaya A. V., Lukyanov M. M., Khudyakov M. B., Klyashtorny V. G., Balanova Yu. A., Kalinina A. M., Boitsov S. A. *Rossiiskii kardiologicheskii zhurnal* (Russian journal of cardiology). 2014, no. 11, pp. 25–30.

27. Korel L. V. *Sotsiologiya adaptatsii: voprosi teorii_ metodologii i metodiki* (Sociology of adaptations: questions of theory, methodology and methodology). Novosibirsk: Nauka, 2005, 424 p.

28. Korovnikova N. A. *Ekonomicheskie i sotsialnye problemy Rossii: sb. nauch. tr. RAN. INION* (Economic and social problems of Russia: SB. nauch. Tr. RAS. INION. center for social science-inform.). Moscow: Center for social science and information. Research, 2019, no. 1, 150 p.

29. Kostarev S.V. *Innovatsionnaya ekonomika i obschestvo* (Innovative economy and society), 2014, no. 3, pp. 95–100.

30. Krasavina E. V. *Chelovecheskii kapital i professionalnoe obrazovanie* (Human capital and professional education), 2015, no. 1, pp. 49–58.

31. Kuzmenko I.P. Kirpanev V.P. *Vestnik Adigeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Ekonomika* (Bulletin of the Adyghe State University. Series 5. Economics). 2011. no. 1. pp. 266–270.

32. Leksin V. N., Porfirev B. N. *Ekonomika regiona* (Regional economy), 2017, vol. 13, iss. 3, pp. 641–657.

33. Lushnikova O.L. *Gramota* (Charter), 2018, no. 10, pp. 82–85. Available at: https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.15 (Date of access: 20.09.2020). Text: electronic.

34. Makeeva O. V. *Bibliosfera* (Bibliosphere), 2009, no. 3, pp. 16–23.

35. Mitrofanov A. G. *Spetsifika adaptatsii subektov rynka v usloviyah perehodnoy ekonomiki: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.01* (Specifics of adaptation of market subjects in the conditions of transition economy. Dissertation for the degree of candidate of economic sciences: 08.00.01). Moscow, 2002. 156 p.

36. Mogilevsky V.D. *Metodologiya sistem verbalnii podhod / Otdelenie ekon. RAN* (Systems methodology (verbal approach) / Department of Economics of the Russian Academy of Sciences). Moscow: Ekonomika 1999. 251 p.

37. Mugil Yu. V. *Sotsialnaya adaptatsiya selskoy molodezhi rossiyskogo regiona v studencheskoy srede: na primere Orenburgskoy oblasti: dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.04* (Social adaptation of rural youth of the Russian region in the student environment: on the example of the Orenburg region: dis. ... cand. social sciences: 22.00.04). Ufa, 2004.

38. Nechiporenko O.V. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filosofiya"* (Bulletin of the Novosibirsk State University. Series "Philosophy"), 2011, vol. 9, no. 1, pp. 85–91.

39. Nureev R.M., Alekseev A.V., Balabanova E.S., Batyaeva A.E., Gertsog I.F., Demin A.N., Emelyanov D. N., Kravchenko N.A., Milyaeva L.G.,Patsiorkovsky V.V., Petrova L.E., Popova I.P., Rozmainsky I.V., Temnitsky A.L.,Cheremisina T.P.,Shabanova M.A. *Transformatsiya ekonomicheskih institutov v postsovetskoi Rossii: mikroekon. analiz* (Transformation of economic institutions in post-Soviet Russia (microecon. analysis). Moscow: Moscow public scientific Foundation, 2000. 193 p.

40. Podvalny S. L., Vasilev E.M. *Upravlenie bolshimi sistemami: sb. trudov* (Managing large systems: collected papers), 2014, no. 48, pp. 6–58.

41. Porfirev B. N. *Priroda i ekonomika riski vzaimodeistviya: ekologo-ekonomicheskie ocherki)* (Nature and economy: interaction risks: ecological and economic essays), 2011, 352 p.

42. Rastrigin L.A. *Adaptatsiya sloynih sistem* (Adaptation of complex systems). Riga: Zinatne, 1981, 375 p.

43. Romm M.V. *Adaptatsiya lichnosti v sotsiume: teoretiko-metodologicheskii aspekt* (The adaptation of the individual in society: theoretical and methodological aspect). Novosibirsk: Nauka. Siberian publishing company of the Russian Academy of Sciences), 2002. 275 p.

44. Ross Eshbi U. *Konstruktsiya mozga. Proishozhdenie adaptivnogo povedeniya* (The design of the brain. Origin of adaptive behavior). Moscow: Izd. Inostr. lit., 1962. 397 p.

45. Svirbutovich, O. A. *Sistema upravleniya sotsialnoy adaptatsiey kak kompleks funktsionalnogo razvitiya organizatsii: na primere predpriyatiy avtomobilnogo transporta Irkutskoy oblasti: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.08* (Social adaptation management system as a complex of functional development of the organization: on the example of enterprises of the automobile transport of the Irkutsk region: abstract of the dissertation for the degree of candidate of sociological sciences 22.00.08). Khabarovsk, 2013. 22 p.

46. Sementovskaya E.Yu. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i upravleniya* (Bulletin of the Novosibirsk State University of Economics and management in), 2014, no. 2, pp. 189–201.

47. Stakhovich L.V., Riyanovskaya L. Yu. *Nauchno-issledovatelskii finansovii institut. Finansovii zhurnal* (Scientific-research financial Institute. Financial magazine), 2013, no. 3, pp. 97–108.

48. Tatarkin A.I., Doroshenko S. V. *Ekonomik aregiona* (Regional economy), 2011, no. 1, pp. 15–23.

49. Tyukin I. Yu. Terehov V. A. *Adaptatsiya v nelineinih dinamicheskih sistemah* (Adaptation in nonlinear dynamical systems). St. Petersburg: LKI, 2006. 378 p.

50. Fedorova M. A. *Vychislitelnye i evolyutsionnye metody v stohasticheskih sistemah s obnaruzheniem i adaptatsiey: avtoref. dis. ... kand. fiz.-mat. nauk: 01.01.09* (Computational and evolutionary methods in stochastic systems with detection and adaptation: abstract of the diss. ...cand. phys-math. sciences: 01.01.09). Ulyanovsk, 2007. 23 p.

51. Tsyganova S. E. *Algoritmy adaptatsii i kontrolya aktivnogo tipa v lineynyh stohasticheskih i stemah upravleniya: avtoref. dis. ... kand. fiz-mat. nauk: 01.01.0*9 (Algorithms for adaptation and control of the active type in linear stochastic control systems: abstract of the dis. candidate of physical and mathematical sciences: 01.01.09. Ulyanovsk, 2000, 19 p.

52. Sheresheva M. Yu.,Kostanyan A.A *Povedencheskaya ekonomika: model cheloveka v ekonomicheskoi teorii I otsenka roli gosudarstva v etoi modeli* (Behavioral Economics: a human model in economic theory and an assessment of the role of the state in this model). Available at: https://www.econ.msu.ru/sys/ raw.php?o=32384&p=attachment (Date of access: 15.12.2020). Text: electronic.

53. Shmakov V.S., SerdyukovaYu. S. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filosofiya"* (Bulletin of the Novosibirsk State University. Series "Philosophy"). 2010, vol. 8, no. 3, pp. 84–91.

54. Schreider Yu. A., Sharov A. A. *Sistemy i modeli* (Systems and models). Moscow: Radio and communication, 1982, 152 p.

55. Allen K. R., Henderson A. C. *Family theories: Foundations and applications* (Family theories: Foundations and applications). John Wiley & Sons, 2016, 265 p.

56. Galiano G. *Applied Mathematics and Computation* (Applied Mathematics and Computation), 2011, vol. 218, Issue 8, 15 December, pp. 4587–4594. Available at: https://doi.org/10.1016/j.amc.2011.10.041 (Date access: 19.09.2020). Text: electronic.

57. Gorban A. N., Tyukina T. A. *Journal of Theoretical Biology* (Journal of Theoretical Biology), 2016, September. DOI: 10.1016/j.jtbi.2015.12.017. Available at: https://www.researchgate.net/publication/287251014 (Date access: 19.09.2020). Text: electronic.

58. Ivanov K. *Journal of Modern Mathematics Frontier* (Journal of Modern Mathematics Frontier), 2016, April. DOI: 10.14355/jmmf.2016.05.001. Available at: https://www.researchgate.net/publication/303013778 (Date access: 19.09.2020). Text: electronic.

59. Urselmans L., Phelps S. A. *PLOS. Working Paper* (PLOS. Working Paper), 2018, February, pp. 1–26. DOI: 10.13140/RG.2.2.20858.70088. Available at: https://www.researchgate.net/publication/315715818 (Date access: 19.09.2020). Text: electronic.

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФГБУН Институт экономики УрО РАН на период 2019–2022 гг.

Коротко об авторах

Шеломенцев Андрей Геннадьевич, д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. Область научных интересов: вопросы адаптации социально-экономических систем, экологического менеджмента, инновационной политики и государственного управления
a.shelom@yandex.ru

Бессонова Татьяна Николаевна, канд. экон. наук, доцент, Институт цифровой экономики, Югорский государственный университет. Область научных интересов: вопросы оценки предпринимательской деятельности для развития Северных территорий, регионального социально-экономического развития и экологического менеджмента.
T_Bessonova@ugrasu.ru

Гончарова Ксения Сергеевна, младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия. Область научных интересов: проблемы пространственной дифференциации социально-экономического развития стран и регионов, процессы адаптации региональных социально-экономических систем к динамичному развитию, а также вопросы регулирования институтами пространственных социально-экономических систем
ksenia.gon4arowa@gmail.com

Briefly about the authors

Andrey Shelomentsev, doctor of economic sciences, professor, Chief Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russia.Sphere of scientific interests: adaptation of socio-economic systems, environmental management, innovation policy, and public administration

Kseniya Goncharova, research assistant, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, Russia. Sphere of scientific interests: problems of spatial differentiation in countries and regions socio-economic development, the processes of regional socio-economic systems adaptation to dynamic development, as well as issues of spatial socio-economic systems regulation by institutes

Tatyana Bessonova, Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor of the Institute of Digital Economics, Yugra State University. Sphere of scientific interests:
His main research experience covers issues of business assessment for the development of the Northern territories, regional socio-economic development and environmental management

Образец цитирования

Шеломенцев А. Г., Бессонова Т. Н., Гончарова К. С. Современные модели адаптации населения к динамично меняющимся социально-экономическим условиям жизни // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 10. С. 136–149. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-136-149.

ShelomentsevA., Bessonova T. Goncharova K. Modern models of population adaptation to dynamically changing socio-economic conditions of life // TransbaikalStateUniversityJournal, 2020, vol. 26, no. 10, pp. 136–149. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-10-136-149.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2020 г.
Статья принята к публикации: 18.12.2020 г.

ВЕСТНИК
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2020 Том 26. № 10

Главный редактор Н. П. Романова
Литературный редактор Т. Р. Шевчук
Технический редактор И. В. Петрова
Подписано в печать 13.01.2021
Дата выхода в свет 29.01.2021
Форм. бум. 60 x 84 1/8
Печать цифровая
Уч.-изд. л. 14,4
Тираж 500 экз. (1-й з-д 1—100 экз.)

Бум. тип. № 2
Гарнитура основного
текста «Pragmatica»
Усл. печ. л. 17,4
Заказ № 20227

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

672039, Забайкальский край, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30